

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 3 (23)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 3 (23)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор, академик РАО
проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Щепилова А.В.**

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Афанасьева О.В.**Беляева И.А.****Бубнова И.А.****Вострикова О.В.**

секретарь

Геймбух Е.Ю.**Джанумов С.А.****Курдюмов В.А.****Матвеева И.И.**

секретарь

Радченко О.А.**Романова Г.И.****Собянина В.А.****Сулейманова О.А.****Тарева Е.Г.****Федянина В.А.**

ответственный секретарь

Чупрына О.Г.**Языкова Н.В.****Ярыгина Е.С.**

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)
доктор филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
кандидат исторических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Баранова К.М., Афанасьева О.В.* Мотив *предопределение* в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера» 8
- Строганов М.В.* Два фельетониста: Салтыков и Слепцов (часть 1)..... 18
- Громова А.В.* Мир цвета в повести Вс. Иванова «Цветные ветра»..... 27
- Смирнова А.И., Симкина В.С.* Философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня»..... 35
- Чеснокова Т.Г., Проккопенкова В.В.* Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур» (часть 2)..... 43
- Шильникова О.Г., Васильева С.С.* Литературная периодика региона в мультидисциплинарном научном дискурсе..... 53

Русистика. Германистика. Романистика

- Желтухина М.Р., Михайлушкина О.А.* Индивидуально-авторский концепт «любовь» в художественном дискурсе В.П. Астафьева (на примере повести «Веселый солдат»)..... 63
- Шубина Э.Л.* Синтаксическое варьирование в диахронии немецкого языка..... 71
- Алексеев А.В.* Происхождение древнерусского концепта *търпѣние*: этимологический аспект 79

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Хутыз И.П.* Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования..... 86

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Тарева Е.Г.* Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? 94

Слово молодым ученым

- Короленко О.И.* Комплимент и поздравительная речь как эпидейктические жанры академического дискурса XVII–XVIII вв. 102
- Сычева М.А.* Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия как регулятивный текст предметной сферы *культурное наследие* 108
- Крючкова С.А.* Художественное осмысление «нового» героя в рассказах П. Романова 115

Научная жизнь

- Серебренникова Е.Ф.* Междисциплинарные связи в реализации межкультурного подхода к обучению иностранным языкам: информационно-аналитический обзор материалов Первой международной научно-практической конференции «Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик» (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) 122
- Шафранская Э.Ф.* Научно-практическая конференция «Травелоги: рецепция и интерпретация» 130

Юбилей

- Поздравляем с юбилеем Альфию Исламовну Смирнову 135

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

- Языковое образование», 2016, № 3 (23)..... 137**

- Требования к оформлению статей..... 143**

CONTENTS

Literary Science

- Baranova K.M., Afanasyeva O.V.* Motif Providence
in Mark Twain's Novel «The Adventures of Tom Sawyer» 8
- Stroganov M.V.* Two Feuilletonists: Saltykov and Sleptsov (Part 1) 18
- Gromova A.V.* World of Colors in Vs. Ivanov's «Color Winds»..... 27
- Smirnova A.I., Simkina V.S.* Philosophical Intentions
in V. Pelevin's Novel «The Sacred Book of the Werewolf»..... 35
- Chesnokova T.G., Prokopenkova V.V.* The Reception
of the Romantic Hero in the First Poetic Translation
of G.G. Byron's «The Giaour» (Part 2) 43
- Shilnikova O.G., Vasilyeva S.S.* Regional Literary Periodicals
in Multidisciplinary Scientific Discourse 53

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Zheltukhina M.R., Borodina S.N.* Author's Individual Concept «Love»
in Literary Discourse of V.P. Astafyev (on the Example
of the Story «The Jolly Soldier») 63
- Shubina E.L.* Diachrony of Syntactic Variation in German..... 71
- Alekseev A.V.* The Origin of the Old Russian Concept *Patience*:
an Etymological Aspect 79

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Khoutyz I.P.* Linguo-cultural Traditions in Academic Discourse:
Construction Specifics 86

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Tareva E.G.* Teaching Language and Culture:
Is It a «Soft Power» Tool?..... 94

Young Scientists' Platform

- Korolenko O.I.* Compliment and Greeting Speech
as Epideictic Genres of Academic Discourse
in XVII–XVIII Centuries..... 102
- Sycheva M.A.* Convention Concerning the Protection
of the World Cultural and Natural Heritage
as Regulatory Text of the Substantive Scope of *Cultural Heritage* 108
- Kryuchkova S.A.* Artistic Perception of the «New» Hero
in Stories by P. Romanov..... 115

Scholarly Events

- Serebrennikova E.F.* Interdisciplinary Links
in Cross-Cultural Approach to Teaching Foreign Languages:
Insights of the 1st International Research and Practice Conference
«Dialogue of Cultures. Dialogue Culture: Searching
for Advanced Socio-Humanistic Practices»
(Moscow, April 14–16, 2016)..... 122
- Shafranskaya E.F.* Scientific and Research Conference
«Travelogues: Reception and Interpretation»..... 130

Anniversaries

- Our Birthday Greetings to Alfia Islamovna Smirnova 135

«MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic
Education» / Authors, 2016, № 3 (23) 137

Style Sheet..... 143

**К.М. Баранова,
О.В. Афанасьева**

Мотив *предопределение* в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера»

Мотив «предопределение» переходит из раннеколониальной литературы в произведения американской литературы XIX в. В статье рассматривается эволюционное развитие данного мотива на протяжении нескольких столетий и анализируются его проявления в романе М. Твена «Приключения Тома Сойера». Доказывается, что мотив «предопределение», продолжая традиции XVII, XVIII вв., в XIX в. значительно трансформируется и перестает играть доминирующую роль, идея Промысла Божьего ослабевает, а отношение к религиозным постулатам существенно меняется.

Ключевые слова: мотив *предопределение*; колониальная литература; религия; догма; суеверие.

Мотив *предопределение* (providence) появляется в произведениях американской литературы начиная с колониального периода. Как отмечают исследователи творчества новоанглийских авторов этого периода, доктрина предопределения и благодати лежала в основе пуританской идеологии. Соответственно, она занимала центральное место и в пуританской литературе. Естественно, что анализируемый мотив для словесников-пуритан XVII в. оказывался знаковым, если не определяющим, прежде всего в силу их мировоззрения. «В его основе заложено беспрекословное служение Создателю. Члены пуританских общин верили в промыслительность всего происходящего. По их глубокому убеждению, человек не мог повлиять на ход событий, так как именно Всевышний определял порядок вещей в мире. Случайности полностью исключались» [3: с. 10].

Термин *предопределение* предполагает предназначение и исполнение всего того, что надлежит исполнить личности по воле Господа. Последнее же является неизбежным, иными словами, Промыслом Божьим. На протяжении

всего XVII в. вера в предопределение была абсолютной. Жители североамериканских колоний полностью отрицали любую случайность происходящего. Однако с течением времени идея провиденциальности начинает ослабевать. Задумываясь о том, что происходит в мире, переселенцы, во всяком случае, некоторая их часть, приходят к выводу, что в определенных ситуациях человек оказывается в состоянии повлиять на происходящее, а в череде некоторых событий даже наблюдается элемент случайности.

Так, в одном из самых значительных памятников раннеколониального периода — «История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда (*Of Plymouth Plantation by W. Bradford*) [1], имеются многочисленные референции к провидению. Однако в работах XVIII в. это утверждение начинает подвергаться сомнению, и воля людей оказывается не менее значимой при совершении тех или иных поступков. В монографии «XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина)» подчеркивается, что «при сохранении полного пиетета к Творцу, Эдвардс начинает интуитивным чувственным способом открывать признаки Божественности в человеке» [4: с. 30]. Более того, на страницах данного изыскания имеется прямое указание на то, что Эдвардс, создавая свои проповеди, не только принимает во внимание «духовное наследие своей исторической родины, идеи религиозного идеала, провозглашенные первыми колониальными авторами», но и в значительной степени «отходит от канонических традиций пуританизма... показывая, что рожденный свободным человек обладает возможностью совершать выбор в отношении своих деяний» [4: с. 108]. Отметим также, что в XVIII в. начинается процесс стилизации литературных произведений. «Франклин был одним из первых американских авторов, положивших начало стилизации текста произведения» [5: с. 13].

В XIX в., к моменту создания романа «Приключения Тома Сойера» («*The Adventures of Tom Sawyer*») известным американским писателем Марком Твенном (Mark Twain), вера жителей Новой Англии в предопределение становится еще менее значимой. Безусловно, герои его сочинения не отрицают наличия Высшей силы, которая является причиной всего происходящего и защищает все живые существа на земле. Именно таким образом рассматриваемый мотив трактуется в изучаемом произведении. Отметим, однако, что феномен предопределения понимается его героями неодинаково. Если для многих взрослых Высшая сила — это Божий промысел, то дети, скорее, склонны видеть в ней то, что прежде всего порождает суеверия и предрассудки. При этом и те и другие зачастую воспринимают предопределение в качестве испытаний, которые ниспосланы Создателем и которые необходимо преодолеть.

Невозможно оспорить тот факт, что религия является важной составляющей частью мира жителей Сент-Питерсберга (St. Petersburg). Несмотря на это, их религиозность различна, и далеко не всех людей в городке можно назвать истинно верующими. В качестве примера действительно религиозного человека можно привести вдову Дуглас (Widow Douglas). В тот момент, когда

большинство горожан отправляются на поиски Тома и Бекки (Becky), потерявшихся в пещере, вдова разрешает Геку (Huck) пожить у нее, чтобы ухаживать за ним, пока тот болеет. Будучи по-настоящему религиозной, она считает, что каждый человек является божьим созданием, а потому, независимо от того, плохой он или хороший, его нельзя покинуть или игнорировать: «The physicians were all at the cave, so the Widow Douglas came and took charge of the patient [Huck]. She said she would do her best by him, because, whether he was good, bad, or indifferent, he was the Lord's, and nothing that was the Lord's was a thing to be neglected» [2: p. 206].

Вдова Дуглас искренне верит в предопределение, а потому и Гека, в котором все остальные видят лишь недостатки, женщина не считает полностью испорченным и надеется его перевоспитать, привить мальчику хорошие манеры и приучить посещать церковные службы: «The widow's servants kept him clean and neat, combed and brushed, and they bedded him nightly in unsympathetic sheets that had not one little spot or stain which he could press to his heart and know for a friend. He had to eat with knife and fork; he had to use napkin, cup, and plate; he had to learn his book, he had to go to church...» [2: p. 239]. Как истинная христианка, вдова считает, что только верующему будет благоволить судьба. Для этого она и пытается изменить Гека в лучшую сторону, приучив его хорошо себя вести, учиться и молиться.

Однако далеко не все жители городка разделяют принципы и взгляды вдовы. Показательно в этом отношении, например, поведение девушек, учениц местной школы. На экзамене они должны были читать свои собственные сочинения на религиозную тему, в конце которых нужно было поместить выведенную из текста мораль. Вся процедура проводимого испытания производит на читателя несколько странное впечатление. Школьницы явно «вымучивают» строки из своих произведений, не веря тому, что сами произносят. Выводя мораль, они, скорее совершенно в английском духе [6], следуют убеждениям старшего поколения, делая это по их настоянию, а не в соответствии с собственными взглядами. Более того, их тяготит необходимость следовать правилам написания сочинений и совершенно не волнуют вопросы религии. Учениц, скорее, интересует то, как они выглядят: «No matter what the subject might be, a brain-racking effort was made to squirm it into some aspect or other that the moral and religious mind could contemplate with edification. <...> And you will find that the sermon of the most frivolous and the least religious girl in the school is always the longest and the most relentlessly pious» [2: p. 148]. Автор иронизирует по поводу этой ситуации: мораль из религиозного текста выводят далекие от религии люди.

Но ведь и иные жители городка характеризуются отсутствием должной религиозности, присущей вдове Дуглас. Подтверждением этому является эпизод романа, посвященный похоронам индейца Джо (Injun Joe). После того как Бекки и Тома находят в пещере, вход в нее закрывают кованой дверью. Мальчик,

узнав об этом только через две недели после случившегося, сообщает, что внутри находится индеец Джо. Естественно, он был уже мертв, когда вход открыли вновь. Было решено похоронить несчастного около пещеры. Эта церемония, как ни странно, для некоторых прихожан стала своеобразным развлечением. Такое отношение к смерти (пусть даже и преступника) противоречит всем христианским постулатам и вряд ли может рассматриваться как элемент религиозности и благочестия: «Injun Joe was buried near the mouth of the cave; and people flocked there in boats and wagons from the towns and from all the farms and hamlets for seven miles around; they brought their children and all sorts of provisions» [2: p. 225]. Из цитаты видно, что посмотреть на похороны пришли не только жители Сент-Питерсберга. Многие прибыли из других мест, и для большей части собравшихся это было некое приключение типа поездки на пикник.

Для главного героя романа соблюдение религиозных правил — это скорее вынужденная обязанность, от исполнения которой он постоянно пытается уклониться. Например, мальчик всегда отлынивает от чтения молитв на ночь, не испытывая при этом никаких угрызений совести: «Tom turned in without the added vexation of prayers, and Sid made mental note of the omission» [2: p. 24]. Отсутствие религиозности у Тома подтверждают и его поступки. Так, покупая билетки для того, чтобы получить взамен Библию, он прибегает к обману. Это можно рассматривать как нарушение божьих заповедей и религиозных канонов. В то время как другие учащиеся заучивают сотни отрывков, чтобы стать обладателями подобных билетиков, Том обменивает их на свои «сокровища». Иными словами можно сказать, что он получает Библию несправедливым путем. Отметим при этом, что Книга Книг нужна ему не для изучения текстов Священного Писания. С ее помощью Том хочет добиться популярности среди сверстников: «Only the older pupils managed to keep their tickets and stick to their tedious work long enough to get a Bible... It is possible that Tom's mental stomach had never really hungered for one of those prizes, but unquestionably his entire being had for many a day longed for the glory and the eclat that came with it» [2: p. 29]. Мальчика не волнует религия. Ему важен лишь статус, который он получит с помощью Библии. После того как Тому вручат вожделенную книгу на глазах у удивленных учеников, учителей и важного гостя — судьи Тэтчера (Judge Thatcher), последний просит Тома назвать имена апостолов, что подросток, якобы выучивший библейские стихи, не может сделать.

Подтверждением того факта, что для Тома соблюдение общественных и моральных правил — это вынужденная обязанность, является разговор мальчика с Бекки. Том лишь следует требованиям взрослых, но не испытывает никаких религиозных чувств, значимых для верующего. Его набожность показная. Мальчик не готов, в отличие от своих предков-пуритан, искренне следовать существующему порядку вещей и христианской морали. Он не полагается на мудрое Провидение. Подростку не угоден тезис о том, что в жизни все предопределено и промыслительно. Его рассуждения в чем-то даже сродни богохульству.

Показательно в этом отношении, например, замечание Тома, что цирк намного лучше церкви: «I been to the circus three or four times — lots of times. Church ain't shucks to a circus. There's things going on at a circus all the time. I'm going to be a clown in a circus when I grow up» [2: p. 57]. Мальчик сообщает Бекки, что собирается стать клоуном, когда вырастет. Сравнение же церкви с цирком в пользу последнего показывает полное неуважение к религии, даже недоверие к данному социальному институту. Позиция, которая, очевидно, близка и автору романа.

Однако, несмотря на пренебрежительное отношение к религии, попытки тети Полли привить Тому уважение к вере по-своему влияют на него. Например, во время грозы, которая разразилась сразу после его выздоровления, мальчик, услышав раскаты грома, сразу решает, что он своим поведением разгневал Всевышнего, и Господь послал на землю эту ужасную непогоду: «And that night there came on a terrific storm, with driving rain, awful claps of thunder and blinding sheets of lightning. He covered his head with the bedclothes and waited in a horror of suspense for his doom; for he had not the shadow of a doubt that all this hubbub was about him» [2: p. 155]. Подросток нисколько не сомневается, что гроза началась из-за него, и это наказание Высших сил за его непослушание. Ведь он твердо знает, что Провидение направляет поступки людей, и Создатель карает их за непозволительное поведение.

Указания или знаки со стороны Бога Том видит в раскатах грома, в самой разбушевавшейся стихии. Именно с их помощью, по мнению мальчика, и осуществляется Божий промысел. А это — уже утверждение в свете пуританской идеологии. После того как непогода проходит, Том сначала хочет поблагодарить Бога за то, что Создатель его не покарал. От всей души мальчик желает исправиться, но быстро передумывает: «By and by the tempest spent itself and died without accomplishing its object. The boy's first impulse was to be grateful, and reform. His second was to wait — for there might not be any more storms» [2: p. 155]. Таких устрашающих явлений природы, полагает Том, возможно, больше и не будет. Он весьма прагматичен в своих мыслях и поступках. Зачем же что-то менять в своем поведении, если вполне вероятно, что никакого наказания не последует. Том мгновенно пересматривает свое решение, надеясь, что Творец больше наказывать его таким способом не будет.

В другом эпизоде романа Том и его друг Гек становятся свидетелями оправдания Мэфа Поттера (Muff Potter) в убийстве доктора Робинсона (Dr Robinson). Находящийся там же индеец Джо, настоящий виновник произошедшего, сваливает всю вину на Поттера. Видя, как спокойно лжет человек, совершивший преступление, оба мальчика не сомневаются, что он будет наказан Всевышним: «Then Huckleberry and Tom stood dumb and staring, and heard the stony-hearted liar reel off his serene statement, they expecting every moment that the clear sky would deliver God's lightnings upon his head, and wondering to see how long the stroke was delayed» [2: p. 83]. Но когда ничего не происходит, подростки искренне удивляются. Они не понимают, почему неминуемая

кара откладывается. Единственное объяснение, которое приходит им в голову, заключается в том, что индеец Джо связан с нечистой силой. Таким образом, несмотря на то, что мальчики не любят молиться и посещать церковь, а иногда и ведут себя неподобающим образом по отношению к институту церкви, они убеждены, что ложь является наказуемым грехом, как и плохое поведение.

Отметим, что многие взрослые люди в городке разделяют взгляды Тома Сойера. Это отчетливо проявляется в эпизоде, который происходит во время проповеди в церкви. Когда священник начинает читать молитву, мальчику становится совсем скучно, и он пытается каким-то образом себя развлечь. Он смотрит в окно, следит за мухой, летающей вокруг него, пытается поймать жука, залетевшего в церковь. Вдруг в церковь забегают пудель, и когда жук садится ему на нос, собака громко взвизгивает, что очень смешит Тома. Это происшествие является развлечением и для взрослых прихожан, которые должны были бы со смирением слушать молитву, а не следить за собакой: «By this time the whole church was red-faced and suffocating with suppressed laughter, and the sermon had come to a dead standstill» [2: p. 41].

Поведение пуделя рассмешило многих прихожан настолько, что они не могут сосредоточиться на проповеди. Ведь для многих из них посещение церкви — это скорее скучная обязанность, чем веление души, и они рады любой возможности отвлечься от исполнения долга. Их поведение сродни поступку ребенка. В течение всей проповеди взрослые скучают так же, как и главный герой. Интересно, что даже певчие в церковном хоре ведут себя неподобающим образом: они шепчутся и смеются во время проповеди, что недопустимо для всех, а особенно для тех людей, чья деятельность неразрывно связана с институтом церкви.

Не менее показателен в этом отношении эпизод, в котором Том с друзьями появляются на собственном отпевании в церкви. Во время проповеди священник говорит о мальчишках-сорванцах только положительно. В середине этого панегирика они сами, целые и невредимые вдруг появляются в церкви. Родственники радуются «воскрешению» детей, и все прихожане восхваляют Господа за их спасение: «Suddenly the minister shouted at the top of his voice: «Praise God from whom all blessings flow — Sing! — and put your hearts in it! <...> As the «sold» congregation trooped out, they said they would almost be willing to be made ridiculous again to hear Old Hundred sung like that once more» [2: p. 126]. Отметим, что парадокс данной ситуации заключается в том, что взрослые, понимая, что дети их обманули, тем не менее приписывают «воскрешение» подростков Всевышнему, которого восхваляют в гимне. Все это позволяет говорить о том, что истинно верующие фактически не появляются на страницах анализируемой книги. Марк Твен намеренно противопоставляет действия и слова или даже помыслы. Они расходятся друг с другом. Писатель намеренно включает в нарратив, казалось бы, несовместимые поступки протагонистов, чтобы показать ханжеское и лицемерное отношение персонажей, задействованных в повествовании, к восхваляемым и почитаемым ими высшим силам и религиозным канонам.

Так, узнав, что ее племянник нашелся, тетя Полли благодарит Бога. Произнося слова благодарности Всевышнему она замечает: «I'm thankful to the good God and Father of us all I've got you back, that's long-suffering and merciful to them that believe on Him and keep His word, though goodness knows I'm unworthy of it, but if only the worthy ones got His blessings and had His hand to help them over the rough places, there's few enough would smile here or ever enter into His rest when the long night comes. **Go 'long, Sid, Mary, Tom — take yourselves off — you've hendered me long enough**» [2: p. 130]. Конец данного изречения (см. выделение в тексте) звучит несколько неожиданно. Он не соответствует характеру и тону вышеприведенной молитвы. За возвышенными словами, восхваляющими Создателя, следует реплика, наполненная стилистически маркированной лексикой, при помощи которой тетушка достаточно грубо выгоняет из помещения своих домочадцев, говоря, что они ей надоели. Включением стилистически маркированной лексики в данный контекст М. Твен добивается необходимого ему эффекта. Со свойственной писателю иронией он показывает, что тетя Полли достаточно далека от образа смиренной благочестивой прихожанки, роль которой она так усердно пытается исполнить.

Гек Финн, так же как и Том, не питает особой любви к церкви и проповедям. В разговоре с Томом в конце романа Гек жалуется на жизнь у вдовы Дуглас. Та, пытаясь перевоспитать мальчика, заставляет его полностью поменять привычный для него уклад жизни: «I got to go to church, and sweat and sweat — I hate them ornery sermons! I can't ketch a fly in there, I can't chaw, I got to wear shoes all Sunday. The widder eats by a bell; she goes to bed by a bell; she gits up by a bell — everything's so awful reg'lar a body can't stand it» [2: p. 240]. Гек не понимает, для чего необходимо ходить в церковь, зачем нужны выработанные ограничения, к которым мальчик не привык. Вдова Дуглас, будучи одной из самых религиозных женщин в городке, полагает, что если он станет верующим человеком, то сможет измениться и начнет учиться. Самому же подростку претят нововведения в его жизнь, и особенно религиозные поучения вдовы, которые, как он считает, ограничивают его свободу.

Автор анализируемого романа отнюдь не является последователем религиозных воззрений, присущих его героям. Он с мягким юмором подшучивает над ними. Это проявляется, например, при создании образа директора школы мистера Уолтерса (Mr Walters): «Mr. Walters was very earnest of mien, and very sincere and honest at heart; and he held sacred things and places in such reverence, and so separated them from worldly matters, that unconsciously to himself his Sunday school voice had acquired a peculiar intonation which was wholly absent on week-days» [2: p. 30]. М. Твен явно иронизирует, преувеличивая благоговение школьного руководителя перед всем, что связано с религией.

В отличие от взрослых, для мальчиков высшая сила во многом предстает в виде различных суеверий. Дети искренне верят в различные предрассудки. При этом, если ожидаемый ход событий нарушается, подростки всегда находят объяснения неудачам, утверждая, что был выбран неправильный способ исполнения действия, или была допущена какая-либо ошибка. Например,

однажды в лесу Том начинает рыть землю у старого ствола дерева, чтобы найти тайник, куда он когда-то спрятал шарик. Как и его друзья, мальчик считает, что зарыв один шарик и прочитав заговор, позже в этом же месте можно найти несколько похожих. Несмотря на то что суеверие не срабатывает, Том не собирается отказываться от него. Он ищет объяснения постигшей его неудачи и быстро находит ее «причину»: «He puzzled over the matter some time, and finally decided that some witch had interfered and broken the charm» [2: p. 63].

По ходу повествования читатель знакомится с многочисленными предрассудками мальчиков. При этом большую роль играют знаки и предзнаменования, которые как бы посылаются свыше. Отметим, что этот феномен был типичен и для раннеколониального периода развития американской словесности. Любое житейское событие верующие полагали зависящим от воли Создателя и трактовали как провиденциальное явление. Это же характерно и для мотива *предопределение* в романе М. Твена. Писатель подчеркивает, что для Тома червяк, который ползет по его ноге, является знаком того, что мальчик вскоре получит новый костюм. Точно также потеря трещотки, его своеобразного амулета, для подростка является предзнаменованием большой беды. Том даже боится идти купаться, ибо он и помыслить не может, что потеря произошла случайно. Если же, как отмечалось выше, знаки судьбы «не срабатывают», объяснение причины всегда у друзей под рукой. Это может быть выбор неудачного дня или влияние ведьмы, что не менее абсурдно. Суеверия влияют на жизнь детей и подростков, и автор романа неоднократно с легкой улыбкой рассказывает о подобных забавных ситуациях читателю.

Мотив *предопределение* в анализируемом романе М. Твена, с одной стороны, продолжает традиции, заложенные в литературе колониального периода, а с другой — в значительной степени трансформируется. Доктрина предопределения уже не занимает центральное место в американском обществе XIX в., идея Промысла Божьего значительно ослабевает, отношение к религиозным догмам существенно меняется.

Хотя вера в Божественное предначертание перестает быть абсолютной (это в равной степени относится к людям разных возрастов общества, представленного на страницах романа), горожане в вопросах почитания Создателя следуют традициям своих предков. Однако многие жители фактически сохраняют лишь внешнее подобие религиозности. Лишь единицы из них являются истинно верующими. Тем не менее вопросы веры и провидения остаются насущными для американцев и в XIX в. Толкование знаков судьбы, убежденность, что предначертания свыше несомненно существуют, ожидание проявлений Божественного промысла — отмечаются в их мировоззрении и передаются детям. Но все эти черты проявляются далеко не так явно, как во времена первых поселений на североамериканском континенте, что и находит отражение в американской литературе XIX в., и в частности, в анализируемом романе М. Твена.

Библиографический список

Источники

1. *Bradford W.* Of Plymouth Plantation: 1620–1647. Chicago: McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p.
2. *Twain M.* The Adventures of Tom Sawyer. London: Harper Press, 2011. 244 p.

Литература

3. *Баранова К.М., Афанасьева О.В.* Образ Нового Адама в американской колониальной литературе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 8–17.
4. *Баранова К.М.* XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина): монография. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 250 с.
5. *Баранова К.М.* Стилизация в тексте «Альманаха Бедного Ричарда» Б. Франклина // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 8–13.
6. *Меркулова М.Г., Сатюкова Е.Г.* «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 221–226.

References

Istochniki

1. *Bradford W.* Of Plymouth Plantation: 1620–1647. Chicago: McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p.
2. *Twain M.* The Adventures of Tom Sawyer. London: Harper Press, 2011. 244 p.

Literatura

3. *Baranova K.M., Afanas'yeva O.V.* Obraz Novogo Adama v amerikanskoj kolonial'noj literature // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 8–17.
4. *Baranova K.M.* XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty' (tvorchestvo Dzh. E'dvardsa i B. Franklina): monografiya. M.: Izd-vo MGOU, 2010. 250 s.
5. *Baranova K.M.* Stilizaciya v tekste «Al'manaxa Bednogo Richarda» B. Franklina // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 1 (11). S. 8–13.
6. *Merkulova M.G., Satyukova E.G.* «Anglijskost'» v otechestvennom literaturovedenii: teoreticheskoe osmys'lenie i izuchenie ponyatiya // Gumanitarny'e issledovaniya. 2010. № 4. S. 221–226.

K.M. Baranova

O.V. Afanasyeva

Motif *Providence* in Mark Twain's Novel «The Adventures of Tom Sawyer»

The motif of providence gets into the literary works of the XIX century from early colonial literature. The article shows the evolution of this motif through several centuries and offers its analysis in the novel «The Adventures of Tom Sawyer» by Mark Twain. With the continuation of XVII and XVIII-century traditions, the motif under analyses transforms a lot in the XIX century: it stops being domineering, the idea of providence weakens and peoples' attitude towards religious dogmas changes a lot.

Keywords: motif of *providence*; colonial literature; evolution; religion; dogma; superstition.

М.В. Строганов

Два фельетониста: Салтыков и Слепцов¹

В статье речь идет о непростых взаимоотношениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.А. Слепцова. Салтыков, как представитель 1840-х гг., был человеком слова, а Слепцов, как родившийся в 1860-х гг., — человеком дела. Уверовав в определенную доктрину, Слепцов хотел реализовать ее в жизни. Салтыков же допускал социальные перемены только на почве эволюции общественного сознания. «Отцы», как люди слова, были радикальны в сочинениях. «Дети» требовали соответствия социальной практики идейным убеждениям.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин; В.А. Слепцов; литературное поколение; социальная практика; литературный журнал.

Часть 1

Личные отношения В.А. Слепцова с писателями предшествующего поколения, особенно с лидерами «Отечественных записок» Некрасовым и Салтыковым, рассматриваются с учетом свидетельств заинтересованных современников, в частности, показаний Л.Ф. Нелидовой, «знавшей Слепцова в последние три года его жизни, о том, что, вопреки распространенному мнению, он не был одинок, сохранил до конца дней дружеские отношения с Некрасовым и с другими сотрудниками “Отечественных записок”, в частности, с Салтыковым-Щедриным. В самом деле, в письмах к Нелидовой и к матери из Петербурга в 1875–1876 гг. Слепцов называет Некрасова в числе своих “лучших друзей”, сообщает о встречах с ним. К Некрасову и Салтыкову-Щедрину “обращается он в тяжелые дни болезни за помощью, на что они немедленно откликаются”» [10: с. 488]. И там же: «...до последнего года жизни Некрасова, Василий Алексеевич поддерживал с ним постоянные дружеские сношения; то же можно сказать и по отношению к покойному А.Ф. Головачеву, Щедрину и вообще редакции “Отечественных записок”» [10: с. 488]. Но что иное мог сообщить Слепцов для успокоения своей матери, если не назвать «в числе своих “лучших друзей”» известных литераторов? При этом следует учесть, что Некрасов имел в глазах Слепцова авторитет, что обуславливалось разницей в возрасте (15 лет) и статусом редактора журнала. Салтыков же, невзирая на разрыв в 10 лет, был писателем, чей авторитет в первой половине 1860-х гг., когда начиналась литературная

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389а).

карьера Слепцова, только формировался. К Некрасову Слепцов неравнодушен. Салтыков для Слепцова, скорее, безразличен.

В историко-культурном отношении Салтыков и Слепцов принадлежат к разным поколениям. Однако указания на близость Слепцова к Некрасову и Салтыкову справедливы, поскольку именно к ним «обращался он в тяжелые дни болезни за помощью», и на самом деле «они немедленно откликнулись». Известна записка Некрасова к Слепцову, которую мы датируем 19–25 апреля 1877 г. (а не концом 1876-го — 19 мая 1877 г., как делают комментаторы, не соотнося его с письмами Салтыкова [2: т. 15 (2), с. 261]): «Милый Слепцов. Я очнулся в эту минуту, 19-е. Но давно мне худо и не выхожу. Некр<асов>. Просил Салтыкова Вам написать» [2: т. 15 (2), с. 150]. Письмо Слепцова к Некрасову неизвестно, поэтому записка Некрасова была, видимо, ответом на визит Слепцова, которого больной Некрасов не смог принять. Это же объясняет, почему Салтыков, которому Некрасов перепоручил общение, не знал вопроса, по которому обращался Слепцов. И Салтыков запрашивает Слепцова о цели его визита, тот отвечает; оба письма не сохранились, но ясно, что это общение не было личным. И тогда 26 апреля 1877 г. Салтыков пишет два письма. В письме к председателю комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам Г.К. Репинскому Салтыков сообщал о просьбе Слепцова «по случаю трудной болезни» в пособии 300 рублей, поддерживал ее и просил срочно выплатить ему 100 рублей [4: т. 19-1, с. 56–57]. А самому Слепцову Салтыков сообщал, что передал его просьбу Г.К. Репинскому и что не сомневается, что комитет Литературного фонда удовлетворит ее [4: т. 19-1, с. 57–58]. Комитет 5 мая 1877 г. заслушал «заявление М.Е. Салтыкова о болезненном состоянии и бедственном положении В.А. Слепцова» и постановил «утвердить произведенную председателем выдачу и выдать Слепцову в пособие еще 200 руб.» (цит. по: [4: т. 19-1, с. 57]). Делать выводы о близости Слепцова к Салтыкову и Некрасову на основании этих писем нельзя, поскольку помощь нуждающемуся литератору была обязанностью членов Литературного фонда, а Некрасов и Салтыков были обязательными его участниками. На основании этой переписки можно говорить только о том, что оба руководителя «Отечественных записок» покровительствовали своим бывшим сотрудникам и постоянно оказывали им помощь. Наша задача состоит в том, чтобы понять отношения Салтыкова и Слепцова.

В «Пошехонских рассказах» (вечер первый «По Сеньке и шапка», 1883) Салтыков писал: «Нынче с самого малого возраста уж всем наукам учат. Клоп, от земли не видать, — а его с утра до вечера пичкают. В науке тоже, чай, всякие слова бывают; иное надо бы и пропустить, а у нас не разбирают: все слова сподряд учи! Точно в Ростове каплунам насильно в зоб кашу пальцем проталкивают. Ну, мальчонко долбит-долбит, да и закричит: “Не верю!”» [4: т. 15-2, с. 23]. Комментатор считал, что «здесь отражен случай со Слепцовым в той версии, которая была распространена среди современников и которую Салтыков, конечно, знал по службе в Пензе» [9: с. 309], и ссылаясь на рассказ К.И. Чуковского о том,

что, учась в дворянском институте в Пензе, Слепцов в 1853 г. во время праздничной службы, когда пели «Верую во единого Бога», взошел на амвон и сказал: «А я не верую!» [16: с. 6].

К.И. Чуковский вольно пересказывает сцены из романа Л.Ф. Нелидовой «На малой земле», где Слепцов изображен под именем Свиридова. Нелидова в последние годы жизни Слепцова была его гражданской женой, поэтому ее сведения расцениваются как исторический источник. Роман не опубликован, но известен пересказ, подготовленный Л.А. Евстигнеевой. В пятнадцать лет Свиридов в поисках смысла жизни обратился к религии, но по причине юношеского максимализма религиозность дошла до фанатизма: носил вериги, длительно постился, прислуживал в церкви. Однажды во время обедни в один из больших праздников «Свиридов вместе с другими двумя мальчиками, увлеченными его примером, прислуживал, по обыкновению, в алтаре. <...> Публики по случаю праздника собралось более обыкновенного, и половина обедни успела уже отойти, как вдруг как раз в ту минуту, когда с первыми словами “Верую” священник отдернул церковную завесу над царскими воротами, с левого клироса вышел бледный более обыкновенного Свиридов, сделал несколько шагов по амвону, отворил снаружи царские ворота и вошел в алтарь». От такого святотатства все замерли, но из алтаря послышался стон, и вскоре оттуда вынесли Свиридова без памяти. Когда директор потребовал объяснить проступок, Свиридов сказал: «Я хотел испытать, что будет. <...> Я ведь, входя, сказал: *не верую!* Я хотел видеть, допустит ли это и накажет ли меня за это Бог. Если Он есть, Он ведь непременно должен был наказать меня, потому что тогда я сделал грех и, пожалуй, даже большой грех. Но вот я, видите ли!.. я сомневаюсь... Я ведь давно сомневаюсь, вот в чем дело» [10: с. 503, 504]. Историки литературы считали этот поступок проявлением атеизма, хотя это был смелый до отчаянности жест самоутверждения молодого человека, типичного «мальчика», каких изображал Достоевский: для поколения Слепцова оборотной стороной атеизма была религиозность [12: с. 33–34].

Салтыков узнал эту историю не в 1864–1866 гг., когда служил в Пензе, а либо после смерти Слепцова от Нелидовой, либо в период личного общения с ним, что более вероятно. Отголосок этой истории мы находим в романе Слепцова «Трудное время», в эпизоде, который был изменен по требованию цензуры, поэтому непременно обсуждался в редакции «Современника» в 1865 г., когда роман печатался в журнале. Здесь Марья Николаевна Щетинина говорит Рязанову:

— Я вспомнила, как меня в детстве пугали Господом Богом: мне тогда говорили, что и на него тоже нельзя смотреть.

— И вы верили?

— Нет; я и тогда не верила. Мне все это как-то смешно было. У моей няньки иконка была: Бог Отец, сидящий на воздухе; только воздух был так гадко нарисован, точно будто Саваоф сидит на яйцах. Нянька меня, бывало, пугает Им, а я ничего не боюсь. Как посмотрю на Него, так и засмеюсь.

— А теперь-то вы не боитесь Его?

— Конечно, не боюсь.

— Да так ли это? Подумайте-ка хорошенько! Может быть, это вы только так храбритесь.

— Какой вздор! Не только [Его], я и вас даже не боюсь [5: т. 2. С. 119].

Мария Николаевна рассказывает женский вариант той же самой истории, но комментаторы не заметили этого.

Стремлением совершить из ряда вон выходящий поступок вызвано и создание Слепцовым коммуны под влиянием романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Слепцов якобы хотел практически решить «женский вопрос» и для этого 1 сентября 1863 г. в Петербурге снял квартиру, где каждый жилец (он сам и его знакомые-единомышленники) имел отдельную комнату, а одна комната была общей. Члены коммуны для ведения хозяйства наняли общую прислугу, но никто из живших в коммуне женщин не хотел заведовать общим хозяйством, и Слепцов делал это сам. Знаменская коммуна была первым в России примером совместного проживания под одной крышей мужчин и женщин, не связанных родством или браком. Жители коммуны, не приученные к такому общежитию и имевшие разные привычки, раздражались и конфликтовали, возникли слухи о неупорядоченных сексуальных связях между ними, что вызвало внимание полиции. В июне 1864 г. коммуна распалась.

Салтыков неоднократно посещал коммуны [11: с. 64], участвовал в литературных вечерах Слепцова [10: с. 458]. Но отношение его к коммунам не отвечало той модели восторженного приветствия социально-демократических исканий, которое было связано с образом революционера-демократа, поэтому исследователи обходили его молчанием. Фет вспоминал, как однажды Салтыков «стал бойко расхваливать Тургеневу успех недавно возникших фаланстеров, где мужчины и женщины в свободном сожительстве приносят результаты трудов своих в общий склад, причем каждый и каждая имеют право, входя в комнату другого, читать его книги, письма и брать его вещи и деньги.

— Ну, а какая же участь ожидает детей? — спросил Тургенев своим кисло-сладким фальцетом.

— Детей не полагается, — отвечал Щедрин.

— Тем не менее они будут, — уныло возразил Тургенев.

Когда по уходе гостя я спросил: «Как же это не полагается детей?», — Тургенев таким тоном сказал: «Это уж очень хитро», — что заставлял вместо хитро понимать нелепо» [6: с. 367–368; о тезисе «детей не полагается» см.: 11: с. 167–170].

Г.З. Елисеев поддержал мнение журнала «Русская мысль», «что сплетня сочинена самим Фетом» в ответ на критику Салтыковым записок Фета о вольнонаемном труде, и показал истинное мнение Салтыкова о фаланстерах Фурье. Более того, Г.З. Елисеев «затруднялся допустить, что Салтыков, сам бывавший, вероятно, не один раз в устроенной Слепцовым квартире и хорошо знавший

всех живущих в ней лиц, мог в простом совместном жительстве людей, собранных вместе единственно из расчетов хозяйственных и не связанных между собой никакими уставами, никакими особенными законами и правилами для жизни, мог видеть в этом общежитии нечто похожее на фаланстеры Фурье» [7: с. 488–491]. Но в «свободном сожительстве» Фет видит только свободное совместное проживание, а не свальный грех. Его возмущает нарушение права собственности, которое он защищал и в записках о вольнонаемном труде. Фет либо не услышал, либо сознательно исказил скрытую иронию Салтыкова, хотя не исключено, что Салтыков мог и сам подразнить Фета.

Этот пример очевидно показывает различие между позициями Слепцова и Салтыкова. Салтыков, как человек сороковых годов, был человеком слова, а Слепцов, как человек шестидесятых годов, — человеком дела. Это поколенческое различие четко обозначил В.В. Розанов [15: с. 121–122]. Слепцову мало уверовать в ту или иную доктрину, он должен тут же реализовать ее в конкретном деле. Прочитал «Что делать?» — и сделал, как там написано. Засомневался в своей вере — и сообщил об этом. Салтыков же, переживший кризис социальной активности конца 1840-х — начала 1850-х гг., не верил, что жизнь можно изменить внешним вмешательством, и считал, что социальные перемены возможны только на почве нового общественного сознания. Кроме того, он видел, что социалистические идеи равенства ведут к уравниловке, которая родственна тоталитаризму и монархизму, поэтому считал знаменскую коммуны в лучшем случае ошибкой, в худшем — игрой взрослых людей. Но прямо свою позицию он не выражал, как не выражал и свое отношение к вере.

Только через двадцать лет после истории коммуны Салтыков определенно сказал о ней в письме к А.М. Скабичевскому от 7 февраля 1885 г. по поводу его рецензии на книгу М.С. Громеки «Последние произведения графа Л.Н. Толстого» (1884), которую «с величайшим удовольствием прочитал» в «Русских ведомостях» 6 февраля. Но Салтыков заметил, что если Толстой считает науку и искусство «баловством», то «для того, чтоб быть совсем логичным, надо и игру в верования счесть *баловством*» [4: т. 20, с. 137, 138]. Защищая свое мнение о «жизненности новой веры гр. Л.Н. Толстого», Скабичевский в ответном (не сохранившемся) письме ссылаясь на знаменскую коммуны. Салтыков отвечал 9 февраля: «Мне кажется, что, привлекая пример Слепцова и его коммуны, вы только запутываете вопрос самым неожиданным образом. Это дело было совершенно ребяческое, так что, по моему мнению, об нем лучше всего позабыть» [4: т. 20, с. 139]. Знаменская коммуна для Салтыкова — дело «совершенно ребяческое». Для самого Слепцова коммуна была первым важным шагом в деле его жизни. После ее распада он организовал научно-популярные лекции для женщин, основал и редактировал журнал «Женский вестник» (1866–1868), оказывал помощь ассоциациям переплетчиц и переводчиц. Социальная активность была главной чертой личности Слепцова [8: с. 99–107].

Сам Слепцов прекрасно понимал это и в фельетоне «Скромные упражнения» (1865) описал «людей, которые, что называется, и дела не делают, и от дела не бегают, а так как-то путаются; в одно и то же время они и заняты как будто, и ничем не заняты, и как будто дело делают, а сами все подумывают: что бы такое сделать?» Все эти люди «заняты вовсе не тем, что им нужно»: «желания тянут их в одну сторону, а занятие в другую» [5: т. 2, с. 349]. Слепцов пишет как будто о самом себе: по натуре общественный деятель, он вынужден был зарабатывать на жизнь литературным трудом. И хотя писательство как таковое не было ему вовсе чуждо, но тянуло его совсем в иную сторону.

Отношения Слепцова с его старшими коллегами приобрело конфликтный характер в 1865–1866 гг., в последний период издания журнала «Современник». В 1869 г., когда Некрасов уже взял в свои руки «Отечественные записки» и отказался от сотрудничества с М.А. Антоновичем и Ю.Г. Жуковским, последние выступили с полемическими статьями против Некрасова. Антонович в «Литературном объяснении с Н.А. Некрасовым» сообщал: «Г. Слепцов, известный сочинитель мелких рассказов, стал подбивать нас <М.А. Антоновича, Ю.Г. Жуковского, Г.З. Елисеева> на стачку и бунт против Вас; помните, как Вы некогда подбивали Белинского против г. Краевского; он стал объяснять нам, что мы должны предъявить Вам большие претензии и требования доли, что Вам уже слишком хорошо от журнала и т. д. Мне было бы весьма неприятно, если бы моя откровенность повредила г. Слепцову в Ваших глазах. Поэтому прошу Вас, Николай Алексеевич, простите ему этот старый грешок, как теперь г. Краевский простил Вам; я думаю, он достаточно искупил его своею покорностью Вам; я надеюсь, что он теперь не станет больше подбивать сотрудников “Отечественных записок” ни против Вас, ни против г. Краевского. Эти и подобные внушения г. Слепцова, как некогда внушения райского змия, смутили наивную доверчивость и беспритязательную услужливость наших душ. Мы стали роптать на Вас сначала “исподтишка”, точь-в-точь как некогда Белинский, Панаев, Вы и весь ваш кружок роптали на г. Краевского. Потом наш ропот осмелился пойти и до Вас». А далее Антонович еще раз упоминает «размолвки между нами и Вами, происходившие вследствие подстрекательств г. Слепцова» [1: с. 32–34; ср.: 7: с. 226; 14: с. 568]. Мы привели все эпизоды из памфлета Антоновича, которые касаются Слепцова. Только с учетом их можно представить остроту конфликта в «Современнике» между «отцами» и «детьми», который имел, без сомнения, политический характер. «Отцы» как люди слова были радикальны в своих сочинениях. «Дети» же требовали, чтобы социальная практика «отцов» соответствовала их идейным убеждениям.

Салтыков в рецензии на книгу Антоновича и Жуковского критиковал Антоновича за то, что тот «с удивительно развязностью повествует, какой разговор имели с ним когда-то гг. Елисеев и Слепцов. Нет спора: это действительно полемический прием, довольно близко подходящий к “маневру”,

но спрашивается: <...> затем ли гг. Елисеев и Слепцов разговаривали с вами, чтобы вы их подлавливали и предавали слова их тиснению?» [4: т. 9, с. 334]. Но Салтыков и Слепцов не опровергают слова Антоновича, что Слепцов был недоволен журнальной политикой Некрасова и чуть ли не планировал отобрать у него «Современник».

В 1867 г. был создан журнал «Женский вестник», и Слепцов начал вести в нем хронику «Новости петербургской жизни. Скромные заметки». В июньском фельетоне Слепцов напоминал о рубеже 1850–1860-х гг.: «Но наступило такое время, <...> когда вице-губернаторы стали носить ринсе-пех и говорить по поводу всякого случая умные речи...» [10: с. 246]. И далее: «Все мы там будем!.. Но всё же нельзя не проводить напутствием в ту страну, откуда выходят только в околоточные надзиратели и <в> солидные журналисты.

О, не распекайте, не распекайте меня!.. Мне будет больно от ваших острот, у меня перевернется сердце, и я, быть может, не получу места...

О, не будьте строгим вице-губернатором! Позвольте женщине писать и употреблять, если вздумается, выражение “на какого рожна” и носить или не носить кринолины...» [10: с. 247].

Эти упоминания о «вице-губернаторе» метят в Салтыкова. К Салтыкову, известному остро слову, относится и фраза «Мне будет больно от ваших острот». К нему же относится фраза «Все мы там будем!..», которую М.Л. Семанова опознала как цитату из хроники Салтыкова «Наша общественная жизнь», от 21 января 1864 г. [10: с. 214], где есть следующий эпизод:

— Но послушайте, ведь вы рассуждаете уже слишком приблизительно к «Русскому вестнику»!

Я надеялся сразить и устыдить его этим аргументом, но, к величайшему моему изумлению, он не только не устыдился, но хлопнул меня по плечу и, вздохнувши (увы! последний призрак исчезающей стыдливости!), сказал:

— Э, батюшка! все там будем!

И по-моему, он сказал вещь совершенно резонную. Но и я сказал вещь не менее резонную, когда утверждал, что нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты...

Все там будем! [4: т. 6, с. 234].

В.А. Зайцев в статье «Глуповцы, попавшие в “Современник”» (1864) адресовал эти слова Салтыкова ему самому. Приведя их, он писал, адресуясь Салтыкову: «Еще кто будет или нет, а вы ведь уж давно там» [3: с. 36; ср.: 13: с. 645]. Радикал Зайцев агрессивен, но руководствуется сугубо идеологическими мотивами. Слепцов настроен менее агрессивно, но адресуя Салтыкову слова «Все там будем!», он вспоминает прежние обиды. В редакции «Современника», а потом и «Отечественных записок» при старших Некрасове и Салтыкове Слепцов чувствовал себя не вполне уютно, на вторых ролях, его публицистическая активность была невысока.

Библиографический список

Источники

1. Материалы для характеристики современной русской литературы / М.А. Антонович, Ю.Г. Жуковский. СПб.: [Тип. А.М. Котомина], 1869. 197 с.
2. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 15 (2). СПб.: Наука, 2000. 640 с.
3. Русское слово. 1864. № 2. 160 + 105 с.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1965–1977.
5. Слепцов В.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. / подгот. текста и коммент. К. Чуковского. М.: ГИХЛ, 1957. 420 с.
6. Фет А. Мои воспоминания. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 1. 452 с.
7. Шестидесятые годы: Антонович М.А. Воспоминания. Елисеев Г.З. Воспоминания / вступит. ст., коммент. и ред. В. Евгеньева-Максимова и Г.Ф. Тизенгаузена. М.; Л.: Academia, 1933. 582 с.

Литература

8. Брумфилд Уильям К. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. 271 с.
9. Иванов Г.В. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 15-2. М.: Худ. лит., 1973. С. 300–310.
10. Лит. наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 71. С. 495–512.
11. Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е – 1870-е годы: Биография. М.: Худ. лит., 1984. 575 с.
12. Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 300 с.
13. Рейфман П.С. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1968. С. 637–650.
14. Рейфман П.С. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1970. Т. 9. С. 564–568.
15. Розанов В.В. Соч. М.: Сов. Россия, 1990. 589 с.
16. Чуковский К. В.А. Слепцов, его жизнь и творчество // Слепцов В.А. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1957. С. 3–39.

References

Istochniki

1. Materialy' dlya kharakteristiki sovremennoj russkoj literatury' / M.A. Antonovich, Yu.G. Zhukovskij. SPb.: [Tip. A.M. Kotomina], 1869. 197 s.
2. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. T. 15 (2). SPb.: Nauka, 2000. 640 s.
3. Russkoe slovo. 1864. № 2. 160 + 105 s.
4. Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. M.: Xud. lit., 1965–1977.
5. Slepcev V.A. Soch.: v 2 t. T. 2. / podgot. teksta i komment. K. Chukovskogo. M.: GIXL, 1957. 420 s.
6. Fet A. Moi vospominaniya. M.: Tip. A.I. Mamontova i K°, 1890. Ch. 1. 452 s.
7. Shestidesyaty'e gody': Antonovich M.A. Vospominaniya. Eliseev G.Z. Vospominaniya / vstupit. st., komment. i red. V. Evgeneva-Maksimova i G.F. Tizengauzena. M.; L.: Akademia, 1933. 582 s.

Literatura

8. *Brumfeld Uil'yam K.* Socialny'j proekt v russkoj literature XIX veka. M.: Tri kvadrata, 2009. 271 s.
9. *Ivanov G.V.* Primechaniya // Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. T. 15-2. M.: Xud. lit., 1973. S. 300–310.
10. Lit. nasledstvo. T. 71. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 495–512.
11. *Makashin S.* Salty'kov-Shhedrin. Seredina puti. 1860-e – 1870-e gody': Biografiya. M.: Xud. lit., 1984. 575 s.
12. *Pecherskaya T.I.* Raznochincy' shestidesyaty'x godov XIX veka. Fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germenevtiki (memuary', dnevniki, pis'ma, belletristika). Novosibirsk: In-t filologii SO RAN, 1999. 300 s.
13. *Rejzman P.S.* Primechaniya // Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. T. 6. M.: Xud. lit., 1968. S. 637–650.
14. *Rejzman P.S.* Primechaniya // Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. T. 9. M.: Xud. lit., 1970. S. 564–568.
15. *Rozanov V.V.* Soch. M.: Sov. Rossiya, 1990. 589 s.
16. *Chukovskij K. V.A.* Slepcov, ego zhizn' i tvorchestvo // Slepcov V.A. Soch.: v 2 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1957. S. 3–39.

*M.V. Stroganov***Two Feuilletonists: Saltykov and Sleptsov**

The paper dwells upon complicated relations between Mikhail Saltykov-Schedrin and Vasily Sleptsov. Saltykov as a man of 1840s was a man of his word, but Sleptsov in his turn as a man of 1860s was a man of action. After Sleptsov had come to believe in a certain doctrine, he wanted to realize it. Saltykov admitted social changes based only on the evolution of social consciousness. The «fathers» as men of action were radical in their writings. The «children» called for agreement of social practice and ideological views.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin; Vasily Sleptsov; literary generation; social practice; literary magazine.

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

А.В. Громова

Мир цвета в повести Вс. Иванова «Цветные ветра»

В статье рассматривается субъективно-выразительная функция цветообозначений в поэтике повести Вс.В. Иванова «Цветные ветра». Благодаря контекстному анализу выявляются устойчивые ассоциативные и символические значения некоторых спектральных и ахроматических цветов, прослеживается связь образной семантики цветообозначений с традициями русской культуры, определяются индивидуально-авторские приемы формирования символических значений цвета.

Ключевые слова: Вс. Иванов; «Цветные ветра»; стиль художественного произведения; цветообозначения; русская проза 1920-х гг.

«**Ц**ветные ветра» (1922) Вс.В. Иванова входят в цикл «Партизанские повести», изображающий Гражданскую войну в Сибири. Об этом произведении в 1920-е гг. писали А.К. Воронский, А.З. Лежнев, в 1950–1990-е — Г.А. Белая, Л.А. Гладковская, Е.А. Краснощекова, Г.А. Скороспелова и др., в последнее время появились работы И.Л. Новокрещеновой, Г.Н. Старченко, Р.М. Ханиновой, свидетельствующие о возрождении интереса к писателю.

Повесть рассматривали сначала в аспекте отражения революционной действительности, затем — в плане исследования орнаментальности, которую отождествляли с изобразительностью. Е.А. Краснощекова писала, что «молодой писатель поистине “захлебывается” от осаждающих его словесных поэтических образов» [5: с. 7]; Г.А. Белая назвала Иванова писателем-«живописцем», которому свойственно пристрастие к метафорам, ярким пейзажам, декоративным образам [3: с. 130]. Одной из составляющих орнаментализма считалась многоцветность. Однако изобразительная функция цветообозначений является не единственной в художественном тексте, в данной статье объектом анализа становится их субъективно-выразительная функция.

Еще А. Лежнев заметил: «...Редко у кого погружаемся в мир таких ярких и звучных красок, как у Иванова» [6: с. 224]. Критики отмечали «монгольскую пестроту» [6: с. 224] ивановского произведения, «контрастность ярких красок, свойственную дальневосточному и алтайскому экзотическому пейзажу» [5: с. 7], «рериховскую красочную напряженность», которой отдано предпочтение перед «импрессионистской зыбкостью» [5: с. 7–8]. Действительно, в отличие от собственных поэтике импрессионизма пастельных полутонов [8] в произведении Иванова доминирует яркая хроматическая гамма, что акцентировано заглавием произведения. Как отметила Л.Н. Миронова, «...на восходящей ветви

исторического развития народа для него предпочтительны чистые и яркие цвета» [7: с. 11]. Яркость красок в повести «Цветные ветра» отражает восприятие писателем революции как «праздника преображения» [9: с. 78].

Выделяя преобладающие в «Партизанских повестях» Иванова цвета, Е.А. Краснощекова объясняет их выбор влиянием природного ландшафта: «Любимые цвета писателя: голубой — цвет неба; зеленый — леса, травы; желтый — цвет выжженной степи» [5: с. 8]. Применительно к повести «Цветные ветра» данное утверждение нуждается в уточнении. Из хроматической гаммы в произведении Иванова безусловное доминирование принадлежит желтому цвету, который вкупе с золотым (золотистым) и лимонным упоминается 91 раз. На втором месте оказывается зеленый цвет (73 словоупотребления), на третьем — синий (61).

Желтый и золотой (золотистый) в художественном мире повести «Цветные ветра» соотносятся с такими явлениями природного мира, как солнце, огонь, осенние листья, солома, древесина, древесная смола, песок: «И дым от костров желтый, тягучий, как сосновая смола. В светло-золотом небе течет, плавится густое желтое пятно солнца» [1: с. 240]; «Цвели желтыми пятнами соломенные незнакомые крыши» [1: с. 244]; «А за окном желтый осинник лопочет; дорога — точно золотая тряпица по ветру» [1: с. 249]. При этом осень воспринимается с позиции крестьянина — не как пора увядания, а как пора сытости, на что указывает соположение метафорических эпитетов «желтые, сытые, осенние голоса» [1: с. 249].

В русской культуре желтый цвет трактуется неоднозначно. В фольклоре он может соотноситься с солнцем и иметь позитивное значение, но чаще наделяется негативной оценкой и связывается с представлением о смерти [11: с. 202]. В христианстве желтый цвет ассоциируется с прелюбодеем, унынием и предательством, что иконографически воплощалось в изображении Иуды в желтых одеждах [2: с. 211]. В русской классической литературе желтый как цвет тления и смерти встречается в прозе Ф.М. Достоевского и в поэзии А.А. Блока. Желтизна как указание на нездоровье (физическое или нравственное) фигурирует в портретах многих персонажей повести Иванова «Цветные ветра»: желтое тело и зеленовато-желтое лицо у Никитина, желто-розовое — у Феклы, бескровное, желтое лицо у киргизского борца. В целом значения желтого цвета в повести Иванова соответствуют традициям русской культуры, дополняясь представлением об «азиатчине» и «киргизах».

Значимым в повести «Цветные ветра» является зеленый цвет, с помощью которого Иванов утверждает «природность» жизни русских крестьян. Исследователи отмечали характерное для стиля писателя сопоставление людей с растениями, животными и элементами пейзажа [5: с. 8]. Но наряду с этим присутствуют сравнения людей с персонажами низшей демонологии: «Лохматая, впрозелень, голова у попа Исидора. И голос глухой, прерывистый, пахнущий зеленью болот. Идет он широко, в темно-зеленой рясе. Кочка — осокистая

голова, кочки — лохматые руки. Подземная вода — глаза, ясные и пристальные» [1: с. 196]. Исидор — «лесной поп», сочетающий в портрете черты лешего и водяного: у него *зеленоволосое тело*, он похож на *широкое зеленое пятно, на мшистую зеленую колоду, на клуб зеленого дыма*. «Зеленый цвет характеризует персонажей народной демонологии: зеленые волосы у лешего, русалки, водяного; зеленая борода у лешего; зеленого цвета бес, водяной; глаза зеленого цвета имеют леший, русалки, вилы, водяные» [11: с. 306]. Дьявола на иконах также изображают в серо-зеленой гамме. В портретах многих персонажей повести «Цветные ветра» выделены зеленые глаза: не только у Калистрата Ефимыча, у киргиза, но и у зайца, коров и лошадей, и даже у святых на иконах. Лица у Смолиных «угловатые, зыбко-зеленые» [1: с. 200], у мужиков — «тускло-зеленые, как кочки в сограх» [1: с. 256], с партизанами идет «кислый и зеленый запах овчин и болот» [1: с. 250]. И земля изображена как коварное мифологическое существо: «Манила голая русалка — земля в короне зеленой, с грудью теплой» [1: с. 196].

Но зеленый цвет в повести Иванова может иметь и положительную коннотацию, указывая на принадлежность или близость к природному миру, символизирующему жизнь, молодость, плодородие: *лилово-зеленые и зеленовато-золотые травы, светло-зеленые стога сена, зеленоватая жара, зеленоватые брызги водопада, одинаково зеленые и теплые небо и земля*. И сам повествователь в финальном лирическом отступлении говорит о себе: «Вот горсть земли моей — цветет! И зрочки мои — комья земные, в травах! <...> Ветер я, пыль золотая, гам зеленый, горный!» [1: с. 305].

Приведенные примеры показывают, что природность неразрывно связана со стихийностью, которая трактуется двояко. С одной стороны, она обусловила внутреннюю силу «мужиков-партизанчиков», которые «напоены до краев... соками жизни, соками густыми и пахучими, как деревья весной» [4: с. 258]. С другой стороны, Иванов отмечает в крестьянах доминирование инстинкта, недооформленность сознания; сопоставление людей с растениями и существами низшей демонологии указывает на отсутствие в них личностного, духовного начала.

Синий чаще всего характеризует природные явления: *синие Тарбагатайские горы, синее небо, синие тучи, синие кедры, синие камыши, иззелена-синяя крапива, грязно-синеватые гряды, тускло-синяя мочажина*. Синий цвет (в соответствии со своей колористической природой) в некоторых случаях наделяется дополнительной семантикой темного или холодного. С одной стороны, он указывает на отсутствие или недостаток света: «Густая и жаркая синь спала за окнами» [1: с. 191]; «Глядел Калистрат Ефимыч в глубокую тьму за окном... Выл тоскливым, волчьим воем на пригоне синий полуночный ветер» [1: с. 214]; «Тащит телега синюю тяжелую темноту в легкую лунную пену. А за дорогой такие же синие глыбы тьмы шелестят, а над глыбами дальше — еще глыбы» [1: с. 262]. С другой стороны, синий цвет связан с представлением о холоде: «В эту ночь дул в Тарбагатайских горах с севера,

с далекого моря синий, льдистый ветер» [1: с. 195]; «Ночи стояли холодные и синие» [1: с. 245]; «Дни бежали голые, в лохмотьях, синие от холода» [1: с. 268].

В портрете синий цвет может выражать разные значения. Синий оттенок кожи отражает болезненность: земельно-синие лица у скрывающихся в лесу большевиков, желто-синее — у больного киргиза, «священная синяя пена», которая должна появиться на губах шамана, — признак его перехода в мир духов. А вот синие глаза, напротив, признак положительной авторской оценки. В повести «Цветные ветра» у большинства персонажей глаза имеют зеленый цвет или оттенок. На этом фоне выделяется веселый староста, у которого «веселые, легкие, синеватые глаза» [1: с. 189]; «темно-голубые» глаза у Настасьи Максимовны [1: с. 244]. Синий цвет в портрете также характеризует главного героя произведения — правдоискателя Калистрата Ефимыча. У него «густо засинели глаза» [1: с. 207], «твердая синяя борода» [1: с. 242], «большие, заросшие синим волосом руки» [1: с. 227]. Калистрат Ефимыч привлекает автора как человек, который, пройдя через искус религиозных поисков, бунта, личных утрат, обрел смысл в крестьянском труде и семейной жизни.

Несмотря на многообразие и яркость красок, красный цвет в повести «Цветные ветра» не занимает ведущего положения. Не считая омонимичного слова «красный» в значении «большевик», красный в прямой функции цветообозначения встречается в повести всего 20 раз. Вместе с тем в тексте упоминается немало оттенков красного, к которым относятся багровый, алый, малиновый, рдяный.

Красный цвет также наделен смысловой амбивалентностью. В традиционной культуре он символизирует жизнь и плодородие, но это и цвет крови, а также огня, пожара. В повести Иванова с помощью красного цвета и его оттенков изображены и погром у киргизов, и бандитское нападение на деревню: «И топот. И рев в топоте, как пыль — алый... С разбитою головою на арбе киргиз. Юрты в крови. Небо багрово» [1: с. 283]; «Алый огонь поджигает небо — горят избы. Трещит поселок — горит ветер от поселка, багровый! Люди бегут поселком в багровых рубахах» [1: с. 291]. «У каждого двора убито по бабе... Нет мужиков — бей баб. Разворочены красные мяса чрева» [1: с. 292]; «А скот забыли. Ревут пригоны. Горит скот — паленой шерстью пахнет. Красно-бронзовые у скота глаза. Красно-бронзовый ветер в небе хохочет, шипит, свистит» [1: с. 293].

В противовес красному цвету пожара, погрома и крови цветом жизни становится розовый (39 словоупотреблений), связанный с представлением о телесности, особенно — с чистым младенческим телом, радостью, рождением: «Розоватая жаркая дымка радовалась над поселком» [1: с. 193]. Весна описана как возрождение природы: «Таяли снега, таяли. Рождалась розовая земля. Телесного цвета, пухлые, как младенцы, бежали на облака горы» [1: с. 300]. Пора летнего цветения тоже розовая: «Несло летом, ветра по улице прыгали розовые, желтые и голубые. Медоносными травами пахло. Дни пахучие, медовые, розовые» [1: с. 215]. Личико у новорожденного ребенка похоже

«на розовую каплю» [1: с. 298]. В лирическом отступлении автор обращается к природе, выражая надежду на ее плодородную силу и способность к обновлению: «Ветер зеленый плодороден и светел. Здрав будь, сладок!.. К себе землю, колебли ее и жми! Семя принесет тяжелое и розовое» [1: с. 304]. Здесь плодами земли метафорически названы люди.

Для повести Иванова характерно обилие цветообозначений, наличие сложных цветовых эпитетов: ветер у него не только зеленый, желтый, оранжевый, багровый, синий, но и золотисто-лазурный, пурпурно-бронзовый, лимонно-оранжевый, травы лилово-зеленые, горы серебристо-фиолетовые. На фоне многообразия красок вызывает определенный интерес и более скромно представленная в повести ахроматическая гамма.

Черный цвет упоминается в повести 21 раз и, как правило, несет негативный смысл. Иногда он употребляется для характеристики «чужого»: *киргиз с черными спутанными волосами; черная, прямоволосая голова шамана Апо; черноглазый и черноусатый серб; черные погоны атамановцев.*

Применительно к природным явлениям эпитет «черный» характеризует воду реки, тайгу, землю, ветер, при этом в первых трех случаях определение соотносится с цветом предмета, а по отношению к ветру употребляется метафорически: «...речушка Борель издали с гор кажется совсем матово-черной» [1: с. 221], тайга «зеленая, голубая и черная» [1: с. 268], ночью «черно-синий ветер» [1: с. 244]. Заслуживает внимания обыгрывание слова «чернь» («густой непроходимый лес», «тайга» [10: т. 4, стб. 1320]) в сочетании «прель из черни — черная, гнилая» [1: с. 270], создающем суггестивное представление о тайге (лесе) как источнике опасности и гибели. Характеристика земли как черной также дается не в традиционном положительном значении плодородия, а с негативным оттенком «пепелища»: «Злятся, трясутся стены избы. Земля на дворе обжигает черные зубы, люди на зубах у ней как пена» [1: с. 289]. В этом контексте обращает на себя внимание употребление черного цвета для характеристики Калистрата Ефимыча как «земляного человека»: «Тело большое и черное, как весенние земли» [1: с. 257]; «Как лемех в черной земле, блестели у того зубы. Завило желтым ветром черную длинную бороду» [1: с. 258].

Белый цвет (20 словоупотреблений) в своем прямом значении используется в «Цветных ветрах» для описания внутреннего убранства жилища и объектов, связанных с хозяйством и едой: *выбеленные стены избы, белокошемная юрта, белое вареное сало, белые хлебы, корова Белянка.* Но чаще всего белый (и белесый, т. е. мутно-белый) употребляется для характеристики глаз — близоруких, слепых, слабовидящих, что поддержано неоднократным употреблением в тексте повести слова «бельмо»: «Густели кроваво, как свежие раны, белесые, выцветшие глаза мужиков» [1: с. 251], «беловатые, как солонцы, глаза» [1: с. 250], «белесые глаза и белый седой зрачок» [1: с. 260] у старика-старообрядца, у Бая Джаусея глаз «как кусок сала» [1: с. 264]; оловянный глаз (бельмо) у бабки-повитухи; «Земля плакала, слезилась. Туча как бельмо в небе» [1: с. 273].

Позитивное значение цвета связано главным образом с природой. В пейзажах эпитет «белый» используется для описания снежных вершин и рифмуется со словом белки́ (сибирское название снежных гор [10: т. 1, стб. 378]): «белогрудые Тарбагатайские горы» [1: с. 250], «белые клыки Тарбагатайских белков» [1: с. 251]. Апофеозом белого цвета становится финал, который изображает зимнюю землю, освобожденную от борьбы и смерти, и связан с рождением ребенка: «И небо сосало из белой зимней груди голубой дым» [1: с. 298], у ребенка «крик тонкий и белый» [1: с. 297]. Здесь реализуется традиционное для европейской культуры представление о белом цвете как символе чистоты.

Представление о сером цвете (15 словоупотреблений) соотносится с объектами этой окраски: золой, пнем, камнем, и, как правило, усиливается дублированием, приводящим к формированию дополнительных ассоциативно-метафорических значений. В описании юрты упоминание серой кошмы рядом с золой усиливает значимость серого цвета как эмблемы скуки, обыденности и тлена. В характеристике дороги упоминание камня и золы — объектов с общим значением серого цвета, а затем осины с коричневой корой обуславливает появление метафоры «цветного ветра»: «Пахнет дорога не камнями — золой, а ветер коричнево-серый — корой осиновой» [1: с. 262]. У Никитина «подпаленные серо-фиолетовые глаза», и говорит он «резко, словно дробя камень» [1: с. 242]. В портрете Дмитрия Смолина солдатская одежда как будто отражается в цвете лица: у него «широкий и серый, как шинель, рот» [1: с. 256], «усы под опухшими серыми щеками» [1: с. 254]. Серый цвет в описании людей связан с физическим или моральным нездоровьем. У больного ребенка «серое, в липкой кровяной чешуе тельце» [1: с. 208]; Фекла похожа на дрофу, «с глазами маленькими, серыми, как у дрофы, в мутной пленочке» [1: с. 193]. При этом серый цвет в природе не вызывает у автора негативных ассоциаций: его восхищают «раскиданные в долине среди трав огромные, словно пятистенные избы, серые каменные глыбы» [1: с. 221], у серой каменной курочки «ловок и радостен шажок. И мутен радостью вертлявый оранжевый глаз» [1: с. 230].

Подводя итоги, отметим следующее. Цветообозначения в повести Иванова помимо прямой изобразительной функции приобретают контекстные метафорические значения, а также обладают «фоновыми коннотациями», связанными с символическими значениями того или иного цвета в русской культуре. Помимо яркой метафоричности, употребление цветообозначений у Иванова поддерживается ассоциативностью и своеобразной «рифмовкой», которая оказывается не только формальной, но и семантической (черный — чернь, белые клыки белков, белесые глаза — бельмо). Цветообозначения, роль которых акцентирована автором в заглавии повести, служат для характеристики и оценки персонажей и событий и в целом способствуют раскрытию авторского замысла.

Библиографический список**Источники**

1. *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1973. 624 с.

Литература

2. *Астахова Я.А.* Цветообозначения в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 234 с.
3. *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 400 с.
4. *Воронский А.* Литературные силуэты: II. Всеволод Иванов // Красная Новь. 1922. № 5. С. 254–275.
5. *Краснощекова Е.А.* Поэтическая речь раннего Всеволода Иванова // Рус. речь. 1969. № 4. С. 7–11.
6. *Лежнев А.* О литературе: статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 432 с.
7. *Миронова Л.Н.* Цветоведение. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 285 с.
8. *Николаева М.Н.* Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1(17). С. 50–57.
9. *Скороспелова Е.Б.* Проза первой половины 1920-х годов // История русской литературы XX века, 20–50-е годы. Литературный процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 72–92.

Справочные и информационные издания

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка: в 4 т. М.: Прогресс Универс, 1994. [Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. под ред. проф. И. Бодуэна де Куртенэ].
11. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. 704 с.*

References**Istochniki**

1. *Ivanov Vs.* Sobr. soch.: v 8 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1973. 624 s.

Literatura

2. *Astaxova Ya.A.* Czvetooboznacheniya v russkoj yazy'kovej kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 2014. 234 s.
3. *Belaya G.A.* Don Kixoty' 20-x godov: «Pereval» i sud'ba ego idej. M.: Sov. pisatel', 1989. 400 s.
4. *Voronskij A.* Literaturny'e silue'ty': II. Vsevolod Ivanov // Krasnaya nov'. 1922. № 5. S. 254–275.
5. *Krasnoshhekova E.A.* Poe'ticheskaya rech' rannego Vsevoloda Ivanova // Rus. rech'. 1969. № 4. S. 7–11.
6. *Lezhnev A.* O literature: stat'i. M.: Sov. pisatel', 1987. 432 s.
7. *Mironova L.N.* Czvetovedenie. Minsk: Vy'shejschaya shkola, 1984. 285 s.
8. *Nikolaeva M.N.* Yazy'kovy'e osobennosti stixotvorny'x “pejzazhny'x kartin” O. Uajl'da // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1(17). S. 50–57.

9. Skorospelova E.B. Proza pervoj poloviny' 1920-x godov // Istorija russkoj literatury' XX veka, 20–50-e gody'. Literaturny'j process. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2006. S. 72–92.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Dal' V.I. Tolkovy'j slovar' zhivago velikorusskago yazy'ka: v 4 t. M.: Progress Univers, 1994. [Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1903–1909 gg. pod. red. I. Bodue'na de Kurtene'].
11. Slavyanskije drevnosti: e'tnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod. red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. T. 2. 704 s.

A.V. Gromova

World of Colors in Vs. Ivanov's «Color Winds»

The article deals with a subjective and expressive function of color terms in poetics of the story «Color Winds» by V.V. Ivanov. Using the contextual analysis the author of the article reveals steady associative and symbolical meanings of some spectral and achromatic colors, traces links of figurative semantics of color terms with Russian cultural traditions and defines the author's individual techniques of formation of color symbolical values.

Keywords: Vs. Ivanov; «Color Winds»; style of a literary work; color terms; Russian prose of 1920s.

**А.И. Смирнова,
В.С. Симкина**

Философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня»

В статье выявляются философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня», которые определяются комплексом гносеологических представлений, связанных с буддизмом, солипсизмом, экзистенциализмом и постмодернизмом. Архитектоника «Священной книги оборотня» подчинена излюбленному пелевинскому «сюжету просветления» и «движения к освобождению», что позволяет рассматривать данный текст как дзен-буддистский трактат. В произведении также актуализируются постмодернистская концепция симулятивной действительности, представление о мире как производном индивидуального сознания и экзистенциальное восприятие тотального абсурда бытия.

Ключевые слова: философские интенции; В. Пелевин; трактат; иллюзия; абсурд.

«Священная книга оборотня» (2004) наряду со сборником «ДПП (NN)» (2003) знаменует переход В. Пелевина к новой фазе творчества, или к освоению новой «пограничной зоны» — «предгламурия» (К. Фрумкин [8]). Конститутивными проблемами, поднимаемыми писателем в текстах 2000-х гг., становятся проблемы общества массового потребления и гламура как идеологии современности (поворот автора в сторону бутафорского глянца и тотального консьюмеризма был намечен уже в «Generation “П”»). Тем не менее новый виток в текстах В. Пелевина 2000-х гг. получает концепция имажинированного частным сознанием пустотного мира, артикулируемого писателем в духе буддизма и восточной эзотерики, что позволяет исследователям рассматривать его тексты как завуалированные *трактаты*. «Последние вещи Пелевина — не столько романы в классическом смысле этого слова, сколько замаскированные под романы трактаты, те же “Диалоги Платона”» [4: с. 222], что подтверждается и анализом романа «Священная книга оборотня». Архитектоника произведения подчинена излюбленному пелевинскому «сюжету просветления», именно поэтому данный текст ближе всего стоит к «Чапаеву и Пустоте», признанному философской пропедевтикой буддизма (С. Корнев).

Главная героиня «Священной книги оборотня», лиса А (по-китайски «А Хули»), зарабатывает на жизнь тем, что насылает на богатых мужчин наваждение, любовную иллюзию, одновременно усваивая человеческую сексуальную энергию, которая выделяется во время воображаемого полового

акта. Инструментом, регулирующим силу внушения, своеобразной антенной оказывается лисий хвост. Таким образом, осуществляется *трансформация восприятия* клиентов лисы: оборотень воздействует на сознание мужчин, заставляя их видеть то, что ей хочется. «Наведенный ею морок становится для них абсолютно реален» [7: с. 286].

Но в ходе повествования выясняется, что лиса, уверенная в том, что напускает миражи на окружающий мир, на самом деле все это время морочит саму себя. На то, что оборотень оказывается такой же иллюзией, симулякром, как и производимые ее хвостом любовные химеры, указывает распадающийся на несколько составляющих образ героини: лиса предстает в ипостаси возвышенной девушки А Хули, две тысячи лет назад вступавшей в фиктивные связи с китайскими мудрецами и поэтами; нашей соотечественницы «лисы А» с поддельным паспортом на имя Алисы Ли; наконец, современной модификации набоковской Лолиты, подростка по имени Адель, очаровавшей генерал-полковника ФСБ Сашу Серого.

Мерцающим, ускользящим оказывается и облик лисы, для которого характерно наличие органов-симулякров. Так, на месте половых органов у оборотней расположена «рудиментарная впадина, эластичный кожаный мешок, не соединенный ни с какими другими органами. <...> Он играет в анатомии лис такую же роль, какую специальный полый цилиндр из пластмассы играет в экипировке работников обезьяньего питомника» [7: с. 145–146], т. е. защищает оборотней от нападения других самцов, а не служит для размножения. Ум лис также оказывается не настоящим «органом мысли»: «Если нам говорят что-нибудь запоминающееся, мы почти всегда повторяем это в разговоре с другими. <...> Лисий ум — просто теннисная ракетка, позволяющая сколь угодно долго отбивать мячик разговора на любую тему. Мы возвращаем людям взятые у них напрокат суждения — отражая их под другим углом, подкручивая, пуская свечой вверх» [7: с. 175]. Более того, время не властно над лисой, в ее арсенале множество «симулякров души», и независимо от бега времени она (а вместе с ней и бесхвостая обезьяна, как обозначает человека героиня) предъясвляет людям «новый симулякр души»: «Чтобы угодить современникам, мы подгоняем себе под личико новое «я», совсем как сшитое по другой моде платье» [7: с. 13].

Итак, «рабочая личность» Адель представляет собой конфигурацию симулякров, призванных помочь лисе мимикрировать не только под обличье людей, которых фольклорная плутовка практически водит за нос, но и под ход их мыслей. Как точно отмечает культуролог И. Каспэ [6], «их (пелевенских героев. — А.С., В.С.) неустойчивая идентичность давно перестала быть драмой и превратилась в профессию» [5]. Так, в тексте романа актуализируются постмодернистские представления о существовании личности в поле тотальной симуляции: «Впрочем, мимикрия это только для лис. Для человека это судьба» [7: с. 13].

Наконец, на стадии супрафизической трансформации, которую принимает лиса во время охоты, расставаясь на время с человеческим обликом и уподобляясь внешне «своим диким сородичам», Адель замечает, что поток гипнотической энергии, которую она посылает при помощи хвоста в окружающий мир, на самом деле направлен на нее саму. Следовательно, оборотни (как и люди) в действительности подвержены *восприятию трансформации*: «Они создают иллюзию не для других, а для себя. И верят в нее до такой степени, что иллюзия перестает быть иллюзией» [7: с. 187]. Так в текст романа вводится буддистский мотив иллюзорности бытия.

Согласно Пелевину, западное общество, являющееся производителем и потребителем иллюзии, погружено отныне лишь в *имитацию имитации*, ставшую основой существования «человека рыночного»: «Знаешь, в чем тайный ужас здешней жизни? Когда ты покупаешь себе кофточку, или машину, или что-то еще, у тебя в уме присутствует навеянный рекламой образ того места, куда ты пойдешь в этой кофточке или поедешь на этой машине. Но такого места нет нигде, кроме как в рекламном клипе, и эту черную дыру в реальности оплакивают все серьезные философы Запада» [7: с. 179]. Следовательно, личность, погруженная в пространство гиперреальности, не осознает призрачности и зыбкости своего существования и живет в искусственной реальности, навязанной ей кем-то извне. Неведение (*авидия*) лежит в основе трагедии человека. Так, в тексте реализуется Первая благородная истина буддизма — о страдании и Вторая благородная истина — о причине страдания.

Приводимое в тексте прямое упоминание Первой благородной истины буддизма о том, что «*жизнь есть дукха, томление и боль*» [7: с. 159], «встраивает» в себя представление об истинной природе мира, которую Лиса А за просто открывает водителю такси:

- У тебя ничего приятного нет в жизни?
- Нет, — сказала я. <...>
- Что ж, одно страдание?
- Да. И у вас тоже.
- Ну, — засмеялся таксист, — об этом ты знать не можешь.
- Могу. <...> Ясно ли вам, что страдание и есть та материя, из которой создан мир? [7: с. 47].

Как мы видим, вектор буддистского философствования в текстах В. Пелевина пересекается с экзистенциальными представлениями о страдании как основном принципе существования человека «в мире».

Экзистенциально-буддистские интенции реализуются и в концепции неведения, заблуждения человека относительно организации окружающей его действительности, в основе которой лежит тотальный, всепроникающий абсурд. Так, Пелевин профанирует современную российскую реальность, выявляя парадоксальность ее общественно-политического устройства, представленного бизнес-комьюнити и «аппаратом»: «Первые дают воровать вторым

за то, что вторые дают воровать первым» [7: с. 112]. Именно поэтому символом бескрайнего абсурда жизни в тексте романа становится уроборос — змея, кусающая себя за хвост.

Мыслительный гештальт производства иллюзорной действительности Пелевина, эксплицируемый в тексте посредством изображения двух типов оборотней (волков и лис), в конечном счете проецируется и на людей. Выясняется, что у «бесхвостых обезьян» на самом деле есть хвост, и этот «хвост» — язык. Подобно тому, как реликтовое излучение лисьего хвоста порождает весь этот мнимый, фантомный мир, так и человеческий язык в состоянии лишь плодить нескончаемые иллюзорные пустые формы: «У тебя останутся мертвые корки слов, а ты будешь думать, что в них по-прежнему что-то завернуто. Так считают все люди» [7: с. 331]. И далее: «Так уж устроен язык. Это корень, из которого растет бесконечная человеческая глупость. И мы, оборотни, тоже ею страдаем, потому что все время говорим. Нельзя открыть рот и не ошибиться» [7: с. 391]. Симптоматично в этой связи высказывание А. Вознесенского о том, что «Священная книга оборотня» — «прежде всего книга Языка. И о языке» [2]. Как известно, проблема языка в постмодернизме является основополагающей, весь мир мыслится постфилософами как языковая структура, а восприятие вещи формируется индивидом посредством языка. Соответственно, Пелевин в своих текстах радикализирует презумпцию миро-моделирующей функции языка.

В его романах можно наблюдать конъюнктивное соединение разных философских систем, ни одна из которых не является ведущей, но наряду с другими формирует репертуар смыслов творчества Пелевина. В «Священной книге оборотня» между собой «коммуницируют», прежде всего, буддистские и постмодернистские философемы, порождая эффект «умного смеха»: «Присутствие разнообразных “буддийских персон” (особенно это очевидно в “Священной книге оборотня”) не приводит к появлению однозначно восточного вектора текста и вступает во взаимодействие с жанром анекдота. Но тут же следует заметить, что В. Пелевин, хорошо знающий восточную философию и структурно-функциональное действие восточной словесности, соединяет анекдот с дзен-буддистским жанром коана, создавая эффект “умного смеха”, когда читатель, посвященный (даже весьма условно) в тайны внеритуальных “религий просветления”, использует юмор для отторжения» [1: с. 7].

Другой, менее явной для исследователей романа «Священная книга оборотня», философской составляющей текста становится солипсизм, или субъективный идеализм. Героиня пелевинского текста, уже в самом начале повествования задумывается о субстантивировании собственных идей в момент их обдумывания: «Так не состоят ли мои неразрешимые проблемы единственно в том, что я про них думаю, и не создаю ли я их заново в тот момент, когда про них вспоминаю?» [7: с. 10]. Показательно непосредственное обращение нарратора в тексте к авторитету ирландского философа Д. Беркли, мыслящего

мир как комплекс идей: «Он говорил, что существовать — значит восприниматься и все предметы существуют только в восприятии. <...> Это, на мой взгляд, единственная верная мысль, которая посетила западный ум за всю его позорную историю; всякие Юмы, Канты и Бодрийяры лишь вышивают суетливой гладью по канве этого великого прозрения» [7: с. 284].

Главный вопрос, который занимает героев романа, связан с пришествием в этот мир сверхоборотня и с попыткой понять его природу. Каждый из персонажей предлагает свою версию и свое понимание данного явления. Так, одна из сестриц-оборотней, лиса И, видит в сверхоборотне нового мессию, который «искупит лисьи грехи и сделает наши души чистыми, как в самом начале времен» [7: с. 167]. Мистик Лорд Крикет, супруг и одновременно добыча самой коварной и кровожадной из сестричек лис, мыслит сверхоборотня как психоэнергетическую структуру, которая совершает движение кундалини по трем нижним чакрам, достигая «позиции лисы», «позиции волка» и «пропасти». Конечной целью такого движения является «единение с божеством, богоподобие» [7: с. 231] — только наоборот («“Бог” по-английски “God”. Если вы прочтете “God” наоборот, у вас получится “Dog”, собака. Вы понимаете, что такое совпадение — не простая случайность» [7: с. 231]), т. е. превращение в «энергетическую черную мессу» [7: с. 232]. Возлюбленный А Хули, волк-оборотень Саша Серый, вписывает свое понимание сверхоборотня в нордический пантеон: он видит в себе Фенрира, огромного волка, который призван «догнать солнце и пожрать его» [7: с. 148], а кроме того, истребить богов. Наиболее приближенную к буддистской интерпретацию явления дает Адель: «Каждый из нас может изменить себя, выйдя за собственные пределы. В этом и смысл выражения “сверхоборотень” — тот, кто вышел за свои границы, превзошел себя. Сверхоборотень приходит не с Востока и не с Запада, он появляется изнутри» [7: с. 167]. И далее лиса обозначает путь, по которому следует идти, чтобы достичь совершенства: «1) милосердие; 2) непричинение зла слабым этого мира, животным и людям — хотя бы тогда, когда можно этого избежать; 3) самое главное, стремление понять свою природу» [7: с. 167]. Так, в текст имплицитно вводится Третья благородная истина буддизма — о прекращении страдания и Четвертая благородная истина — о пути.

Лиса А, совершающая свой путь уже несколько тысячелетий (на что указывает нравственный облик Адель в противоположность ее сестрам: невыразимые муки совести, а также духовные практики, медитации, самыми примечательными из которых становятся «созерцание ума» и «созерцание сердца», а также «хвост пустоты»), решается на открытие сокровенной сути своему возлюбленному, Саше Серому. Главная идея, которую стремится пробудить в сознании своего избранника Адель, заключается в том, что «все без исключения является пищей осознания» [7: с. 326], порождением нашего собственного разума (гибридизация буддистских и солипсистских установок). В романе возникает буддистский *мотив жизни как сна*: «Сон есть, а тех, кому он снится — нет. То есть они тоже элемент сна. Некоторые говорят, что сон

снится сам себе. Но в строгом смысле “себя” там нет» [7: с. 328]. Созвучен с ним и традиционный для литературы *мотив игры*: «...когда-то в детстве мы жили в огромном доме и играли в волшебные игры. А потом так заигрались, что сами поверили в свои выдумки — пошли понарошку гулять среди кукол и заблудились, и теперь никакая сила не вернет нас домой, если мы сами не вспомним, что просто играем. А вспомнить про это почти невозможно, такой завораживающей и страшной оказалась игра...» [7: с. 363]. Адель подсказывает Александру, что для того, чтобы завершить «прогулку по саду иллюзорных форм», заблуждающемуся уму необходимо осознать свою истинную природу. И этой истиной оказывается Ничто, Пустота.

Обозначенный буддистский мотив пустоты (*шуньяты*) восходит к постулату из Сутры Сердца, которая гласит: «Форма есть пустота, а пустота есть форма» (важнейшее положение высшей просветленной мудрости дзен-буддизма — *Праджни*). Соответственно, в сутре содержится указание не только на изначальную иллюзорность и пустотность всякой формы, но и на конструктивный потенциал Ничего: пустоте можно придать любую форму, сотворив собственную вселенную. Значит, и избранным, способным приобрести статус «сверх» в потенции, является каждый из нас:

— Может, ты сама скажешь, что такое сверхоборотень?

— Сверхоборотень — это тот, кого ты видишь, когда долго глядишь вглубь себя.

— Но ведь ты говорила, что там ничего нет.

— Правильно. Там ничего нет. Это и есть сверхоборотень.

— Почему?

— Потому что ничего может стать чем угодно [7: с. 387].

Помимо прочего, лиса А делится с читателями тайным учением, которое ей передал несколько тысячелетий назад Желтый Господин. Учение, призванное спасти оборотней (человечество) и привести их к освобождению, звучит следующим образом: «Радужный Поток — это конечная цель сверхоборотня. Сверхоборотень — оборотень, которому удастся войти в Радужный Поток» [7: с. 380].

Лисе, осознавшей, что весь этот мир она внушает себе своим хвостом, оставалось только подобрать ключ к Радужному Потoku и наконец войти в него. И этим ключом, несмотря на предательство Александра, ставшего сверхоборотнем на примитивном уровне (превратился в черную пятилапую собаку с обценным именем на «П», которое означает конец всему) и покинувшего героиню, оказывается любовь: «Ничего сильнее этой любви во мне не было — а раз я создавала своим хвостом весь мир, значит, ничего сильнее не было и в мире» [7: с. 397]. И далее: «Любовь была единственной силой, способной вытеснить реликтовое излучение хвоста из моего сознания» [7: с. 397].

Эта пелевинская мысль, довольно новая для его текстов, получила наибольшее признание критики: «Любовь — лучшая отмычка к замку на дверях нирваны!» [3]. И далее: «...Следует обрушить всю мощь любви на орган,

творящий морок и самогипноз. Работа оглушенного органа прервется, тут-то и придет долгожданное растворение в Пустоте» [3].

Благодаря абсолютной любви лиса А не только становится истинным сверхоборотнем, но и достигает состояния *бодхи* — совершенного и полного освобождения, пробуждения.

Таким образом, философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня», имеющие под собой разные основания — буддизм, солипсизм, экзистенциализм, постмодернизм, — формируют в тексте пространство игровой поэтики. Однопорядковые модусы пелевинских текстов, такие как «пустота», «ничто», «никто» (категории буддизма), сближаются автором с постмодернистским концептом «симулякр», которому он придает аналогичную смысловую нагрузку (ложная пустая форма, наполненная произвольным смыслом, воплощенная иллюзия). Экзистенциальная модель мира актуализируется автором при обращении к предельно заостренной в романе проблеме абсурдного и парадоксального современного мира и конституирует как смысловую доминанту сюжет «движения к освобождению» от пут гнетущей действительности. Исходя из сказанного, мы можем рассматривать «Священную книгу оборотня» как дзен-буддистский философский трактат, своеобразную инструкцию по тому, как обрести свободу и стать «просветленным».

Библиографический список

Источники

1. Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2015. 416 с.

Литература

2. Безрукавая М.В. Романы В. Пелевина как идейно-художественная структура // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 11–12.
3. Вознесенский А. Дело оборотней в обложках // Ex Libris НГ. 2004. 18 ноября.
4. Володихин Д. Виктор Пелевин. Священная книга оборотня. Модификация [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/5/vo16.html> (дата обращения: 03.05.2016).
5. Галина М. Нежить, которая нас выбирает: Или еще раз о «вампирических романах» Виктора Пелевина // Новый мир. 2013. № 8 (1060). С. 222–229.
6. Каспэ И. Низкий обман, или высокая реальность (рец. на кн. В. Пелевина «Священная книга оборотня») [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ka22.html> (дата обращения: 02.05.2016).
7. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодерн быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 244–259.
8. Фрумкин К. От буддизма к капитализму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pereplet.ru/text/frumkin05ju109.html> (дата обращения: 02.05.2016).

References

Istochniki

1. *Pelevin V.O.* Svyashennaya kniga oborotnya. M.: E'ksmo, 2015. 416 s.

Literatura

2. *Bezrukavaya M.V.* Romany' V. Pelevina kak idejno-xudozhestvennaya struktura // Politematicheskij setevoy e'lektronny'j nauchny'j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2014. № 102. S. 11–12.

3. *Voznesenskij A.* Delo oborotnej v oblozhkax // Ex Libris NG. 2004. 18 noyabrya.

4. *Volodixin D.* Viktor Pelevin. Svyashennaya kniga oborotnya. Modifikaciya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/5/vo16.html> (data obrashheniya: 03.05.2016).

5. *Galina M.* Nezhit', kotoraya nas vy'biraet: Ili eshhyo raz o «vampirskix romanax» Viktora Pelevina // Novy'j mir. 2013. № 8 (1060). S. 222–229.

6. *Kaspe'I.* Nizkij obman, ili vy'sokaya real'nost' (rec. na kn. V. Pelevina «Svyashennaya kniga oborotnya») [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ka22.html> (data obrashheniya: 02.05.2016).

7. *Kornev S.* Stolknovenie pustot: mozhet li postmodern by't' russkim i klassicheskim? Ob odnoj avantюре Viktora Pelevina // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 28. S. 244–259.

8. *Frumkin K.* Ot buddizma k kapitalizmu [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pe-plet.ru/text/frumkin05ju109.html> (data obrashheniya: 02.05.2016).

**A.I. Smirnova,
V.S. Simkina**

Philosophical Intentions in V. Pelevin's Novel «The Sacred Book of the Werewolf»

The article considers philosophical intentions in V. Pelevin's novel «Sacred Book of the Werewolf», which are determined by a complex of epistemological concepts associated with Buddhism, solipsism, existentialism and postmodernism. The architectonics of the «Sacred Book of the Werewolf» is subjected to Pelevin's favorite «subject of enlightenment» and «motion to liberation», which allows us to consider the text as a Zen Buddhist treatise. The text also actualizes the postmodernism theory of simulation reality, the concept of the world as a product of individual consciousness and the existential perception of fundamental absurdity of being.

Keywords: philosophical intentions; V. Pelevin; treatise; illusion; absurdity.

**Т.Г. Чеснокова,
В.В. Прокопенкова**

Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур»¹

Публикуемый анализ художественной интерпретации образа романтического героя в первом русском поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур», выполненном в 1822 г. Н.А. Радищевым, развивает ранее намеченные теоретико-методологические принципы исследования поэтики переводного текста в сопоставлении с оригиналом и в контексте историко-культурных условий и форм эстетического восприятия байроновской модели романтического «письма» в российской литературной ситуации 1820-х гг. Авторы выявляют функциональное содержание классицистических и сентиментально-предромантических элементов и схем на разных уровнях поэтики перевода.

Ключевые слова: Дж.Г. Байрон; «восточные поэмы»; поэтический перевод; рецепция; романтический герой.

Часть 2

Важнейшими средствами обрисовки центрального образа в байроновском «Гяуре» являются портретная характеристика, составленная на основе отрывочных впечатлений окружающих героя лиц, и монолог-исповедь главного персонажа. Названные компоненты тесно вплетаются в ткань повествования, благодаря чему остаются нетронутыми в первом русском поэтическом переложении «Гяура» («Джяур», 1822), принадлежащем Николаю Радищеву и подписанном инициалами Н.Р. (см. подробнее в предыдущем номере «Вестника МГПУ» [6]). Однако говорить о дословном воспроизведении портрета Гяура в интерпретации Н. Радищева не представляется возможным, поскольку переводчик иначе, чем автор, подходит к выбору поэтических средств, особенно в тех случаях, когда портретная деталь служит для передачи душевного состояния героя. На фоне оригинала, в частности, легко заметить склонность Н. Радищева к замене индивидуальных образных характеристик устойчивыми литературными клише и нагромождению эпитетов там, где английский поэт использует более разнообразные художественные средства (сравнение, антитезу, метафору).

¹ Первую часть статьи см.: Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2. С. 25–31.

Так, в эпизоде, рассказывающем о первом появлении таинственного всадника — Гяура, одержимого жаждой мести, переводчик описывает душевный порыв героя следующими словами: «В груди твоей давно, о Джяур горделивый! / Волненье грозное, как океан, кипит!» [2: с. 9]. В оригинальном тексте душевное смятение всадника и он сам характеризуются иначе: здесь герой назван не «горделивым», а «юным» (young), тогда как эпитет «грозное» (волненье) отсутствует вовсе. Ведущим средством характеристики служит сравнение («сердце — буря»), которое у Байрона не «тонет» в эпитетах, но выдвигается на первый план. Волнению и силе страстей Гяура не дается прямого наименования («волненье грозное») — они изображаются «от противного» (в рамках указанного сравнения) — недаром буря (tempest) кажется наблюдателю «тише» (calmer), чем «бурное» сердце героя: «And though to-morrow's tempest lower, / 'Tis calmer than thy heart, young Giaour!» [3].

В примыкающем к первому упоминанию о Гяуре описании его «бега» (точнее, скачки) переводчик сжимает авторский текст, по-прежнему старательно «украшая» его эпитетами:

Ты бег, как огонь ночной зловещий, устремляешь,
К земле нахмуренный взор мрачный обратил,
Ты в бледности страстей пороки сокрываешь
И злобного врага пророку мне открыл... [2: с. 9].

Однако эпитеты, употребленные Н.Р., не столько служат образно-смысловой передаче оригинальных эпитетов байроновской поэмы, сколько являются знаками некоего условно-«романтического» строя поэтической образности. Его приметой, в частности, становятся концепты «мрачного», «зловещего» и т. п., нередко используемые Н. Радищевым «по инерции» — вопреки смысловому и стилистическому несоответствию подлиннику. Стилистика оригинала, напротив, гораздо свободнее от общелитературных «романтических» клише, отвергаемых Байроном ради более индивидуализированных и конкретных образов (как метафорических, так и основанных на «прямом» наименовании). Ср. в «Джяуре»: «как огонь ночной зловещий» [2: с. 9] (у Байрона — meteor-like — «подобный метеору», здесь и далее выделено авторами статьи. — В.П., Т.Ч.), «мрачный взор» [2: с. 9] (в оригинале — evil eye, т. е. «злой (“недобрый, дурной”) глаз» — недоверчиво-враждебная оценка, напоминающая читателю, что Гяур описан здесь с точки зрения жителя мусульманского Востока).

Одновременно прямая (хотя не лишенная символических обертонов) характеристика возраста и внешности героя, данная Байроном (в английском тексте: young and pale — «юн и бледен», sallow front — «желтовато-бледное чело»), дополняется метонимическим переносом и абстрагированием признака («бледность страстей» [2: с. 9]), что служит одной из привычных условностей внеиндивидуального — «высокого» литературного стиля. Напомним, что, сложившись на почве классицистической поэтики, «высокий» стиль

сохранял свое универсальное значение и вне ее строгих границ, теряя позиции лишь по мере их передачи индивидуальным стилевым вариантам поэтически «возвышенного», формирующимся в русле углубленно-личного восприятия романтического метода его оригинальными носителями. В этой связи нельзя не заметить, что возвращение к стертým «высоким» литературным клише сопровождается в переводе Н. Радищева размытием образных моделей, актуальных для собственно байроновской поэтики. В частности, в приведенном отрывке переводчик, увлекшись литературными штампами, игнорирует значимый для оригинала контраст между юностью лет и зрелостью «обременяющих» героя страстей. Ср.: «Though young and pale, that sallow front / Is scathed by fiery passion's brunt» [3] — буквально: «Хоть юн и бледен, <но> бремя пламенной страсти <уже> оставило след на этом землистом челе» (здесь и далее подстрочный перевод наш. — В.П., Т.Ч.).

Иначе, чем в оригинале, раскрывается Николаем Радищевым и пресловутая «романтическая неопределенность» — смысловая и образная неоднозначность характеристики байроновского героя. У Байрона это свойство пронизывает разные уровни художественной организации текста. На уровне обобщенной поэтики образа оно выражается в отсутствии единого «объективного» взгляда на характер Гяура и наложении взаимно противопоставленных точек зрения в его описании. В то же время каждая из «субъективных» характеристик, данных Гяуру, по-своему неоднозначна: всякий новый «взгляд», брошенный на героя, выявляет в нем как привлекательные, так и отталкивающие (с выбранной точки зрения) черты, сочетает враждебность и отчужденность с невольным восхищением отдельными свойствами романтической личности и пристальным интересом к ее необычному облику. Так, в начале поэмы привлекательная «загадочность» стремительного всадника «спорит» в восприятии рассказчика-мусульманина с внушающей опасения мрачной решимостью Гяура, которая позволяет наблюдателю-турку безошибочно угадать в юноше «злобного врага пророку», ненавидящего все, что дорого ему самому (у Байрона: «one / Whom Othman's sons should slay or shun» [3] — «одного из тех, кого сыны Османа должны уничтожить или избегать»). В переводе Н.Р. черты «субъективного видения», присущие частным описаниям героя в поэме, размываются стилистически, вследствие чего сохраняющаяся двойственность оценки сдвигается в план «объективного» повествования. При этом меняются повествовательная динамика и внутренний ритм стиха, что приводит к смещению значимых образно-смысловых акцентов.

Так, если в байроновской поэме краткий миг промедления героя посреди бешеной скачки только подчеркивает его неукротимую волю и жажду мести (прозорливо угаданные наблюдателем), то в русской версии обилие литературных клише как будто лишает повествование «нерва», придавая отрывку, несмотря на сокращение объема, характер эпически «объективной» описательности:

Во взорах я твоих зрел ужаса следы,
 Но скоро ненависть их место заступила;
 Не гнева пурпуром покрылися черты,
 Но бледность мертвая внезапно их покрыла.
 Склоняет он главу, взор хладен и уныл,
 Единую рукой угрозу знаменует.
 Мгновенье пребыл он задумчив, нерешим... [2: с. 10].

Ср. He stood — some dread was on his face,
 Soon Hatred settled in its place:
 It rose not with the reddening flush
 Of transient Anger's hasty blush,
 But pale as marble o'er the tomb,
 Whose ghastly whiteness aids its gloom.
 His brow was bent, his eye was glazed;
 He raised his arm, and fiercely raised,
 And sternly shook his hand on high,
 As doubting to return or fly... [3].

Отмеченная выше стандартизация образных характеристик отчетливо проявляется и здесь, способствуя замене конкретных образов, выражающих душевное состояние героя, безличными «знаками» романтической «тоски», сближающими Гяура со множеством непохожих на него «романтических» (и предромантических) персонажей. Ср.: «бледность мертвая» [2: с. 10] (в оригинале использовано сравнение «pale as marble» [3] — «бледен, как мрамор»), «взор хладен и уныл» [2: с. 10] (в подлиннике «his eye was glazed» [3] — «его взор был остекленелым»). В итоге минутное колебание юноши, невольно «ужаснувшегося» бесчеловечному коварству собственного замысла, приобретает в радищевском «Джяуре» более обыденные и в то же время вторично «литературные» коннотации, служа выражением опасения перед внешней угрозой, преодолеваемого на почве внутренней решимости, и признаком «гамлетовской» раздвоенности между привычной меланхолией и сиюминутным порывом к действию.

Во второй (условно выделяемой) части поэмы Гяур, уединившийся в монастыре после гибели возлюбленной и мести ее убийце — Гассану, предстает в ином — христианском окружении. Однако изменение ракурса лишь сильнее подчеркивает отчуждение романтического героя от «других», будь то правоверные мусульмане с их безжалостным судом над «изменницей» или католические монахи, боязливо сторонящиеся «пламенных» страстей. Отмеченный контраст между романтическим персонажем и «толпой» одинаково отчетливо выражается и в оригинальном тексте, и в переводе. Вместе с тем переводчик последовательно усиливает эффект превосходства Гяура над монастырским окружением в тех эпизодах, в которых главный персонаж изображается глазами враждебно настроенных «чернецов».

Так, описывая боязнь монахов встретиться взглядом со странным отшельником, Н.Р. объясняет ее невольным страхом перед выражением «карающего

судьи», с которым смотрит на праведников «преступный» герой: «<...> к земле склоняют взор от дерзостных очей; / Преступник, мнится он карающим судьей» [2: с. 23]. У Байрона резко антиномичное сочетание черт «преступника» и «карающего судьи» в облике Гяура (и в восприятии монахов) отсутствует — речь лишь идет о «невыразимых чарах» (nameless spell) во взгляде «сумрачного монаха», вызывающих ассоциации со взглядом змеи (и, по напрашивающейся аналогии, — змея-искусителя). Ср.: «Oft will his glance the gazer rue, / For in it lurks that nameless spell...», и далее: «And like the bird whose pinons quake, / But cannot fly the gazing snake» [3].

В подлиннике наряду со взглядом героя важнейшей чертой его портретной характеристики является улыбка — вернее, ее подобие: «горькая усмешка» (bitter smile), вселяющая в людей страх и словно пробуждающая в них скрытые пороки: «As if that eye and bitter smile / Transferred to others fear and guile» [3]. Ср. в переводе С. Ильина: «Его улыбка, взгляд очей / Грехом как будто заражают» [1]. Улыбка Гяура выражает пугающее презрение к своему и чужому страданию («mocks at Misery»), показывая, что герой не дает воли чувствам: «Not oft to smile descendeth he, / And when he doth 'tis sad to see / That he but mocks at Misery. / How that pale lip will curl and quiver!» [3]. Н.Р. в соответствующем отрывке сохраняет лишь общий «вывод» из нарисованной монахом картины (от слов «'tis sad to see» до утверждения «such ghastly mirth / From joyaunce ne'er derived its birth» — буквально: «подобное наводящее ужас веселье никогда не породилось радостью»). Ср.: «В улыбке зрится сей лишь к бедствиям презренье; / Нет радости в очах, веселье чуждо им...» [2: с. 23]. Таким образом, переводчик сокращает исходное описание, играющее в подлиннике самостоятельную роль.

В оригинальной портретной характеристике, данной Гяуру монахом, особое внимание (как и в начале поэмы) уделяется проявлениям внутренней противоречивости персонажа, в облике которого, еще сохраняющем юношескую свежесть, «лучшие черты» смешались со «злом»: «Time hath not yet the features fix'd, / But brighter traits with evil mix'd...» [3]. Опуская этот вводный комментарий, Н.Р. в то же время тщательно воспроизводит и даже подчеркивает мотив благородной возвышенности в лице и осанке героя:

Хоть образом суров, но важен, благороден,
Желаний всяких чужд, ему несносен свет;
Сражен печалию, но дух его свободен.
Не истребили в нем гонения, беды,
Осанку важную породы знаменитой,
И благородства в нем остались следы [2: с. 23].

Тем самым он вновь приближает характер байроновского персонажа к некоему условному стандарту возвышенности, ослабляющему индивидуальное своеобразие оригинала. Эта тенденция подчеркивается еще одним сознательным «упущением» переводчика: игнорированием вводной строки описания,

в которой говорится, что неуловимые черты «благородной души», скрытые от прочих, мог обнаружить в нераскаянном грешнике лишь «внимательный наблюдатель» (close observer):

The close observer can espy
 A noble soul, and lineage high:
 Alas! though both bestow'd in vain,
 Which Grief could change, and Guilt could stain,
 It was no vulgar tenement
 To which such lofty gifts were lent [3].

Переводя подобное «тонкое наблюдение» в ранг объективной данности, Н.Р. затушевывает центральную смысловую составляющую фрагмента — сожаление «добротного христианина» о возвышенных свойствах юноши, погребенных под бременем страдания и чувства вины.

Условная заключительная часть фрагментарной «повести» посвящена исповеди ее героя перед монахом, живущим в обители, где Гяур провел около семи лет. Пронизанная желанием «покоя» (rest), она обнаруживает несовместимое с ним снисходительное презрение героя к смиренной жизни монастырского праведника. Покой, которого ищет любовник Лейлы (в переводе С. Ильина — Леилы) и убийца Гассана, — это не «очищенный» от страстей покой забвения (оно для него невозможно), но покой смерти, лишенной даже тени воспоминаний о том, что невозвратно, но по-прежнему дорого:

Yet, lurks a wish within my breast
 For rest — but not to feel 'tis rest [3].

Ср. в переводе С. Ильина:

Стремлюсь к покою, к тишине,
 Ко сну без жгучего сознанья [1].

Неудивительно, что уже в начале своего исповедального монолога Гяур противопоставляет спокойную, лишенную ярких событий жизнь монаха собственной жизни, прожитой в битвах и буре страстей:

My days, though few, have pass'd below
 In much of joy, but more of woe;
 Yet still in hours of love or strife
 I've 'scaped the weariness of life... [3].
 Ты свят, но не жил... я, я жил, и средь мучений,
 Из чаши радости отраду испивал;
 Но чаще пил сосуд душевных огорчений... [2: с. 26].

В переводе, однако, исповедальная речь персонажа теряет значительную долю своей страстной эмоциональности — становится меланхоличнее, суше, что приводит к смягчению отчетливо выраженного контраста между душевной «обнаженностью» последнего (и единственного) монолога героя и равнодушно-враждебной отстраненностью рассказов, вложенных в уста сторонних наблюдателей.

Более сдержанно по сравнению с подлинником автор «Джяура» передает признание главного героя в любви к Лейле, опуская использованный Байроном прием градации: «Отец мой! я любил... не тщетными словами, / Не воздыханьями я изъяслял любовь» [2: с. 27]. Ср. у Байрона: «I loved her, Friar! nay, adored...» [3] — дословно: «Я любил ее, монах!.. нет, боготворил...». Иначе выражено и сожаление Гяура о том, что своей безрассудной страстью он погубил возлюбленную: «Yet sometimes, with remorse, in vain / I wish she had not loved again» [3] — дословно: «Но иногда, с раскаянием, я тщетно желаю, чтобы она не отвечала мне взаимностью». Дополнительно «распространяя» это признание конкретизирующим объяснением, переводчик снижает романтическую неопределенность рассказа:

О! лучше б пребыла она Гассану верной!
 Неумолимая то совесть говорит;
 И в горести моей, жестокой и безмерной,
 Кончины не могу ее изобразить [2: с. 28].

Под конец своей исповеди Гяур вновь обращается к теме смерти как освобождения от страданий, признаваясь, что готов отречься от рая, лишь бы обрести долгожданный покой: «I would not, if I might, be blest; / I want no paradise, but rest» [3]. В переводе Н. Радищева «рай» (paradise) заменяется «счастьем», что заметно снижает напряженную экспрессию подлинника: «Я счастья не хочу... один, один покой!» [2: с. 33].

Разночтение с байроновским текстом встречается и в одной из последних реплик Гяура — в словах благодарности монаху за то, что тот выслушал и пожалел страждущего. Это касается прежде всего использованных автором и переводчиком художественных средств. Так, если у Байрона в речи Гяура звучит метафора: «And thank thee for the generous tear» [3] (дословно: «Благодарю тебя за щедрую слезу»), то Н. Радищев отказывается от ее употребления²: «Благодарю! о мне ты, добрый, пожалел». В оригинале при этом нагляднее подчеркнута образно-логическая связь между мотивом слезы, пролитой монахом «над» юношей и «вместо» него, и неспособностью самого Гяура «выплакать» свое горе: «Благодарю за щедрую слезу, которую этот остекленевший взор никогда не мог пролить» — «thank thee for the generous tear / This glazing eye could never shed» [3]), тогда как в переводе остается лишь голая констатация факта: «Я плакать не могу; нет слез в глазах моих иссохших...» [2: с. 34].

Своеобразной кодой поэмы (после исповедального монолога) является небольшой фрагмент, в котором наряду с упоминанием о так и не раскрытой до конца тайне героя («He pass'd — nor his name and race / Hath left a token or a trace...» [3]) подчеркивается «обрывочность», фрагментарность «повести» («This broken tale was all we knew / Of her he loved, or him he slew» [3]). Н. Радищев максимально сокращает этот заключительный эпизод, одновременно заменяя личное местоимение множественного числа *we* местоимением *я*, что в контексте повествования приводит к дополнительным смысловым сдвигам:

² Общая склонность Н.Р. «сглаживать» байроновские метафоры и гиперболы справедливо отмечена С.Л. Каганович [4: с. 206].

Вот все, что я узнал на греческих берегах
О деве, о любви, о яростных врагах [2: с. 34].

В оригинальном тексте употреблением формы множественного числа в выражении «all we knew» [3] (дословно: «все, что нам известно») достигается, с одной стороны, намеренная «отстраненность» автора, как бы сливающего свой голос с голосами многоликих повествователей, с другой — в очередной раз проявляется эффект романтической неопределенности. Все, что «нам» (в том числе и монаху-рассказчику, и автору, и читателям поэмы) дано узнать и услышать, — это обрывки давней истории, случившейся много лет назад и дошедшей до «нас» далеко не полностью. Переводчик же, непреднамеренно персонифицируя образ автора, тем самым оставляет его единственным посредником между читателем и описанными в поэме событиями — «доверенным лицом», сохраняющим признаки объективного повествователя.

В целом для перевода «Гяура» Н. Радищева характерна ярко выраженная установка на близкое воспроизведение идейного содержания и сюжетно-композиционных средств подлинника, заимствуя которые переводчик в той или иной степени усваивал романтические традиции байроновской поэмы, способствуя развитию жанра и направления на русской почве. Одновременно в «Джяуре» чувствуется неосознанное стремление к «сверке» типологической модели центрального образа с условной схемой «возвышенного героя», который, приобретая под влиянием обстановки и обстоятельств определенные романтические черты, остается при этом живым воплощением абстрактной нормы «душевного благородства». По этой причине романтическое отчуждение героя от окружающих трактуется в доромантическом духе — как превосходство «высокого» над «низким», а оригинальная стилевая характеристика образа меняется в сторону расширения устойчивых признаков общелитературного «возвышенного» стиля. Романтическая исключительность на этом фоне сближается одновременно с классицистической идеализацией врожденного благородства страстей и предромантической апологией бунта «чувствительной» души против трусливого лицемерия поклонников общепринятой морали, будь то жители мусульманского Востока или христианского Запада. Все это — признаки стандартизации поэтики перевода в русле ранних «масовых» представлений российских читателей о романтизме.

Последнее во многом сближает анализируемый поэтический перевод с популярными в 1820-е гг. прозаическими переложениями байроновских поэм, но одновременно свидетельствует о более традиционалистской (и вместе с тем эклектической) «конфигурации» поэтических средств, усвоенных литературным сознанием переводчика-стихотворца. Вследствие этого автор «Джяура», сохраняя приверженность «классическим» нормам литературного стиля, но допуская их подчинение сентиментально-предромантическим схемам характера и конфликта, остается в стороне от влияния сентиментальной мелодрамы, послужившей моделью для множества прозаических вариаций на темы «восточных поэм» Байрона (см.: [5]).

Библиографический список**Источники**

1. *Байрон Дж.Г.* Гяур: фрагмент турецкой повести / пер. С. Ильина [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_1.txt (дата обращения: 02.06.2016).
2. *Н.Р.* Джяур. Отрывки из турецкой повести. Из соч. лорда Байрона. В стихах. М.: типография Августа Семена, 1822. 34 с.
3. *Byron G.G.* The complete works of Lord Byron: in 4 vol. [Электронный ресурс]. Paris: Baudry's European Library, 1833. Vol. 1. URL: <http://www.readytogoebbooks.com/LB-Giaour.htm> (дата обращения: 02.06.2016).

Литература

4. *Каганович С.Л.* Роль переводов восточных поэм Дж. Байрона и Т. Мура в формировании русского романтического стиля // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 205–208.
5. *Прокopenkova В.В., Чеснокова Т.Г.* Два «Корсара»: Байрон и русская сентиментальная мелодрама // Диалог языков, культур, литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. М.: МГПУ, 2015. С. 96–114.
6. *Прокopenkova В.В., Чеснокова Т.Г.* Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрон «Гяур» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2. С. 25–31.

References**Istochniki**

1. *Bajron Dzh.G.* Gyaur: fragment tureczkoj povesti / per. S. Il'ina: [E'lektronny'j resurs]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron3_1.txt (data obrashheniya: 02.06.2016).
2. *N.R.* Dzhyaur. Otry'vki iz tureczkoj povesti. Iz soch. Lorda Bajrona. V stixax. M.: tipografiya Avgusta Semena, 1822. 34 s.
3. *Byron G.G.* The complete works of Lord Byron: in 4 vol. [E'lektronny'j resurs]. Paris: Baudry's European Library, 1833. Vol. 1. URL: <http://www.readytogoebbooks.com/LB-Giaour.htm> (data obrashheniya: 2.06.2016).

Literatura

4. *Kaganovich S.L.* Rol' perevodov vostochny'x poe'm Dzh. Bajrona i T. Mura v formirovaniy russkogo romanticheskogo stilya // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2011. № 1. Т. 1. Gumanitarny'e nauki. S. 205–208.
5. *Prokopenkova V.V., Chesnokova T.G.* Dva «Korsara»: Bajron i russkaya sentimental'naya melodrama // Dialog yazy'kov, kul'tur, literatur v professional'no orientirovannom i filologicheskom aspektax: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf. M.: MGPU, 2015. S. 96–114.
6. *Prokopenkova V.V., Chesnokova T.G.* Recepciya obraza romanticheskogo geroya v pervom poe'ticheskom perevode poe'my' Dzh.G. Bajrona «Gyaur» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2. S. 25–31.

*T.G. Chesnokova,
V.V. Prokopenkova*

**The Reception of the Romantic Hero
in the First Poetic Translation of G.G. Byron's «The Giaour»**

The following analysis of the romantic hero as interpreted by the author of the first Russian poetic translation of G.G. Byron's «The Giaour» (1813), performed in 1822, develops the pre-established theoretical and methodological principles of its study. The latter is based on an essay of cultural and historical conditions as well as forms of aesthetic appreciation of Byron's Romantic «writing» in Russian literary situation of the 1820s. The authors bring to light the functional meaning of Classicist and Preromantic elements and schemes appearing on the different levels of the poetics of N.A. Radishhev's translation in comparison with the original.

Keywords: G.G. Byron; «oriental tales»; poetic translation; reception; romantic hero.

**О.Г. Шильникова,
С.С. Васильева**

Литературная периодика региона в мультидисциплинарном научном дискурсе¹

Рассмотрено место региональной литературной журналистики в системе современных гуманитарных дисциплин. Доказано, поскольку литературная пресса является участником художественных, медийных, социокультурных процессов одновременно, ее изучение требует мультидисциплинарного подхода. Определены научные области (литературоведение, краеведение, регионоведение, история журналистики, гуманитарная география, провинциология), которые должны стать базой комплексного исследования данного медиафеномена.

Ключевые слова: журнал; литературная журналистика; краеведение; регион; методология исследования.

Региональная литературная периодика как органическая часть национальной культуры в новых социокультурных и технологических обстоятельствах начала XXI в. не потеряла своего просветительского потенциала и возможности многосторонне влиять на позитивное развитие региона.

С исследовательской точки зрения литературная пресса представляет собой сложный медиафеномен, изучение которого требует уточнения исходных теоретико-методологических посылов. В системе координат гуманитарных дисциплин она находится на стыке интересов таких традиционных научных областей, как литературное и историческое краеведение, регионалистика, литературоведение, культурология, «культурологическая провинциология» (М.Н. Инюшкин), а также достаточно новых междисциплинарных направлений, базирующихся на концептах «культурная география» и «культурный ландшафт», с одной стороны, и истории и теории журналистики и медиакоммуникаций, с другой. Собственно же литературная журналистика как самостоятельный самоценный феномен и отдельный предмет исследования пока еще остается вне поля зрения ученых. Однако анализ достижений названных смежных областей, несомненно, будет способствовать созданию исследовательской модели, которая позволила бы это осуществить.

Названные обстоятельства обуславливают актуальность теоретико-методологического осмысления региональной литературной журналистики и определения ее места в современном научном дискурсе.

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ и администрации Волгоградской области (проект № 15-14-34002).

Выработка принципов изучения литературы отдельных регионов была начата в первой четверти XX в. в трудах известного российского филолога, библиографа и текстолога Н.К. Пиксанова, а также в работах Н.П. Анциферова и И.М. Гревса, обосновавших некоторые методологические и методические принципы региональной культурологии. В целом к концу XX – началу XXI в. в литературном краеведении были сформулированы общие подходы к изучению художественного творчества провинциальных писателей. Обозначим наиболее важные из них.

Н.К. Пиксанов сделал акцент на необходимости изучения пластов местной культуры, в том числе «литературных гнезд», которыми так богата русская провинция. В противном случае, «подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой понимает собственно культуру и литературу столичную, не учитывая, просто забывая, областную... В движениях и поворотах “русской”, т. е. общерусской, столичной литературы мы многого не поймем, если не изучим областных культурных гнезд» [6: с. 8–10].

Второе положение, выдвинутое ученым, имеет методологический характер. Н.К. Пиксанов сформулировал факторы, которые, по его мнению, следует учитывать, выявляя областную (региональную) специфику «культурных гнезд»: особенности исторического, социально-экономического развития территории, государственно-правовые аспекты ее жизни, географическое положение, общий уровень просвещения и образования, степень развития издательского дела.

В 1920–1930-е гг. был обозначен круг явлений, которые должны стать предметом регионального культурного краеведения. По мнению Н.К. Пиксанова и И.М. Гревса, недостаточно углубленного анализа отдельных, пусть и очень важных, сторон культурной жизни провинции. Внимание исследователей должно быть направлено на весь спектр культурных «явлений и движений»: литературу, просвещение, театр, искусство, архитектуру. Для нас принципиальным моментом является то, что среди компонентов, подлежащих изучению, названа местная пресса.

Значительно позже П.В. Куприяновский в статье «Проблемы регионального изучения литературы» (1984) конкретизировал исследовательское поле регионального литературного краеведения, однако, как и в 1930-е гг., не дифференцируя собственно литературоведческий, журналистский и историко-краеведческий компоненты.

Он считал, что изучение региональной литературы может концентрироваться вокруг нескольких тематических направлений: «изучение жизни и творчества местных писателей», «изучение писателя-классика (крупного писателя) в плане регионально-краеведческого начала», «исследование литературной жизни в области, крае, регионе» [5: с. 180–181], отображение языковой среды, своеобразного уклада края, области, района в произведениях местных и российских авторов. П.В. Куприяновский полагал: подобный

комплексный подход будет способствовать созданию полноценной истории развития литературы в крае, что и является конечной целью литературно-краеведческой работы.

Обращая внимание на необходимость «детального обследования местной печати», изучения «материалов журналов, газет, сборников, альманахов» [5: с. 181], ученый рассматривал прессу лишь как источник для воссоздания картины литературной жизни и возможных источниковедческих открытий для большой филологической науки.

Заметим, что именно эта точка зрения господствовала и в определенной степени продолжает преобладать именно в филологии. В этом случае достижения региональных авторов, репрезентированные в местных СМИ, рассматриваются как элементы, обогащающие и дополняющие общенациональный литературный процесс. Это, без сомнения, продуктивные для истории литературы подходы. Но их генеральная исследовательская цель лежит в плоскости интересов собственно филологии: с учетом художественных достижений периферийной литературы воссоздать более полнокровную и достоверную картину общероссийского литературного процесса и выявить его объективные тенденции и закономерности.

Параллельно с определением теоретических основ литературного краеведения в течение второй половины XX – начале XXI в. продолжался процесс изучения литературы отдельных областей России. Ученые разрабатывали некоторые теоретические аспекты осмысления региональной литературы, анализировали творчество отдельных региональных авторов [9] и литературно-общественное движение русской провинции (Н.А. Милонов, О.М. Савин, О.Г. Ласунский, В.Б. Смирнов, А.А. Демченко, А.И. Смирнова и др.).

В 1990-е гг. работа продолжилась отдельными статьями филологов, краеведов, историков. Они рассматривали литературное краеведение как полноценное направление филологических исследований.

Принципиально иной и по-настоящему новаторской оказалась позиция В.Б. Смирнова. Не отрицая историко-литературного подхода к краеведению, он вначале в ряде теоретических выступлений обосновал, а затем в ходе обширных эмпирических исследований региональной литературы Поволжья, Урала и Башкирии практически подтвердил эффективность иной точки зрения на феномен литературной журналистики, в том числе в его региональном изводе.

Свой методологический принцип В.Б. Смирнов терминологически обозначил как историко-литературное («стыковое») изучение журналистики. Он базируется на представлении о реально существующей общности литературной журналистики и художественного творчества, а также стремится учитывать специфику литературной периодики, с одной стороны, преследующей специфические литературно-эстетические и социокультурные цели, а с другой — подчиняющейся общим для печатных СМИ закономерностям функционирования. В результате печатный орган литературного профиля приобретает качества массовых коммуникаций.

Соответственно трансформируются критерии исследовательской оценки эстетической, познавательной, пропагандистской значимости публикуемых в СМИ произведений. Оценка любого художественного явления в медийном контексте, по мнению В.Б. Смирнова, должна коррелировать с функциями СМИ, учитывать специфику журналистского труда с его установкой на формирование общественного сознания, оперативностью и периодичностью отклика, особенностями влияния на массовую аудиторию.

Из сказанного прямо следовала мысль о целесообразности в рамках литературного краеведения выделять специальное направление, занятое изучением «региональных средств массовой информации, которые выступали и выступают аккумулятором творческих достижений нижеволжских писателей» [8: с. 334], а также исследованием текущей региональной литературной критики.

В свою очередь, представители филологической науки подчеркивают, что формирование коммуникативной культуры нации и отдельной личности невозможно без освоения массива художественной литературы [7], а в региональном дискурсе она оперативно экспонируется прежде всего на страницах местных СМИ.

В последние годы были опубликованы крупные работы, выявляющие просветительские импульсы периодической печати, однако без акцента на собственно литературных изданиях: монографии А.А. Вахрушева «Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков)» (Ижевск, 2011) и О.И. Лепилкиной «Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.)» (М., 2010).

Знаковым свидетельством поворота вектора научных исследований в области литературного краеведения к журналистике можно считать выход аннотированного библиографического указателя «Литературная жизнь России конца XIX – начала XX веков по материалам периодической печати Перми (1890–1917 гг.)», подготовленного сотрудниками лаборатории городской культуры и средств массовой информации кафедры журналистики Пермского государственного университета [12]. Идея составителей о том, что представленные в указателе литературно-критические и библиографические материалы 12 пермских газет дают возможность реконструировать литературную жизнь края и увидеть влияние местной прессы на художественные вкусы и нравы провинциальной публики, представляется чрезвычайно плодотворной.

Однако в целом дело пока ограничивается изучением отдельных газет и журналов без дифференциации их по типологическим характеристикам и специального акцента на специфических параметрах литературно-художественных изданий и обусловленных этим обстоятельством особенностях. Иначе говоря, филологи и краеведы не слишком активно и охотно обращаются к истории и теории современной журналистики, чтобы сформулировать новый междисциплинарный взгляд на феномен литературно-художественных

изданий, являющихся субъектом медийных, литературных, социокультурных процессов одновременно. Между тем стремление к интегративным научным исследованиям — заметная тенденция современной науки [3].

Особенностями регионалистики последних десятилетий являются ее многовекторность и тяготение к созданию полидисциплинарной теоретической платформы. Серьезный интерес к этой области проявляют специалисты различных гуманитарных дисциплин — культурологи и социологи, философы и историки, психологи, искусствоведы, представители филологической и журналистской науки.

Примерно с начала 2000-х гг. в гуманитарной сфере произошла актуализация научного концепта «культурное гнездо», введенного Н.К. Пиксановым в работах «Два века русской литературы» (1923) и «Областные культурные гнезда» (1928). Однако, несмотря на то что в 1930-е гг. перспективную «идею» Н.К. Пиксанова поддержали и другие выдающиеся краеведы того времени — Н.П. Анциферов, М.М. Богословский, А.Н. Свободов, М.П. Сокольников, — превращения удачной метафоры в полновесный концепт так и не произошло. К понятию “культурное гнездо” отечественная краеведческая мысль вернулась только в 60-е гг. XX в., но лишь для того, чтобы указать на его ограниченность: с идеологических позиций, значимость локальных культурных центров не должна была браться в расчет, поскольку они развивались в русле общерусской культуры. И только во второй половине 80-х — начале 90-х гг. XX в. рассматриваемое понятие пережило второе рождение. Практически все исследователи — культурологи, философы, эстетики, искусствоведы — стремились и стремятся к его концептуализации...», — отмечает Ю.А. Елисеева [13]. Параллельно на этой методологической платформе появился массив конкретных культурологических и краеведческих исследований и комплексных проектов по изучению на территориях России локальных «культурных гнезд». В разных проблемно-тематических и дисциплинарных ракурсах исследуются «культурные гнезда» Пензенской губернии, Иркутска, Рязанской области, Сибири, Тамбовщины, Тобольска и др.

На рубеже XX–XXI вв. обозначился новый подход к осмыслению локальной культуры — «культурная география». К настоящему времени внутри этого научного направления различаются такие течения, как «гуманитарная география» и «сакральная география», «мифогеография», «имагинальная (образная) география» (работы Ю.А. Веденина, В.Л. Каганского, Д.Н. Замятина, О.А. Лавреновой, Э.В. Барковой, М.В. Рагулиной, А.Г. Дружинина).

Объект изучения культурной географии — «как пространственное многообразие культур, так и проблема их локализации в различных регионах Земли. В более широком смысле речь идет о взаимовлиянии образных символических пространств культуры в топосе (и хронотопе) ее развития. Исследования культуры нуждаются сегодня в “переворачивании” традиционного концепта “хронотоп” и обращении к топохронным исследованиям, пестующим

идеи устойчивости, пространственной и территориальной локализованности культурных объектов, семантики культурных пространств. В этой связи теоретические основы культурной географии представляются достаточно универсальными в общегуманитарном (и культурологическом) горизонте» [15].

Основной исследовательской единицей данного направления является дефиниция «культурный ландшафт», определяемый как «целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социокультурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного включения природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей» [4: с. 6]. Отсюда атрибутом культурного ландшафта, помимо природной среды, является сочетание традиционного и инновационного культурных пластов и наличие комплекса общепринятых для данной территории социальных, духовных, художественных ценностей.

Очевидно, что концепт «культурный ландшафт» может быть конкретизирован лишь в пределах ограниченных пространственных координат. И в этом отношении культурная география смыкается с краеведением и регионоведением, о чем свидетельствует региональный вектор многих работ, созданных в рамках геокультурного направления.

Неслучайно материалом исследований часто выступают тексты региональной литературы. Так, В.В. Абашев исследовал «пермский текст» русской культуры, обращаясь к письменным источникам от Епифания Премудрого, Пастернака до художественных опытов современных пермских авторов, самиздатовских стихов и рекламных проспектов [1]. О.А. Лавренова предлагает стратегию «прочтения» культурного ландшафта «через локальные тексты культуры, представляющие собой корпус художественных, документальных и фольклорных текстов, связанных с конкретным местом», поскольку «тексты художественных произведений выступают как генераторы смыслов для конкретного культурного ландшафта/места» [14]. В.Г. Щукин, реализуя геокультурологический подход в процессе анализа мифов дворянского гнезда XIX в., опирается на исторические сведения, мифопоэтические образы, навеянные усадьбой, и литературные произведения, в которых изображены усадебные реалии [11].

СМИ, тем более литературные издания, являются фактом культуры, в которых не только публикуются художественные тексты местных авторов, но и фиксируется реальное восприятие жителями определенной территории природного, социального, культурного локусов. Представляется, литературная журналистика потенциально является обширной источниковедческой базой для исследований в русле культурной географии. В свою очередь, география культуры как научная дисциплина могла бы обогатить исследовательское поле региональных СМИ новыми подходами и идеями, в частности, посылом о необходимости в процессе анализа локальной прессы учитывать интеграционную модель функционирования культурного пространства региона, модель, построенную с максимальным учетом не только общественно-политических, экономических, историко-литературных факторов, но и парадигмы геокультурных обстоятельств.

В журналистской науке последних десятилетий также очень заметен разворот к региональной проблематике, которая стала предметом обсуждения, часто дискуссионного, в научном журналистском сообществе.

В 2012 г. Воронежский государственный университет совместно с Академией наук региональной печати России выступил с инициативой создания «Энциклопедии региональной печати». Идею поддержали авторитетные специалисты по региональной журналистике. Е.В. Ахмадулин и Б.И. Есин подчеркнули, что в науке уже накоплен солидный теоретический и эмпирический материал по истории печати разных регионов России — Дона, Кубани, Ставрополья, Воронежской области, Центрального Черноземья, Татарстана, Башкирии, Урала, Сибири, Дальнего Востока. К списку следует добавить появившиеся в последние годы работы по журналистике Вятской губернии XVII – начала XX в., Поволжского региона в целом, по Пермской и Нижегородской прессе, изданиям Нижнего Поволжья, в том числе Волгоградского региона. Имеющийся в науке задел, несмотря на указанные в выступлении Е.В. Ахмадулина исследовательские лакуны, позволяет, по мнению ученого, ставить вопрос о создании фундаментального многопланового труда, посвященного региональной прессе [2].

Представляется, что провинциальные издания литературно-художественного и культурологического профиля, при условии системного изучения литературной журналистики российских регионов, могли бы стать законной частью такой энциклопедии.

В современных диссертационных работах по журналистике историко-типологического характера, выполненных на материале региональной прессы, литературная журналистика как отдельный тип периодики не идентифицируется. Поэтому вопрос о типологизации литературных печатных СМИ, как и проблема их функционирования в новых технологических и социокультурных обстоятельствах, практически не попадают в поле зрения исследователей. Редкое исключение — культурологическая работа Ю.А. Головина «Российские литературно-художественные журналы как форма реализации культурной политики» (М., 2010).

В зону интересов журналистики традиционно вовлекаются прежде всего литературно-художественные журналы, хотя до сих пор нет убедительно аргументированного представления о типологических вариантах «толстого» журнала, его модификациях на разных этапах исторической эволюции и о специфике региональных «толстяков», которая отнюдь не ограничивается местной тематикой. Типологические форматы литературной прессы весьма разнообразны. Помимо журналов, это еженедельники, альманахи, литературные приложения к изданиям общего типа и т. д.

Не учитывается, что локальная литературная журналистика содержательно представлена изданиями не только литературно-художественными, но и литературно-критическими, литературно-публицистическими, литературно-культурологическими, «синкретическими».

Поскольку недостаточно разработанной остается проблема внутренней структурной организации литературно-художественных изданий, то и вопросы

качественного взаимодействия литературного творчества региональных писателей и СМИ, корреляции литературно-художественного, литературно-критического и журналистского дискурсов, как правило, не являются приоритетными.

Таким образом, можно констатировать, что в целом принципы исследования локальной литературной журналистики, методология и методика ее изучения в современной науке не разработаны в достаточной степени. Однако за прошедшие десятилетия создана серьезная теоретико-методологическая база, которая может послужить концептуальным основанием для ее системного изучения [10]. Комплексный мультидисциплинарный подход даст возможность представить полную картину и тенденции развития журналистики любого региона как социокультурного феномена российского масштаба. Обозначение реперных точек исследовательского поля поможет видеть горизонты научного направления, а в прикладном аспекте — совершенствовать сценарии развития региональной литературной журналистики.

Библиографический список

Литература

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
2. *Ахмадулин Е.В.* Итоги и задачи изучения местной и национальной прессы (проблемы подготовки «Энциклопедии региональной печати») // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Воронеж. 2012. Вып. 1–2. С. 6–9.
3. *Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новаторство // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 80–88.
4. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М.: Рос. научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия, 1997. 224 с.
5. *Куприяновский П.В.* Проблемы регионального изучения литературы // Русская литература. 1984. № 1. С. 177–181.
6. *Пиксанов Н.К.* Два века русской литературы. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 208 с.
7. *Седых А.П.* Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 16–20.
8. *Смирнов В.Б.* Царицын как культурное гнездо Нижнего Поволжья // Стрелжень: Научный ежегодник / под ред. М.М. Загоруйко. Вып. 4. Волгоград: Издатель, 2004. С. 330–336.
9. *Смирнова А.И.* Вне литературной обоймы // Отчий край. 2008. № 3. С. 103–108.
10. *Шильникова О.Г.* Комплексное изучение региональной литературной журналистики как научная проблема // Научное наследие академика В.И. Борковского и современная русская словесность: материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 8–11 сент. 2015 г.) / отв. ред. Д.Ю. Ильин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 535–543.
11. *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. М.: Рос. политич. энциклопедия, 2007. 608 с.

Справочные и информационные издания

12. *Абашев В.В.* Литературная жизнь России в конце XIX – начале XX веков на страницах пермской периодической печати (1890–1917): аннотированный библиографич. указатель / В.В. Абашев, В.А. Кустов, Т.Н. Масальцева. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2007. 256 с.

Материалы из Интернета

13. *Елисеева Ю.А.* Феномен «культурного гнезда» в социогуманитарном дискурсе [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/4_113726.doc/ (дата обращения: 10.06.2016).

14. *Лавренова О.А.* Семантика культурного ландшафта: автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-kulturnogo-landshafta/> (дата обращения: 10.06.2016).

15. *Уваров М.С.* Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research. 2011. № 4 (5) [Электронный ресурс]. URL: http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2011/IJCR_04%285%29_2011_Uvarov.pdf/ (дата обращения: 10.06.2016).

References*Literatura*

1. *Abashev V.V.* Perm' kak tekst: Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2000. 404 s.

2. *Axmadulin E.V.* Itogi i zadachi izucheniya mestnoj i nacional'noj pressy' (problemny' podgotovki «E'nciklopedii regional'noj pečhati») // Akcenty'. Novoe v massovoj kommunikacii. Al'manax. Voronezh. 2012. Vy'p. 1–2. S. 6–9.

3. *Bubnova I.A., Krasny'x V.V.* Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremenny'x integrativny'x issledovanij: tradicii i novatorstvo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 80–88.

4. *Vedenin YU.A.* Oчерки по географии искусства. М.: Рос. nauchno-issledovatel'skij in-t kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 1997. 224 s.

5. *Kupriyanovskij P.V.* Problemy' regional'nogo izucheniya literatury' // Rus. literatura. 1984. № 1. S. 177–181.

6. *Piksanov N.K.* Dva veka russkoj literatury'. М.; Pg.: Gosizdat, 1923. 208 s.

7. *Sedy'x A.P.* Nacional'naya literatura i kommunikativnaya kul'tura nacii // Vestnik MGPU. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». № 2 (10). М.: MGPU, 2012. S. 16–20.

8. *Smirnov V.B.* Czaricy'n kak kul'turnoe gnezdo Nizhnego Povolzh'ya // Strezhen': nauch. ezhegodnik / pod red. M.M. Zagorul'ko. Vy'p. 4. Volgograd: Izdatel', 2004. S. 330–336.

9. *Smirnova A.I.* Vne literaturnoj obojmy' // Otchij kraj. 2008. № 3. S. 103–108.

10. *Shil'nikova O.G.* Kompleksnoe izuchenie regional'noj literaturnoj zhurnalistiki kak nauchnaya problema // Nauchnoe nasledie akademika V.I. Borkovskogo i sovremennaya russkaya slovesnost': materialy' Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 8–11 sent. 2015 g.) / otv. red. D.YU. Il'in. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2015. S. 535–543.

11. *Shhukin V.G.* Rossijskij genij prosveshheniya М.: Рос. politich. e'nciklopediya, 2007. 608 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. *Abashev V.V.* Literaturnaya zhizn' Rossii v konce XIX – nachale XX vekov na stranicax permskoj periodicheskoj pečati (1890–1917): annotirovanny'j bibliograficheskij ukazatel' / V.V. Abashev, V.A. Kustov, T.N. Masal'ceva. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2007. 256 s.

Internet-resursy'

13. *Eliseeva Yu.A.* Fenomen «kul'turnogo gnezda» v sociogumanitarnom diskurse [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/4_113726.doc/ (data obrashheniya: 10.06.2016).

14. *Lavrenova O.A.* Semantika kul'turnogo landshafta: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk: 24.00.01 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-kul'turnogo-landshafta/> (data obrashheniya: 10.06.2016).

15. *Uvarov M.S.* Kul'turnaya geografiya v kul'turologicheskoy perspektive (analiticheskij obzor) // Mezhdunarodny'j zhurnal issledovanij kul'tury' International Journal of Cultural Research. 2011. № 4 (5) [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2011/IJCR_04%285%29_2011_Uvarov.pdf/ (data obrashheniya: 10.06.2016).

O.G. Shilnikova,

S.S. Vasilyeva

**Regional Literary Periodicals
in Multidisciplinary Scientific Discourse**

In the focus is the place of regional literary journalism in the system of modern Humanities. It is proven, that study of literary print media requires a multidisciplinary approach as it is a participant of artistic, media, socio-cultural processes simultaneously. Such academic areas as literature, country studies, regional studies, history, journalism, humanitarian geography, province studies are recognized as necessary to form the basis of a comprehensive research of the phenomenon in question.

Keywords: magazine; literary journalism; regional studies; region; research methodology.

**М.Р. Желтухина,
О.А. Михайлушкина**

**Индивидуально-авторский концепт
«любовь» в художественном дискурсе
В.П. Астафьева (на примере повести
«Веселый солдат»)**

В статье на примере повести В.П. Астафьева «Веселый солдат» рассматривается индивидуально-авторский концепт «любовь», выявляются его ценностные составляющие, отмечается позитивно-ценностный потенциал в пространстве произведения. Несмотря на то что концепт «любовь» лишен каких-либо романтических характеристик, авторы отмечают его связь с проявлением сострадания, умения понять и ощутить боль другого человека.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт «любовь»; художественный дискурс; военная литература; повесть «Веселый солдат»; В.П. Астафьев.

Отражение индивидуально-авторских концептов в художественном дискурсе находится в тесной связи с концептами, характерными для определенной лингвокультуры [6; 8; 9]. Вслед за Н.Г. Клебановой, мы понимаем под индивидуально-авторским концептом квант структурированного знания о вторичной действительности в художественном произведении [4; 5]. Индивидуально-авторские концепты, которые репрезентируются эксплицитно или имплицитно в художественном творчестве В.П. Астафьева, представляют собой культурные концепты с аналогичными именами, трансформируемые автором в соответствии с его индивидуальным восприятием действительности.

Корреляция индивидуально-авторского концепта «любовь» и мировой/русской культуры раскрывается нами как взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс. Генерированный мировой и русской культурой концепт «любовь» реализуется в художественном дискурсе русскоязычного автора В.П. Астафьева как индивидуально-авторский концепт «любовь», репрезентируя те индивидуальные

характеристики, которые отражают мировосприятие автора. Воспринятый и осмысленный адресатом, данный индивидуально-авторский концепт переносится в русскую культуру, а затем и в мировую культуру, обогащая новыми элементами концептуализацию окружающей действительности.

Индивидуально-авторский концепт «любовь», формируя художественный текст, определяет событие, место, время, поведенческие характеристики и поступки героев и т. д. во вторичном мире, продуцируемом В.П. Астафьевым на примере повести «Веселый солдат». В тексте данного художественного произведения отражается вторичная действительность по отношению к существующей реальной действительности.

Повесть В.П. Астафьева «Веселый солдат» (1998) представляет перед читателем картину послевоенной жизни СССР, увиденную глазами человека, чья молодость прошла на фронте. Автобиографическое начало наряду с неоднозначностью авторской презентации и оценки личности главного героя произведения делают его образ ярким и запоминающимся, а ситуации взаимоотношений персонажей позволяют рассмотреть на примере данного произведения реализацию ключевого концепта «любовь».

В определении понятийных характеристик концепта «любовь» мы опираемся на значения существительного «любовь», зафиксированные в «Современном толковом словаре русского языка»: 1) «чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо», «чувство расположения, симпатии к кому-либо»; 2) «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола»; 3) «внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо» [7: с. 328]. Также мы учитываем и дефиниции глагола «любить»: 1) «чувствовать глубокую привязанность к кому-либо, чему-либо», «испытывать чувство расположения, симпатии к кому-либо»; 2) «чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола; быть влюбленным»; 3) «чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо»; 4) «нуждаться в чем-либо, как в необходимом (благоприятном) условии своего существования» [Там же]. Реализация указанных значений в тексте повести позволяет выявить и проанализировать индивидуально-авторский базисный концепт «любовь» в творчестве В.П. Астафьева 1990-х гг., его образную и ценностную составляющие [3–6; 8].

Впервые в тексте со словом «любовь» адресат сталкивается при описании застолья в станице Хасюринской, где главный герой располагается на лечении. Находящихся на лечении военных приглашают в гости к хозяйке, о которой «говорили, что на постое у Марины был немецкий майор, затем квартировал комиссар Владыко и она им будто бы ни в чем не отказывала» [1: с. 38]. В доме Марины солдаты оказываются каждый «рядом со своей “дивчиной”» [Там же: с. 37]. В ситуации шумного застолья персонажи произносят пожелание «3-за любовь!» [Там же: с. 39].

Однако сама ситуация снижает восприятие ценности смыслового образования «любовь»: отношения между персонажами противоположного пола

построены на потреблении, что встраивает в текст повести концепт «приспособленчество».

В противовес этому реакция главного героя Виктора, которому «захотелось упасть перед хозяйкой на колени, обцеловать ее руки, плакать и кричать “Прости! Прости!..”» [Там же: с. 42], может показаться неестественной. Причины этого в том, что Виктор сумел понять, прочувствовать жестокость военного времени по отношению к мирному населению, разрушительное влияние войны на человека. Потребность искупить вину, отказ от потребительского отношения к женщине на ситуативном уровне создают установку на устремленность главного героя к любви.

Ситуация первой любви главного героя, случившейся в Краснодаре, в произведении подробно не раскрыта. Тем не менее первая любовь определяется таким определением, как «светлая» [Там же: с. 48], что также позволяет говорить о позитивно-ценностном образовании концепта «любовь».

Ощущение любви усложняется расставанием: Виктора отправляют в запасной полк Сталинграда. Интересна самохарактеристика персонажа: «слыл я уже “веселым солдатом”, но я не был веселым, взвинченным был, тяжело перенося разлуку с первой моей любовью» [Там же: с. 49]. Герой ощущает влечение к девушке, неизвестной читателю, испытывает потребность находиться вместе с человеком противоположного пола. Представленная ситуация содержит в себе упомянутое ранее значение «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» и является реализацией базисного концепта «любовь».

Однако первое романтическое чувство полностью затмевается главным событием в жизни героя: женитьбой, о которой рассказано во второй части произведения (часть «Солдат женится»).

Повествование о супружеской жизни занимает пространство второй части произведения, которая также посвящена мирному, послевоенному периоду жизни персонажей.

Знакомство будущих супругов в повести не представлено, читатель видит жену главного героя глазами самого персонажа, который отмечает: «Катил я с незнакомой почти женщиной на ее любимую родину» [2: с. 3]. Обращает внимание употребление прилагательного «незнакомая» в отношении супруги. В установившемся представлении брак является союзом двух любящих людей, повесть же представляет читателю совершенно иную концепцию брака, обусловленную послевоенным временем. Причины, побудившие главного героя заключить брак, чужды всякой романтики: «Я же сам добровольно отдался провидению — ехать-то было не к кому, вот и пристроился, вот и двигался на восток, намереваясь в пути узнать характер своей супруги» [Там же]. Рассматриваемые примеры не включают в себе значений, содержащихся в универсальном концепте «любовь». Как видим, в художественном мире повести брак не является проявлением чувств двух людей противоположного пола,

а также мотивирован рационально. При этом концепт «любовь» коррелирует с концептом «путь».

Тем не менее повествователь называет молодую супругу «жена моя»: «пикнула моя жена» [Там же: с. 9], «жена моя пошмыгала, пошмыгала носом» [Там же: с. 8], «моя жена, баба по-нашему, по-сибирски, не находилась» [Там же: с. 7]. Представленные именованья свидетельствуют о признании социальной роли женщины, а также акцентируют отсутствие привязанности к ней: герой не ощущает себя влюбленным, жена для него в данный момент не любимая женщина, а товарищ, вчерашняя незнакомка, собственность мужчины. Это подтверждает отсутствие привязанности, сердечной склонности, влечения, таким образом, свидетельствуя об отсутствии проявления традиционного универсального концепта «любовь» в отношениях молодоженов. Наряду с этим следует отметить, что данное именование («жена моя») герой-повествователь использует в пространстве всей повести, что позволяет говорить о его признании за Марией исконно женской роли хранительницы семейного очага.

Дорога домой в город Чусовой не зарождает привязанностей героев, однако при знакомстве мужчины с родителями Мария произносит следующие слова: «Мой муж. Сибиряк! <...> Прошу любить, стало быть, своим считать... прошу любить и жаловать, как говорится» [Там же: с. 21]. Данное высказывание интересно тем, что демонстрирует понимание любви героиней, для которой любить — «своим считать», т. е. «чувствовать глубокую привязанность», «испытывать чувство расположения, симпатии» [7: с. 328].

В семье жены главный герой отмечает: «мы и ознакомиться друг с другом не успели <...> мы еще никакие не муж и жена и расписаны лишь в красноармейской книжке, мы и не женились по-человечески, мы сошлись на ходу, на скаку, в военной суете» [2: с. 23].

Приведенное высказывание свидетельствует об отсутствии влюбленности, любви между супругами. Ситуация, в которой персонажи оказываются связаны, не ощущая взаимной привязанности, обусловлена военным временем. В подобном контексте реализуется и концепт «жестокость», зафиксированный в реалиях послевоенного периода с его социальной неустроенностью.

Несмотря на изначальное отсутствие ощущения глубокой привязанности, повествователь характеризует их союз следующим образом: «Бог свел, соединил нас, и родители ее [жены] доказали всей своей жизнью, что женитьба есть, а разженитьбы нет» [Там же: с. 31]. Союз мужчины и женщины воспринимается главными героями повести как нечто богоданное, а потому долгосрочное, вечное. Вероятно, именно это ощущение поспособствовало диаметральному изменению ситуации в повести. Под воздействием обстоятельств окружающего мира отношения героев, изначально не имеющих никаких привязанностей, влечения, тяготения, трансформируются.

Так, приезд Калерии, старшей сестры жены, провоцирует внутрисемейные проблемы. Понимая обиду супруги, Виктор испытывает сострадание и желание

поддержать Марию: «Мне было неловко и жалко жену. Я ее нащупал с краю <...> кровати, придвинул к себе, подоткнул под нее одеяло — это все, что я мог сделать» [Там же: с. 42]. Данная ситуация демонстрирует не только жалость со стороны персонажа, но и желание заботиться, поддерживать. Все это можно расценивать как проявление чувства «расположения, симпатии» [7: с. 328], что свидетельствует о реализации концепта «любовь».

Второстепенный персонаж Калерия провоцирует и Виктора. Так, сказанная вскользь фраза: «Тебе идет прическа чуть набок и вверх. Ты тогда как петушок... и изуродованный глаз меньше заметно» [2: с. 46], вызывает негодование главного героя. Интересны мысли Виктора, порожденные высказыванием Калерии: «С-спасибо! — сквозь стиснутые зубы процедил я, уже и подзабывший про уродство глаза. Жена меня и такого любила, ну а если и не любила, то привечала и необидно, по-русски жалела» [Там же]. Глагол «любила» реализует концепт «любовь» и позволяет интерпретировать взаимоотношения главных героев в рамках любовных, супружеских отношений. Отметим, что глаголы «привечала», «жалела» также свидетельствуют о наличии определенных симпатий, следовательно, вмещают в себя такое значение, как «чувство расположения», которое включает концепт «любовь», опредмечиваясь на уровне текста.

Семейная жизнь героев не стоит на месте: Виктор и Мария переселяются в отдельный от родителей флигель, у героев рождается дочь. Последнее событие влечет за собой трагедию: ребенок заболевает диспепсией и умирает. Причины смерти повествователь раскрывает жестко и коротко: «Голодом уморили ребенка в больнице» [Там же: с. 58]. Этот эпизод вмещает в себя концепт «жестокость», демонстрируя не столько социальную, сколько моральную несостоятельность окружающих. В больнице потерявшая молоко Мария «просила, умоляла женщин хоть разок покормить девочку. Никто из женщин не откликнулся на ее мольбу» [Там же], в просьбах привезти молока из родильного дома героине также было отказано. Социальная неустроенность жизни провоцировала нравственную жестокость, свидетелями чего и становятся персонажи повести. Рождение дочери и сына вызывает новые проблемы бытового плана. Помимо этого такие ситуации, как болезни главных героев, снос старого флигеля и постройка нового жилья, эксплицируют на уровне текста концепт «жестокость». При этом взгляд повествователя фиксирует не только внутрисемейные проблемы, но и общие социальные проблемы: большой рост смертности от туберкулеза и подпольных абортов. «По приблизительным подсчетам, за первые послевоенные годы погибли три миллиона женщин и столько же отправились в тюрьму за подпольные дела», — замечает Виктор [Там же: с. 79]. В данном примере концепт «жестокость» не находит вербального отражения, но он проявляется ситуативно.

Однако, несмотря на неустроенность жизни, супруги находят в себе силы сопротивляться обстоятельствам. Желание поддержать близкого человека

проявляется следующим образом: «Жена моя, когда мы улеглись спать, гладила меня по голове: У нас все будет хорошо» [Там же: с. 68]. В данном примере на ситуативном уровне реализуется одна из понятийных характеристик концепта «любовь»: «чувство расположения, симпатии к кому-либо», которое проявляет Мария по отношению к Виктору [7: с. 328].

Бедность и неустроенность жизни провоцируют главную героиню на совершение аборта. Этот поступок становится неожиданностью для Виктора, однако он находит в себе силы справиться с ситуацией: «Я подхватил ее <...> и, держа под мышки, безвольную, несопротивляющуюся, будто пьяную, уволок и определил на койку <...> закутал ее ноги тем стареньким пальтишком, еще подумал и осторожно, вытянув ею же стеженное одеяло, укрыл, подоткнул с боков и поцеловал в ухо» [2: с. 83]. Проявляя в данной ситуации заботу, нежность по отношению к супруге, Виктор демонстрирует привязанность, симпатию, расположение к Марии, что и является выражением понятийной составляющей концепта «любовь». Значимы и мысли героя в данной ситуации: «Куда они без меня? Куда я без них?..» — думает он о жене и детях [Там же: с. 83]. Мысли персонажа в рассматриваемой ситуации можно интерпретировать в рамках такой понятийной характеристики концепта «любовь», как «нуждаться в чем-либо, как в необходимом условии своего существования» [7: с. 328]. Главный герой нуждается в своей семье, они для него представляют наибольшую значимость, а потому данные ситуации являются выражением концепта «любовь». Более того, персонажи повести нуждаются в любви, потому что именно она помогает справиться с жестокостью повседневных обстоятельств и ситуаций. Это применимо не только к главным героям повести, но и к второстепенным. Так, друг и кум Виктора, Сана Ширинкин — «истинно русский человек, он хотел кого-то пустить в сердце, любить, жалеть» [2: с. 77]. В данном примере обращает внимание использование глаголов «любить» и «жалеть» в одном смысловом ряду. Глагол «жалеть» имеет значение «испытывать жалость к кому-либо» [7: с. 185], а существительное «жалость» — «чувство сострадания к кому-либо» [Там же: с. 186]. Соответственно, для героев повести «любовь» и «жалость», «сострадание» оказываются равнозначными, приоритетными «концептами».

Таким образом, концепт «любовь» является одним из наиболее значимых по своей позитивно-ценностной наполненности в художественном мире повести. Способность ощущать любовь, любить признается героем-повествователем в пожилом возрасте божественным подарком: «Как разрывает грудь чувство любви ко всем и ко всему! Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать» [2: с. 91]. Данное высказывание апеллирует к понятийным характеристикам «чувствовать глубокую привязанность к кому-либо, чему-либо», «испытывать чувство расположения, симпатии к кому-либо», «нуждаться в чем-либо, как в необходимом условии своего существования» [7: с. 328]. Выражение «чувство любви ко всем и ко всему» аккумулирует представление об ощущении

любви не к отдельному человеку, а к жизни в целом, несмотря на жестокость окружающего мира.

Рассмотренные нами примеры позволяют сделать вывод о том, что индивидуально-авторский концепт «любовь» в пространстве повести обладает позитивно-ценностным потенциалом, вмещает в себя образы мужчины как мужа, а также женщины как жены, матери, реализует следующие понятийные характеристики: «чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо», «чувство расположения, симпатии к кому-либо» [7: с. 328], а также «ощущение привязанности, симпатии, сострадания, потребности в человеке, как в необходимом условии своего существования, принятие другого человека как своего». Отметим и то, что концепт «любовь» лишен каких-либо романтических характеристик, что отчасти обусловлено временем и социальной средой, в которую включены персонажи. Концепт «любовь» находит свое выражение в критических для героев ситуациях, когда они находятся под давлением негативных обстоятельств. Рассматриваемый нами концепт связан с проявлением сострадания, умения понять и ощутить боль другого человека: своеобразная любовь-жалость, возникающая в процессе совместного преодоления жизненных испытаний.

Библиографический список

Источники

1. Астафьев В.П. Веселый солдат // Новый мир. 1998. № 5. С. 3–58.
2. Астафьев В.П. Веселый солдат // Новый мир. 1998. № 6. С. 3–91.

Литература

3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
4. Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 154 с.
5. Клебанова Н.Г. Культурный концепт как база для создания индивидуально-авторского варианта в процессе художественного творчества // Иноязычная филология и дидактика в неязыковом вузе: межвузовский сб. науч. тр. Вып. III. Мичуринск: Изд-во МичГАУ, 2003. С. 19–20.
6. Михайлушкина О.А. Семья в системе ценностных ориентаций героев рассказа В.П. Астафьева «Пролетный гусь» // Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (5–6 окт. 2013 г.). Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 15–19.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2007. 960 с.
8. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 110–120.

9. The Linguistic-Cultural Conceptology as a Trend in Contemporary Russian Linguistics / S.I. Baybikova, G.G. Slyshkin, M.R. Zheltukhina, et al. // Наука и человечество. 2014. № 4–1. С. 134–137.

References

Istochniki

1. Astaf'ev V.P. Vesoly'j soldat // Novy'j mir. 1998. № 5. S. 3–58.
2. Astaf'ev V.P. Vesoly'j soldat // Novy'j mir. 1998. № 6. S. 3–91.

Literatura

3. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.

4. Klebanova N.G. Formirovanie i sposoby' reprezentacii individual'no-avtorskix konceptov v angloyazy'chny'x prozaicheskix tekstax: dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2005. 154 s.

5. Klebanova N.G. Kul'turny'j koncept kak baza dlya sozdaniya individual'no-avtorskogo varianta v processe xudozhestvennogo tvorchestva // Inoyazy'chnaya filologiya i didaktika v ne yazy'kovom vuze: mezhvuzovskij sb. nauch. tr. Vy'p. III. Michurinsk: Izd-vo MichGAU, 2003. S. 19–20.

6. Mixajlushkina O.A. Sem'ya v sisteme cennostny'x orientacij geroev rasskaza V.P. Astaf'eva «Prolyotny'j gus'» // Sem'ya v kontekste pedagogicheskix, psixologicheskix i sociologicheskix issledovanij: materialy' IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (5–6 okt. 2013 g.). Praga: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. S. 15–19.

7. Sovremenny'j tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2007. 960 s.

8. Shevchenko I.S. Koncepty' kommunikativnogo povedeniya v kognitivno-diskursivnoj paradigme // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 110–120.

9. The Linguistic-Cultural Conceptology as a Trend in Contemporary Russian Linguistics / S.I. Baybikova, G.G. Slyshkin, M.R. Zheltukhina, et al. // Nauka i chelovechestvo. 2014. № 4–1. S. 134–137.

**M.R. Zheltukhina,
O.A. Mikhajlushkina**

Author's Individual Concept «Love» in Literary Discourse of V.P. Astafyev (on the Example of the Story «The Jolly Soldier»)

In the article on the example of V.P. Astafyev's story «The Jolly Soldier» an author's individual concept «love» is considered, its valuable components come to light, positive and valuable potential in work space is noted. In spite of the fact that the concept «love» is deprived of any romantic characteristics, authors note its connection with manifestation of compassion, ability to understand and feel pain of other person.

Keywords: author's individual concept «love», literary discourse; military literature; the story «The Jolly Soldier»; V.P. Astafyev.

Э.Л. Шубина

Синтаксическое варьирование в диахронии немецкого языка

Варьирование языковых средств имеет в каждый период развития языка характерные признаки. Для немецкого языка проблема соотносительности вариативности и нормы применительно к словосочетаниям возникает в связи с вариативным падежным управлением. В статье рассматривается проблема выбора вида подчинительной связи в квантитативных словосочетаниях типа *ein Stück frisches Fleisch*.

Ключевые слова: диахрония; нововерхненемецкий язык; норма/вариативность; квантитативные словосочетания; вариативное падежное управление.

Общепризнанной является тесная связь варьирования с историческими изменениями любого языка, которые сопровождаются разного рода процессами, ведущими к преобразованию вариантов [1; 3; 4; 5; 7]. При этом вариативность в совокупности ее качественных и количественных признаков выступает категорией, служащей не только одним из стилистических показателей, но и основанием для выделения отдельных исторических состояний языка.

Варьирование языковых средств, порождаемое сложной историей языковой системы, имеет в каждый период развития языка свои характерные признаки. Так, различия могут наблюдаться в количественном составе вариантов, в типах и формах вариантов. Кроме того, вариантные явления в разной степени распространяются на отдельных участках языка.

Именно характер варьирования выступает в числе ведущих и наиболее существенных показателей уровня нормированности литературного языка и перехода на стадию стабилизации и кодификации литературных норм. В истории немецкого языка периодом сильных колебаний формы языковых единиц была эпоха XV–XVI вв. В этот период нормализационные процессы существовали в стихийной форме. Развитие языка сопровождалось широким распространением немотивированных вариантных реализаций [7: с. 25]. Бесспорно, что немотивированное варьирование в значительной степени способствует усилению в языке неустойчивости, нестабильности.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что на разных уровнях языка различна предрасположенность к варьированию. Так, фактическое единство языка может чаще нарушаться в лексике, фонетике и реже в области грамматики. Положение о большей или меньшей предрасположенности отдельных уровней языка к варьированию справедливо не только в синхронии, но и в диахронии, лишь с той поправкой, что интенсивность варьирования

в определенные исторические периоды проявляется в еще большей степени. Сопоставление функционирования номинативных групп по трем диахроническим срезам XVII–XIX вв. позволит выявить особенности синтаксической организации групп, лексического наполнения, а также факторы, вызывающие варьирование.

В качестве материала для анализа конкурирующих моделей выбраны сочетания с существительным *Stück*. В прямом значении лексико-семантические варианты существительного *Stück* представлены в основном следующими значениями: 1) кусок, часть; 2) мера, используемая в быту; 3) мера при измеряемом, которое стало в силу ограничения функционировать как самостоятельное целое, например, *ein Stück Seife, ein Stück Butter (250 Gramm)*; 4) штука, единичный экземпляр, часто при счете домашних животных — *drei Stück Vieh*. Варьирование рассматривается на уровне количественных словосочетаний типа *ein Stück frisches Fleisch*.

Для немецкого языка проблема соотносительности вариативности и нормы применительно к данным конструкциям возникает в связи с вариативным падежным управлением. В коллективном труде, посвященном спорным случаям современного немецкого языка [9: с. 588], указано, что номинативные группы с генитивом звучат высокопарно (*gehoben*).

Данная нормативная грамматика предлагает парадигму склонения анализируемых конструкций и дает некоторые рекомендации (табл. 1):

Таблица 1

Единственное число		
Nominativ	kein Stück sichtbarer Boden	ein Stück frische Butter
	?kein Stück sichtbaren Bodens	?ein Stück frischer Butter
Dativ	einem Stück öffentlichem Boden	einem Stück frischer Butter
	einem Stück öffentlichen Bodens	–
	einem Stück öffentlichen Boden	–
Genitiv	wegen eines Stücks frischen Brotes	wegen eines Stücks frischer Butter
Akkusativ	ein Stück blaues Plastikmaterial	ein Stück frische Butter
	?ein Stück blauen Plastikmaterials	?ein Stück frischer Butter
Множественное число		
Nominativ	20 Millionen Stück fertige Banknoten	
	?20 Millionen Stück fertiger Banknoten	
Dativ	20 Millionen Stück fertigen Banknoten	
	?20 Millionen Stück fertiger Banknoten	
Genitiv	20 Millionen Stück fertiger Banknoten	
Akkusativ	20 Millionen Stück fertige Banknoten	
	?20 Millionen Stück fertiger Banknoten	

Данные рекомендации интересны, но собранный материал нововерхненемецкого периода показал большее разнообразие.

Языковым материалом для анализа вариативности на уровне данной синтаксической модели послужили тексты художественной прозы XVII–XIX вв.

Как отмечает М.М. Гухман, «со второй половины XVII в. начинается эпоха непосредственного формирования немецкого национального языка, а к концу XVII в. – началу XVIII в. этот процесс в основном приближается к завершению в сфере письменной речи. Здесь складывается определенная, хотя и допускающая известные колебания норма, как орфографическая, так и грамматическая, действующая почти на всей территории немецкой языковой области» [2: с. 149]. Наряду с переводными книгами все большее распространение получают художественная и философская литература, а также описания путешествий Г.Я.К. Гриммельсгаузена, К. Вайзе, Г.М. Мошероша, Ф. фон Цезена, К. Ройтера, Й.Б. Шуппа, А. Олеариуса, А. Гриффиуса, К. Штилера. Собранный корпус примеров показал, что второй компонент синтаксической модели *ein Stück frisches Fleisch* присоединяется следующими способами:

1) при помощи **генитивного управления**:

а) *...solche stücklein gesegnetes Brodts...* (Olearius)¹;

б) *...3000 Stück groben Geschützes...* (Stieler).

В примере 1а определительное прилагательное получает окончание *-es*, несмотря на наличие того же дифференцированного окончания *-s* у существительных среднего рода. Замена в родительном падеже существительных мужского и среднего рода в единственном числе грамматически выразительного показателя *-es* на грамматически невыразительный *-en* быстро развивалась в XVII в. (пример 1б). По мнению К.П. Вегера [8], переход к флексии *-(e)n* осуществлен уже в XIV в., а окончательно укрепилось слабое окончание только в XVII в.;

2) при помощи **согласования компонентов**:

...ein Stück goldgelben Tamasch... (Olearius).

В качестве вторых компонентов словосочетаний, стоящих в именительном и винительном падежах, выступали существительные мужского (*Speck, Atlas, Käse, Tamasch, Sendel*) и среднего рода (*Tuch*) в единственном числе;

3) при помощи **слабого окончания прилагательного и отсутствия флексии второго компонента**:

...mit einem Stück kalten Rindfleisch... (Grimmelshausen).

Номинативные группы стоят только в дательном падеже. Вторые компоненты — существительные мужского (*Zwirn*) и среднего рода (*Rindfleisch*);

4) при помощи **краткой формы прилагательного и отсутствия флексии второго компонента**:

...ein Stück gut Geld... (Reuter).

В трудах по грамматике XVII в. авторы допускают употребление кратких форм по преимуществу при имени существительном среднего рода. Материалы одновременно подтверждают и опровергают эти правила. Действительно, в роли вторых компонентов в подавляющем большинстве случаев выступали существительные среднего рода (девять примеров): *...ein Stück grünseiden*

¹ Здесь и далее примеры приведены с сохранением орфографии оригинала.

Zeug... (Olearius), однако не исключалось использование кратких форм при существительных мужского (четыре примера): ...*12 große Stück geräuchert Fisch...* (Olearius) и женского рода (один пример): ...*große Stücken geronnen Milch...* (Olearius). Первый компонент сочетаний с краткой формой стоит в именительном, дательном, винительном падежах.

Единственное словосочетание со вторым существительным во множественном числе оформлено при помощи согласования: ...*brachten 55. Stück grosse und fette Brassen...* (Olearius).

В XVIII – начале XIX вв. происходит окончательное установление нормы немецкого национального языка. Произведения Г.Э. Лессинга, М. Виланда, И.В. Гете, Ф. Шиллера, И.К. Музеуса отразили как лексическую, так и грамматическую норму немецкого языка, которая со сравнительно незначительными колебаниями и стала образцовой для XIX в., а по сути дела в своей основе — и для XX в. В текстах этого периода лидируют теперь конструкции с генитивным управлением и согласованием. Управление представлено в именительном, дательном и винительном падежах, а в роли вторых компонентов выступают существительные женского (*Leinwand, Baumrinde*): ...*ein Stück köstlicher Leinwand...* (Musäus);

среднего (*Gestein, Gold, Konfekt*): ...*aus einigen Stücken sehr festen und serpentinarartigen Gesteins...* (Goethe); а также мужского рода (*Marmor*): ...*ein schönes Stück rohen aber feinkörnigen Marmors...* (Wieland).

В единственном случае, аналогично, как и в предыдущий период, прилагательное получает окончание *-es* при наличии дифференцированного окончания *-s* у существительного, например:

...*dreißig runde Stücken gediehenes Goldes...* (Schnabel).

Согласование компонентов номинативной группы характерно для именительного (один пример) и винительного (восемь примеров) падежей. В качестве вторых компонентов выступают существительные мужского (*Thon, Kuchen*): ...*sein Stück schwarzes Brot...* (Moritz); среднего (*Fleisch, Brot, Blech, Papier*): ...*ein flach Stück gebrannten Thon...* (Goethe) и женского рода (*Arbeit*) в единственном числе.

Для рассматриваемого периода возможность варьирования полной формы с краткой была уже чрезвычайно ограничена. Вариантность наблюдалась исключительно в сочетании с именем существительным среднего рода в именительном и винительном падежах. Это явление довольно устойчиво в произведениях И.Г. Шнабеля (*8 Zecchinen baar Geld, ein Stück verschimmelt Brot*).

Как и в текстах XVII в., номинативные группы с множественным числом второго существительного организованы на основе согласования компонентов в падеже: ...*1200. Stück alte Kremnitzer Ducaten...* (Schnabel).

Тексты художественных произведений XIX в. наглядно продемонстрировали, что на уровне распространенных номинативных групп закрепились два вида синтаксической связи, а именно: генитивное управление и согласование. Первый член номинативной группы с управлением стоит в именительном

(семь примеров), дательном (два примера) и винительном (восемь примеров) падежах. В роли второго компонента представлены существительные всех трех родов: ...*ein gut Stück französischer Marine...* (Heine); ...*zu einem Stück mehr oder weniger fruchtbaren Kartoffellandes...* (Raabe).

Субстантивные группы с согласованным вторым компонентом представлены также в именительном (шесть примеров), дательном (один пример) и винительном (14 примеров) падежах. В роли этих согласованных компонентов встретились преимущественно существительные мужского и среднего рода ...*einem Stück grobem Filztuch...* (Heine). Существительные женского рода представлены только двумя примерами ...*drei Stückchen weiße Leinwand...* (Fontane).

Амбивалентные грамматические формы встретились в группе со **слабым окончанием прилагательного**:

а) ...*einem Stück brüchigen Eisen...* (Raabe);

а также в группе с краткой формой прилагательного:

б) ...*sein einzig Stück glücklich Leben...* (Fontane).

Конструкции со вторым членом во множественном числе организованы в нашем материале в большинстве примеров при помощи согласования ...*mit sechzig Stück wohlerhaltenen Eiern...* (Hoffmann), а генитивное управление представлено одним ...*sieben Stück schlechter Löffel...* (Raabe).

На основе полученных данных двух диахронических срезов можно было проследить зависимость выбора формы управления от грамматических характеристик компонентов. Так, конструкции с согласованием компонентов, как и в предшествующий период, преимущественно стояли в винительном падеже, а в роли вторых членов выступали существительные среднего рода. Краткая форма прилагательного существует как устаревший вариант нормы, а модель с сильным окончанием прилагательного исчезла окончательно [6].

Авторы нормативных грамматик конца XIX в. настаивали на использовании родительного падежа в сочетаниях анализируемого типа, однако при этом они отмечали проникновение согласования в разговорном языке. Особенно активно использовалось согласование в сочетаниях с существительными среднего рода. По мнению В.Г. Адмони, одним из сдвигов в группе существительного, ведущих к оттеснению родительного падежа, является быстро распространяющаяся замена партитивного родительного падежа в группе, обозначающей меру (в самом широком смысле) + множество (также в самом широком смысле слова), формой, согласующейся с определяемым существительным [2: с. 180]. Собранный корпус примеров наглядно показал, что две модели синтаксической организации сочетаний с существительным *Stück*, *Stückchen* представлены примерно в равном соотношении в текстах как XVIII в., так и XIX в. Очевидное преобладание согласования и амбивалентной формы (в данном случае речь идет о сочетаниях с краткой формой прилагательного) наблюдалось в литературных памятниках XVII в. Для словосочетаний с существительным *Stück* в значении *штука*, *экземпляр* отдается

предпочтение согласованию. Вероятно, это связано с тем, что первый компонент часто употребляется с числительным, и второй компонент ведет себя так, как если бы перед ним стояло числительное.

В текстах XVIII и XIX вв. активно включается в сочетаемость абстрактная лексика и широко развивается переносное значение слова: *ein Stück triviale Weisheit, ein gut Stück Calvinismus*. Экспрессия сочетаний *einem Stückchen blauen Himmels, ein Stück beruhigender Anteilnahme, ein Stück poetischer Welt* возникает за счет несовместимости представлений. В тексте эти сочетания употреблены в переносном значении для образного обозначения неопределенного количества, т. е. со значением *немного*.

В сущности, стилистический эффект рассматриваемых здесь конструкций основан главным образом на появлении непредсказуемых элементов. В самом деле, понятия *мудрость, поэтический мир, небо, сочувствие* также не сочетаются в своем номинативном значении с бытовой мерой. Такие необычные сочетания слов придают модели экспрессивную насыщенность, яркое образное значение и служат подтверждением известному положению о том, что сочетание слов дает смысл гораздо больший, чем простая сумма значений отдельных слов. Корпус примеров XIX в. показал, что применительно к абстрактным словам *Rechtsinn, Anteilnahme, Geschichte, Freiheit, Rechtsprechung, Marine, Wegelagerei, Welt, Sagenbildung* чаще употреблялась конструкция с генитивным управлением.

Далее приведена таблица 2, которая дает представление о том, что степень варьирования на уровне рассматриваемых словосочетаний разная. В столбцах таблицы указано количество словосочетаний.

Таблица 2

Пример	Период		
	XVII в.	XVIII в.	XIX в.
Единственное число			
<i>генитивное управление</i>			
ein stücklein gesegnetes Brodts	1	1	–
3000 Stück groben Geschützes	1	6	18
<i>согласование</i>			
ein Stück schwarzes Brot	8	9	21
<i>амбивалентные формы</i>			
ein Stück gut Geld	14	5	1
einem Stück grünen Zwirn	2	–	1
Множественное число			
<i>генитивное управление</i>			
sieben Stück schlechter Löffel	–	–	1
<i>согласование</i>			
fünfzehn Stück große Rädergeschütze	1	2	4

Наибольшим числом вариантов представлены тексты XVII в. Грамматическая система немецкого языка изучаемого периода обнаруживает

при функционировании известную нестабильность, а также параллелизм ряда грамматических средств, приводивший к значительной вариантности в оформлении некоторых словоформ и синтаксических конструкций. Начиная с XVIII в. растет доля групп с генитивным управлением и сокращается с краткой формой прилагательного. В текстах XIX в. вариантность создавалась благодаря конкуренции трех моделей грамматического оформления словосочетаний в дательном падеже со вторым компонентом — существительным в единственном числе: *einem Stück mehr oder weniger fruchtbaren Kartoffellandes / einem Stück brüchigen Eisen / einem Stück grobem Filztuch*.

Таким образом, анализ рассматриваемых моделей в текстах новонаемецкого периода позволяет квалифицировать язык как систему динамическую, вариативную, незамкнутую и саморазвивающуюся. Полагаем, что раскрытие динамических, подвижных свойств языка в их взаимодействии с системными, стабилизирующими свойствами позволяет глубже понять фундаментальные вопросы эволюции любых подсистем общей языковой системы.

Библиографический список

Литература

1. Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен. М.: УРСС, 2010. 192 с.
2. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высш. шк., 1963. 335 с.
3. Бабенко Н.С. Функциональные аспекты формального варьирования в истории немецкого языка // Вариативность в германских языках (функциональные аспекты). М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 195 с.
4. Беляева М.В. О началах дискурсивного синтаксиса немецкого языка // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 33–38.
5. Рахманкулова И.-Э.С. О четырех видах проявления аналитизма в немецком языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 27–33.
6. Шубина Э.Л. Проблема нормы и вариативности в немецком языке на уровне словосочетаний типа Nquant + AdjN и eine Art + AdjN (по материалам художественной литературы XVII–XX веков, современной прессы и экспериментальных данных): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 505 с.
7. Mattheier K.J. Sprachwandel und Sprachvariation // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin; New York, 1985. Bd. 1. S. 768–779.
8. Wegera K.P. Zur Flexion der Substantive, in: Zeitschrift für deutsche Philologie 106 (Sonderheft: Frühneuhochdeutsch. Zum Stand der sprachwissenschaftlichen Forschung), 1987. S. 18–37.

Справочные и информационные издания

9. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5, neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

References

Literatura

1. *Averina A.V.* E'pistemicheskaya modal'nost' kak yazy'kovej fenomen. M.: URSS, 2010. 192 s.
2. *Admoni V.G.* Istoricheskij sintaksis nemeckogo yazy'ka. M.: Vy'ssh. shk., 1963. 335 s.
3. *Babenko N.S.* Funkcional'ny'e aspekty' formal'nogo var'irovaniya v istorii nemeckogo yazy'ka // Variativnost' v germanskix yazy'kax (funkcional'ny'e aspekty'). M.: In-t yazy'koznaniya RAN, 1996. 195 s.
4. *Belyaeva M.V.* O nachalax diskursivnogo sintaksisa nemeckogo yazy'ka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 33–38.
5. *Raxmankulova I.-E'.S.* O chety'ryox vidax proyavleniya analitizma v nemeckom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 27–33.
6. *Shubina E.L.* Problema normy' i variativnosti v nemeckom yazy'ke na urovne slovosochetanj tipa Nquant + AdjN i eine Art + AdjN (po materialam xudozhestvennoj literatury' XVII–XX vekov, sovremennoj pressy' i e'ksperimental'ny'x danny'x): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2007. 505 s.
7. *Mattheier K.J.* Sprachwandel und Sprachvariation // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin; New York, 1985. Bd. 1. S. 768–779.
8. *Wegera K.P.* Zur Flexion der Substantive, in: Zeitschrift für deutsche Philologie 106 (Sonderheft: Frühneuhochdeutsch. Zum Stand der sprachwissenschaftlichen Forschung), 1987. S. 18–37.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5, neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

E.L. Shubina

Diachrony of Syntactic Variation in German

Variation of linguistic units has specific distinctive features at each stage of language development. As to German, the problem of variability norm balance in reference to word combinations becomes relevant in respect to variable case government. The paper dwells with the problem of choice of syntactic subordination in such quantitative word combinations as ein Stück frisches Fleisch.

Keywords: diachrony; New High German; standard / variability; quantitative word combinations; variable case government.

А.В. Алексеев

Происхождение древнерусского концепта *тьрпѣние*: этимологический аспект

Слово *тьрпѣние*, как и другие древнерусские номинации эмоций, в дописьменный период выражало синкретичный образ, соединявший представления о физических и духовных переживаниях. Такой образ представлял собой первый этап проявления содержательных форм вербального концепта *тьрпѣние*. Внутренняя форма корня *-тьрп-*, определяемая путем этимологического анализа, позволяет судить о символическом потенциале образной синкреты, который складывался в период праиндоевропейского диалектного единства.

Ключевые слова: концепт; символ; внутренняя форма слова; историческая лексикология; этимология.

Каждый вербальный концепт в своем становлении проходит путь от выражения синкретичного образа к обозначению точного понятия и культурного символа «в соответствии с движением концептуального квадрата» [5: с. 63]. На каждом этапе слово обладает соответствующими лексическими значениями, которые в совокупности и определяют содержание концептуальных форм — образа, понятия, символа. Таким образом, о концепте, который представляет собой завершенный смысл, аккумулируемый вербальной единицей, следует говорить «как о совокупности всех исторически зафиксированных значений слова» [2: с. 101].

Образное значение слова формируется путем распространения первоначально признака номинации на максимально широкое число объектов: таким способом формируется объем понятия. В соответствии с представлениями Петербургской/Ленинградской концептологической школы, в процессе семантической филиации лексики объем понятия (образ, денотат) предшествует формированию содержания понятия (собственно понятия, сигнификата): «Обогащение смыслом начинается уже в первой форме — в образе. <...> Продолжая развитие, смысл ясней оформляется в понятии» [6: с. 59]. Существительное *тьрпѣние* выражало сформированное в древнерусской культуре понятие 'пассивное (не деятельное) состояние лица, связанное с переживанием негативной ситуации (неприятных обстоятельств), протяженное по времени, в течение которого лицо не проявляет активного недовольства (проявляет стойкость), ожидая исправления ситуации (Божьей помощи)'. Ср.: «Яко кротость правда смѣрение. покорение любовь. и юже о бѣдахъ тьрпѣние. и прочее. велико добрыя дѣтели имоущая ихъ. въ небесьное царство. тако о иномъ подобаетъ молити. искоушаютъ бо Богъ тьрпѣние. вѣроу прослащихъ оу него. мѣдлыть подати югоже просать» (Изборник 1076 г.).

Производящий глагол *търпѣти* оказывался средством выделения из контекста релевантных признаков понятия (сигнификата). Например, признак 'переживание негативной ситуации' выделялся при сочетании глагола с различными номинациями негативных обстоятельств: *обида, печаль, неволя, скърбь, зима и гладь, укоризна и досажение, узы, наказание, рѣзание, ноужа, зѣло, пакости, болѣзни*. Одновременно тот же глагол был средством выражения образа, который формировался прежде понятия: глагол *търпѣти* употреблялся максимально широко, «нащупывая» границы объема будущего понятия. При этом исходный признак номинации применялся к различным ситуациям, в которых семантические признаки 'лицо', 'негативная оценка', 'ослабление воли', 'душевное переживание', обязательные для сигнификата (содержания понятия — ср. толкование выше), могли быть нейтрализованы. Ср. *търпѣти* по отношению к неодушевленному субъекту: «Тѣло бо наше ксть акы риза, да аще храниши то търпѣти, аще ли повържешѣ то изниеть» Изборник 1076 г. — здесь реализуется контекстуальное значение *търпѣти* 'оставаться без изменений, сохранять целостность'. Далее *търпѣти* по отношению к ситуации, которую нельзя воспринимать как негативную: «Но понеже паче сълнца просвѣтъса и паче снѣга, того ради ници падоша, сиянья не могоуще терпѣти» Пчела по сп. XV в. — здесь представлено значение *търпѣти* 'выдерживать сильное (одномоментное) воздействие'. В следующем контексте реализуется значение *търпѣти* 'иметь возможность, желание (проявлять волю)', ср.: «И не трыплю бо жива быти, аще не вию его» Житие Феодосия: Успенский сборник. Наконец, обнаруживается редкий пример с архаичным употреблением префиксальной (предельной) формы, образованной от основы *търпѣ-*: «Отерпѣв же Захария, отвѣща ко ангелу, глаголя: ни, господи, не прельсти раба твоего» ВМЧ. Сент. 1–13, 273. XVI в. В данном случае *отърпѣти* — 'перестать быть замершим'.

Для корректного описания древнерусского образа терпения, выраженного в синкретичном употреблении глагола *търпѣти*, необходимо рассмотреть внутреннюю форму корня *-търп-*, т. е. определить тот первоначальный признак номинации, который был положен в основу образа. Глагол *търпѣти* ← **trpēti* существовал уже в общеславянском языке и мог обозначать как душевное, так и физическое страдание, что подтверждается данными славянских языков. Ср. укр. *терпіти*, блр. *цярпець*, болг. *търпя*, серб.-хорв. *трпети*, н.-луж. *šerpješ* с тем же значением, что и в современном русском; польск. *cierpieć*, словен. *trpeti*, чеш. *trpěti*, словац. *trpiet'*, польск. *cierpieć*, в.-луж. *šerpjeć*, у которых реализуется значение 'страдать, мучиться' [10: с. 49; 11: с. 239]. Как видим, переход 'страдать' → 'терпеть (выдерживать)' произошел преимущественно в восточнославянских и южнославянских языках, видимо, под влиянием церковнославянских переводов — что и привело в итоге к формированию понятия «терпение».

Для дальнейшей характеристики необходимо рассмотреть особенности параллельных глагольных основ в славянских языках и индоевропейский

материал, прежде всего балтийский. В общеславянский период корень **-t(ь)rp-* был представлен в нескольких типах основ: **torpēti* (ср. рус. *оторопеть*, укр. *сторопити*) — **torpiti* (ср. с.-х. *trpniti*, словен. *trapiti*, чеш. *trapiti*, словац. *trapit'* со значением 'мучить', польск. *stropić się* 'оторопеть' [11: с. 85; 10: с. 252]) — **trpŋoti* (ср. рус. *терпнуть* 'неметь', болг. *изтръпна* 'ощепеню', с.-х. *trpnuti* 'затекасть'; словен. *trpniti*, чеш. *trnouti*, словац. *trpnut'*, польск. *cierpnąć* — 'мертвель, замирать' [10: с. 239]) — **trpati* (др.-рус. *отьрпати* 'перестать быть замершим', *оутьрпати* 'страдать, ослабевать') — **trpēti* (терпеть).

Глаголы третьего и второго классов *(оу)тьрпати* – *(оу)тьрпноути* в древнерусском языке параллельно обозначали и физические, и душевные состояния: сохранялась культурная значимость языческой эпохи — символическая связь, отождествлявшая физическое страдание с эмоционально-нравственным феноменом выдержки, терпения.

При изучении рефлексов глагольных основ **torpē-* / **torpi-* / **trpē-* / **trpa-* / **trpŋ-* в современном русском языке возникает вопрос о соотношении глаголов-паронимов и соответственно омонимичных корней: *торопить* – *торопеть* (*-тороп-* ← **torp*). П.Я. Черных рассматривает *торопить* в качестве каузатива по отношению к *торопеть*, в то время как М. Фасмер с осторожностью указывает на возможное родство современных омонимичных корней. Каузативная семантика общеславянского глагола **torpiti* 'заставлять мучиться' и его производность по отношению к корню **torp-* 'мучение' подтверждаются семантикой славянских рефлексов (см. выше). Вместе с тем современный русский глагол *торопить* 'заставлять спешить ← делать быстрым', очевидно, имеет другое происхождение, так как затруднительно объяснить его семантическую производность по отношению к значению 'мучиться' (*терпеть*, *терпнуть*). Учитывая широкое распространение уже в общеславянский период отыменных глаголов на *-iti*, следует рассматривать *торопить* как производное по отношению к *торопь* ← **torp(ь)* (торопь 'поспешность, суета' [9: с. 384], *второпях* ← *въ торопьхъ*).

Эти соображения, однако, не исключают вероятности родства омонимичных корней, но доказывать такое родство следует уже не на славянском, а на индоевропейском материале. Общеславянская именная форма **torp-* 'быстрый' имеет целый ряд соответствий в греческом, латинском, древнеиндийском языках, которые подтверждают его исходное значение 'подвижный' [11: с. 85]. Любопытно, что в результате мы можем установить энантиосемичный характер протославянского корня **torp-*: 'подвижный' (*торопить*) – 'неподвижный' (*торопеть*). Энантиосемия — качество, связанное с предельным расширением образа; указанным фактом дополнительно подтверждается семантический синкретизм праславянского корня **trp* / **torp*.

Сопоставление славянских и балтийских языков показывает, что этимон всего рассмотренного глагольного ряда существовал уже в балто-славянский период: ср. лит. *tirpti* 'неметь, коченеть, делаться бесчувственным'; латыш.

tirpt ‘неметь’ [10: с. 239]. Противопоставление различных типов глагольных основ давало возможность выражать различные аспектуальные оттенки. В ряду количественных чередований в качестве исходной формы корня должна быть восстановлена форма **terp* (: **torp* : **trp*). Соответственно, этимологом рассмотренного глагольного ряда является **terpti* ‘быть омертвевшим, неподвижным’; в славянских языках не сохранилось его рефлексов, в том числе из-за того, что при упрощении в группе согласных должно было возникнуть омонимическое пересечение, ср. др.-рус. *търпти, тьрпти* ← **terti* ‘тереть’. В современных славянских языках представлены вторичные глагольные основы: оформление основы инфинитива долгими гласными **ā, *ē* указывало на неограниченность действия, причем первый суффикс соответствовал основе третьего класса (**тырпати, *тырајѡ*), а второй суффикс — основе четвертого класса (**тырпѣти, *тырпл’ѡ*). Грамматическая дифференциация сменилась лексической: итератив **тырпати* ‘раз за разом (на длительное время) терять подвижность, неметь’ приобрел значение ‘ослабевать, терять силы’. В четвертом классе глагольная основа выражала состояние, поэтому **тырпѣти* ‘быть в состоянии неподвижности, оцепенения’ приобрел значение ‘пребывать в мучительном состоянии’. Глагол **тырпѡти* относился ко второму классу, в котором выражалось значение изменения состояния, в результате оформилось значение **тырпѡти* ‘становиться неподвижным, цепенеть’. Глаголы с именной огласовкой (ср. *везу* — *воз, возить*) обозначали приобретаемое качество (**торопѣти* ‘становиться неподвижным’) или навязанное качество (итератив **торопити* ‘делать неподвижным → мучить’). Последний глагол вследствие омонимической аттракции приобрел в русском языке новое значение ‘спешить’.

Таким образом, в общеславянском языке корень **тырп / *торп* был представлен широким рядом глаголов, выражавших различные аспекты синкретичного значения ‘быть лишенным подвижности, силы → страдать’. Распространенность такого значения подтверждается существованием древнейших производных имен, сохранивших исконную семантику: *тырпость* ‘состояние, ощущение неподвижности, жесткости’, *тырпкъ* ‘неподвижный → жесткий’. В этом ряду именно **тырпѣти* обладал основой, позволившей распространить изначальный признак корня ‘страдание из-за неподвижности’ на максимально широкий круг состояний, в том числе эмотивных, нравственных. Таким образом, у глагола *тырпѣти*, производного по отношению к **terpti*, уже в дописьменный период на основе внутренней формы сформировалось символическое значение, сохранявшее актуальность на фоне праславянских словообразовательных связей: *тырпѣти* → ‘быть неподвижным’ → ‘страдать от невозможности действовать’ (неподвижность как символ слабости и страдания). Именно анализ символических значений позволяет делать вывод о категориях культуры, поскольку «культурная значимость — это реализация символической функции слова» [1: с. 10].

Вернемся к вопросу о происхождении праславянской энантиосемии **torp-* ‘подвижный/неподвижный’. Ближайшим по семантике соответствием для **torp-* за пределами балто-славянской области является латинское *torpeo* (*torpere*) со значением ‘замирать, неметь’. Исходный индоевропейский корень

относится к достаточно распространенному типу корней с так называемым *s-mobile*, т. е. с начальным спирантом, который может присутствовать или отсутствовать в рефлексах одного и того же корня; о происхождении и судьбе этого звука не существует общепринятого мнения [7: с. 137]. Праформа праславянского **torp-* определяется для праиндоевропейского периода в виде **(s)ter-p-*, где губной согласный представляет собой суффикс, расширение к более архаичной форме корня [12: с. 1022]. Приведем примеры рефлексов с сохранившимся начальным спирантом: лит. диал. *stirpti* ‘подрастать, развиваться’; латин. *stirps* ‘дерево: нижняя часть ствола’, др.-в.-нем. *sterban* ‘умереть’ [10: с. 239]; алб. *shterpë* ‘бесплодный’ [12: с. 1024].

Приведенные соответствия позволяют определить внутреннюю форму протославянского глагола **terpti* как ‘быть подобным твердому дереву’ (ср. образованные по аналогичной модели русские глаголы *одеревенеть*, *задубеть*). Древнейшее семантическое развитие исходной основы может быть представлено следующим образом: ‘быть твердым, как дерево’ → ‘быть неподвижным, мертвым (омертветь)’. В славянских производных формах происходила дальнейшая филиация: ‘омертветь’ → ‘закоченеть, потерять чувствительность’ → ‘испытывать физические мучения’ → ‘вообще страдать’.

Итак, символическое значение протославянского (праиндоевропейского) этимона определяется следующим образом: **terpti* → ‘быть подобным дереву’ → ‘быть мертвым’: дерево оказывается символом смерти. Однако известно, что в индоевропейской культуре дерево также являлось символом здоровья: см. [4: с. 613], ср. также рус. *здоровый*, родственное с *дерево*, с развитием значения ‘не поврежденный’ ← ‘крепкий как дерево’.

Для объяснения обнаруженного противоречия необходимо обратиться к семантике и.-е. корня **(s)ter-*, однако интерпретация осложняется тем, что исследователи отмечают обширнейшую омонимию данного корня. Для семантической реконструкции должен быть решен вопрос о статусе *s-mobile*, т. е. о соотношении и.-е. корней **(s)ter-* и **ter-*. Перспективным представляется мнение Э. Бенвениста о том, что *s-mobile* не являлось исконным элементом корня, но представляло собой префиксальный элемент [3: с. 195]. Это подтверждается современными глубинными этимологиями: в родственных языках ностратического уровня обнаруживаются соответствия корню **(s)ter-*, лишённые начального спиранта [8]. Таким образом, на праиндоевропейском уровне возможно отождествление корней **(s)ter-* и **ter-*, а на уровне современного русского языка можно постулировать родство огромного лексического пласта: *терпеть*, *терпкий*, *труд*, *тереть*, *труп*, *трава*, *терять*, *теребить*, *струп*, *потребить*, *стараться*, *страсть*, *стерва*, *страх*, *терние*, *строгий*, *терзать*, *трогать* и др.

В соответствии с указанными словами в индоевропейском словаре выделяется минимум десять отдельных семем, соответствующих корню **(s)ter-* / **ter-*: для **ter* 1) ‘дрожать’; 2) ‘слабый, хрупкий’; 3) ‘сверлить’; 4) ‘пересекать’; 5) ‘сверх’; 6) ‘нечто жальщее’; 7) ‘расти, процветать’ [12: с. 1072–1077]; для **(s)ter-* 1) ‘жесткий, твердый’; 2) ‘острый стебель’; 3) ‘грязь, гниль’ [12: с. 1021–1022]. Мы полагаем, что для большей части указанных семем,

учитывая символический синкретизм, допустимо выделить общий семантический признак 'растущее дерево'. В зависимости от способа реализации этого признака коррелирующие семемы могут быть разделены на две группы: 1) растущее, молодое дерево понимается как дрожащее, подвижное, хрупкое, цветущее и символизирует энергию жизни (положительная оценка); 2) старое дерево понимается как жесткое, неподвижное, опасное (острое), разрушающееся, гнилое и символизирует смерть (отрицательная оценка).

Таким образом, при наиболее глубокой этимологии выявляется древнейшая культурная значимость корня **(s)ter-*, связанная с амбивалентным символом дерева и отразившаяся в энантиосемичных лексических значениях. Разграничение двух противоположных культурных и эмоциональных коннотаций могло обеспечиваться начальным **s-* как особым формантом. В праиндоевропейский период префиксация не была развита, поэтому *s-mobile* должно рассматриваться не как регулярный грамматический формант, но как особое эмфатическое средство, которое первоначально, возможно, указывало на отрицательную коннотацию. Поскольку впоследствии эта функция *s-mobile* была утрачена, произошло смешение форм **(s)ter-* – **ter-*. Высказанные предположения могут быть опровергнуты или подтверждены после окончательного решения вопроса об условиях появления и утраты *s-mobile*.

Но в любом случае индоевропейская этимология подтверждает древнейшее происхождение образа-синкреты, связанного с глаголом *търпѣти*. Представляется, что символика дерева, языческая в своей основе, определяла направление концептуального развития и в исторический, письменный период: *търпѣти* означало быть неподвижным, крепким, как дерево; страдать, но не подчиняться негативному воздействию.

Библиографический список

Литература

1. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2014. № 1 (12). С. 8–15.
2. Алексеев А.В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. МГПУ, 2013. 164 с.
3. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 260 с.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1330 с.
5. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 703 с.
6. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
7. Мельничук А.С. О сущности беглого *s-* // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 137–146.

Справочные и информационные издания

8. Вавилонская башня: проект этимологической базы данных. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=config&morpho=0> (дата обращения: 20.06.2016).

9. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. М.: Типографія Т. Рись, 1866. Т. 4. 626 с.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
11. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. язык, 1993. Т. 2. 560 с.
12. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke verlag, 1959. 1184 с.

References

Literatura

1. *Alekseev A.V.* Kul'turnaya znachimost' slova kak kategoriya istoricheskoy leksikologii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2014. № 1 (12). S. 8–15.
2. *Alekseev A.V.* Semioticheskie kategorii yazy'ka i kul'tury' pri diaxronicheskom analize leksiki. М.: MGPU, 2013. 164 с.
3. *Benvenist E'.* Indoevropskoe imennoe slovoobrazovanie. М.: Izd-vo inostr. lit., 1955. 260 с.
4. *Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.* Indoevropskij yazy'k i indoevropjczy'. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1984. 1330 с.
5. *Kolesov V.V.* Slovo i delo: Iz istorii russkix slov. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2004. 703 с.
6. *Kolesov V.V.* Filosofiya russkogo slova. SPb.: Juna, 2002. 444 с.
7. *Mel'nichuk A.S.* O sushhnosti beglogo s- // E'timologiya 1984. М.: Nauka, 1986. S. 137–146.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Vavilonskaya bashnya: proekt e'timologicheskoy bazy' danny'x. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=config&morpho=0> (data obrashheniya: 20.06.2016).
9. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivago velikorusskago yazy'ka. М.: Tipografiya T. Ris'', 1866. Т. 4. 626 с.
10. *Fasmer M.* E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. М.: Progress, 1987. Т. 4. 864 с.
11. *Cherny'x P.Ya.* Istoriko-e'timologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazy'ka. М.: Rus. yazy'k, 1993. Т. 2. 560 с.
12. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke verlag, 1959. 1184 с.

A.V. Alekseev

The Origin of the Old Russian Concept *Patience*: an Etymological Aspect

Like other old Russian nominations of emotions the word *търпѣние* (*patience*) in the preliterate period expressed a syncretic image, connecting ideas about physical and spiritual experiences. Such an image was the first representation stage of the verbal concept of *patience*. The internal form of the root *-търп-*, as determined by etymological analysis, gives an indication of the symbolic potential of the image-bearing item of syncretism, formed in the period Proto-Indo-European dialectal unity.

Keywords: concept; cultural icon; internal form of the word; historical lexicology; etymology.

И.П. Хутыз

Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования

В статье представлен анализ лингвокультурных особенностей академического дискурса на примере русскоязычных и англоязычных научных статей. Сделан вывод о том, что такие параметры, как ориентация на читателя/автора, ориентация на форму/содержание, уровень вовлеченности читателя в дискурс отражают социокультурные традиции конструирования академического дискурса.

Ключевые слова: академический дискурс; научная статья; линейность; структурно-лингвистический анализ.

Как известно, во втором десятилетии XXI в. российские ученые стремятся стать частью международного научного сообщества. Среди причин, стимулирующих данный процесс, — необходимость повышения индекса цитируемости Хирша и других наукометрических показателей, количественно измеряющих продуктивность деятельности ученого. Эти показатели публикационной активности выступают одним из аспектов, характеризующих научно-исследовательскую деятельность вуза и являющихся, по мнению Министерства образования и науки, одними из показателей эффективности деятельности вуза.

Учитывая, что письменная речь — деятельность, определяемая социокультурными традициями общества, а сама научно-познавательная деятельность «сопровождается нормами и прескриптивными указаниями, вырабатываемыми в определенных социальных группах, научном сообществе, обществе в целом» [6: с. 81], перевод текста русскоязычной статьи на английский язык без структурных и прагматических преобразований не обеспечит ее публикации в англоязычном издании, так как подобная работа не будет соответствовать западному пониманию научной статьи. Действительно, любой тип дискурса погружен в контекст социума, в котором он формируется по принятым в лингвокультуре коммуникативным традициям. При такой исследовательской перспективе дискурс понимается как важнейшее

средство изучения отдельной сферы функционирования общества и его представителей [5]. Так, академический дискурс (АД), будучи институциональным, дает исчерпывающую информацию о роли и месте знаний в обществе, о том, как представители этой сферы деятельности взаимодействуют между собой и с представителями других профессиональных групп и т. д. Понимая АД как источник подробной информации о лингвокультуре, мы, используя этот информационный портал, стремимся в представленной статье рассмотреть параметры, которые наиболее ярко раскрывают специфику конструирования АД, а также объяснить процессы, лежащие в основе их формирования. Как нам кажется, понимание причин различий в конструировании АД позволит русскоязычным ученым успешно публиковать свои исследования на английском языке, повышая свою международную публикационную активность.

Исследование АД как культурно-специфического пространства ведется уже несколько десятилетий. Толчком для изучения АД в контексте социума, в котором он конструировался, стали работы в области контрастивной риторики, в частности, статья американского лингвиста Роберта Каплана, в которой он отметил, что письменный дискурс связан с логикой, являющейся культурным феноменом. Именно поэтому изучение языка нельзя свести к уровню предложения, включающего лексику, грамматику и порядок слов [11].

Роль культурных традиций в формировании дискурсов (и письменных, и устных) также была отмечена учеными. Было выявлено, что по-разному интерпретируется понятие линейности в АД, например, логическая структура научной статьи. В англоязычном понимании линейность означает четкое следование заявленной автором теме статьи по стандартной форме. Однако для ученых многих других стран (например, Италии, Германии) кажется необходимым подойти к анализу темы издалека, чтобы читатель смог понять истоки исследуемого явления [9]. Заключение, которое в англоязычной научной традиции является важнейшей частью научной статьи, суммирующей открытия ученого и предлагающей возможные направления дальнейшего изучения темы, может отсутствовать в статьях ученых из России и Восточной Европы [7]. Китайские ученые предпочитают заканчивать свое исследование пословицей или двусмысленным выражением, стимулируя таким образом читателя к дальнейшим размышлениям над темой исследования [13]. Подобные различия в подходах к конструированию АД берут свое начало в философской мысли, которая легла в основу АД и (или) научного дискурса. Отметим, что термин «академический» объединяет все виды коммуникации, в которые вступают представители академической среды, т. е. научный дискурс по отношению к АД может быть описан как соотношение части и целого.

Англосаксонская традиция конструирования АД опирается на принципы философии Сократа (и Аристотеля), а азиатская — на основные идеи конфуцианства. Для первой традиции характерно определение в самом начале главной идеи дискуссии, а затем перечисление аргументов, подтверждающих ее. С точки зрения конфуцианства, акцентирующего мир и гармонию, высказывание собственного мнения (основной идеи, выдвигаемой автором) вообще

необязательно, а приведенные аргументы могут доказывать различные точки зрения по рассматриваемой теме [13].

Перейдем к анализу лингвокультурных различий конструирования АД на примере русскоязычных и англоязычных научных журнальных статей, представляющих собой еще и форму общественной практики [4]. Мы рассмотрели структурные и дискурсивные отличия шести научных статей на русском и английском языках, опубликованных носителями языков в престижных изданиях на указанных языках. Подобный структурно-лингвистический анализ был применен лингвистом шри-ланкийского происхождения Сурешем Канагараджей, сравнившим англоязычные научные статьи с научными статьями, опубликованными на тамильском языке [8]. Он рассматривал различия в структурных и лингвистических традициях конструирования АД, считая письменную деятельность интегрированной в социоисторический ход событий культуры. С. Канагараджа приходит к выводу о том, что в основе традиций конструирования АД лежат понимание роли знаний в обществе, особенности интеллектуальной собственности и отношение к плагиату, выражение авторитетности ученого и т. д. [8]. Различия, характеризующие средства передачи информации в рассмотренных статьях, можно описать с помощью следующих параметров — ориентация на читателя/автора, ориентация на форму/содержание, вовлеченность читателя в дискурс. Как правило, эти параметры взаимосвязаны и формируют коммуникативную основу АД как единого целого.

Ориентация на читателя/автора определяет, какая из сторон, т. е. читатель или автор, несет ответственность за понятность информации и адекватную интерпретацию идеи. Если дискурс ориентирован на читателя, то автор должен сделать все возможное, чтобы предвидеть вопросы читателя, пробелы в фоновой информации и учесть это при конструировании дискурса статьи. Подобная ориентация характерна для англосаксонской научной традиции: она раскрывается с помощью четкого структурирования статьи, подробных объяснений о предшествующих исследованиях по теме статьи и о роли представленного исследования в изучении научной проблемы, детального анализа эмпирического материала, а также формулировки цели и выводов в начале статьи.

При ориентации на автора дискурс конструируется с учетом интересов его отправителя, а читатель подстраивается под особенности передачи информации, т. е. при сложности понимания положений статьи, при наличии пробелов в информации предполагается, что читатель сам найдет дополнительную информацию, необходимую для понимания дискурса. Так, автор может не сообщать о методах исследования, а читатель должен о них догадаться, прочитав статью и обдумав ее основные положения. Если из иллюстративных примеров понятно, *что* пытается доказать автор, то, как правило, нет необходимости в их подробном анализе. Автор, таким образом, сам решает, как и в каком объеме подавать информацию читателю. Такое представление исследования характерно для русскоязычного академического дискурса, а также

других культур высокого контекста. Напомним, что американский антрополог Э. Холл классифицировал культуры на высоко- и низкоконтекстные, в зависимости от роли контекста (как внутреннего, так и внешнего, т. е. социокультурного) при коммуникации, при декодировании смыслов. Культуры высокого контекста получают значительную часть информации из контекста, из характеристик личностей коммуникантов, т. е. часть информации не вербализуется, но интерпретируется говорящими [10].

Ориентация на форму/содержание подразумевает особенности структурного оформления статьи. При ориентации на форму в научной статье соблюдается четкая структура, включающая в себя, как правило, такие разделы, как введение, методы исследования, основная часть, выводы и дальнейшие возможности исследования. Подобная структура называется IMRD [15] (Introduction / Method / Results / Discussion, т. е. Введение / Метод / Результаты исследования / Обсуждение результатов). Безусловно, в разных журналах требования к структурированию статьи могут несколько отличаться, например, обязательными могут быть разделы «Дальнейшие возможности исследования» (Future Research Directions) и «Заключение» (Conclusion) (например, у американского издательства IGI Global). Иногда авторов просят отдельно включить раздел об анализе литературы по теме статьи, но эту информацию часто представляют во введении. Получается, что ученый вмещает информацию о своем исследовании в четкую структуру (форму).

При ориентации на содержание ученый сам избирает наиболее эффективный метод организации структурных компонентов исследования. Как правило, русскоязычные статьи не имеют такой четкой структуры, как англоязычные: у разделов нет заглавий; сами разделы зачастую отсутствуют. О начале и конце предполагаемых разделов читатель догадывается интуитивно. Например, введение в русскоязычной статье может отсутствовать (см. [1]); указание на цель статьи и полученный вывод — важнейшие элементы англоязычного введения — в русскоязычном варианте тоже часто не представлены. Приведем пример из введения англоязычной статьи: «*I analyze the definitional structure... I use this precedential backdrop to analyze the discourse of the USA v. Hadley (Hadley) jury trial... I focus here on quotation and the attribution of utterances... Using the discursive construction of the excited utterance in Hadley, I show that... At the end of the article, I will suggest that this research also complicates the concept of context for critical discourse analysis*» [2: p. 119].

Как видно из примера, автор во введении перечисляет те действия, которые он собирается совершить в статье для достижения указанной цели: *я анализирую, я использую, я фокусируюсь, я показываю* и т. д. Отсутствие четкой структуры исследования и ее подробного описания, как было отмечено выше, определяет ориентацию на содержание, характерную для русскоязычных статей.

Наконец, степень вовлеченности читателя автором научного исследования в русскоязычных статьях отличается от англоязычных. Так, англоязычный

автор, конкурирующий в международном масштабе с другими авторами за возможность издания своей статьи в престижном научном журнале, всячески пытается заинтересовать читателя и удержать его внимание. Безусловно, подробное разъяснение материала и предсказуемая структура исследования, о которых говорилось ранее, уже помогают привлечь внимание адресата. Кроме того, целый ряд дискурсивных средств может повысить диалогичность статьи, которая создает ощущение беседы автора с читателем, вовлекая его в круг обсуждаемых вопросов.

К наиболее типичным средствам налаживания диалога с читателем относят инклюзивное местоимение «мы», риторические вопросы, коллективные директивы (тип речевых актов), введение дополнительной информации (пояснительные вставки), зачастую повествующей о личном опыте автора, ссылки на общеизвестную информацию [5]. Так, в цитируемых строчках из англоязычной статьи можно наблюдать несколько средств диалогичности, вовлекающих читателя в дискуссию и усиливающих интерактивный тон статьи: «*We thus cannot assume that consumer ethnocentrism and animosity will have equivalent reciprocal effects. If consumer ethnocentrism and animosity influence consumer attitudes independently, what can we expect in terms of consumer response to messages depicting in-group/out-group brands and symbols under varying levels of those constructs?*» [3: p. 496].

Как видно из примера, авторы статьи активно используют инклюзивное местоимение «мы – we», а также фокусируют внимание читателя риторическим вопросом, который еще способствует усилению дружелюбного (менее формального) тона дискурса. Сравнительный анализ дискурсов научных статей русскоязычных и англоязычных авторов показал, что русскоязычные ученые прибегают к средствам диалогичности значительно реже, чем их англоязычные коллеги [12]. Так, русскоязычные авторы редко используют инклюзивные местоимения и вопросы. Типичное для русскоязычного АД местоимение «мы», как правило, не является инклюзивным.

Для направления внимания читателя русскоязычные авторы активно используют директивы; пояснительные вставки редко являются ссылками на собственный опыт, а скорее, перефразируют информацию. Ссылки на общеизвестную информацию, вводимые с помощью выражений *как известно, очевидно* и т. д., частотны в русскоязычных статьях.

Безличный тон русскоязычного АД и минимальное количество дискурсивных средств, повышающих его интерактивность, показывают, что для российской научной традиции еще не характерно стремление завладеть вниманием читателя, активно представлять собственную научную перспективу и т. д. Англоязычные авторы, как правило, агрессивно демонстрируют важность своего исследования, его место в международной науке [8]. Для сравнения рассмотрим примеры из резюме статьи.

Русскоязычный автор использует возвратные глаголы с тем, чтобы скрыть свою идентичность. Как следствие, у читателя не создается впечатление, что автор

пытается наладить с ним диалог: «Анализируются функции данных текстов... Загораживается вопрос о причинах номинации книг лексемой “theatrum”» [1: с. 13]. Англоязычные авторы используют активный залог, четко определяя себя как агента действия и одновременно формируя в дискурсе свою идентичность: «Using a Social Identity perspective, we find support for asymmetries of response regarding in-group preference and out-group discrimination within the context of U.S. and indigenous cultural representations in the form of symbols and brands» [3: p. 491].

Еще раз отметим, что конструирование присутствия автора-ученого в дискурсе посредством личных местоимений, а также использование средств диалогичности, например, риторических вопросов, инклюзивного «мы» и т. д., способствуют интерактивности АД, налаживанию контакта с читателем и концентрации его внимания, что является целью высококонкурентного международного академического пространства.

Итак, мы рассмотрели аспекты отличия дискурса научной статьи по таким параметрам, как ориентация на читателя/автора, ориентация на форму/содержание и уровень вовлеченности читателя в дискурс. Причины этих различий нужно искать в социокультурно обусловленном понимании связности, логики, мышления, т. е. когнитивной деятельности народа, связанной с концептуальной картиной мира. Как отмечает лингвист китайского происхождения Ф. Шен, ему пришлось изменить восприятие себя, свою идентичность для того, чтобы успешно освоить письменную коммуникацию на английском языке. Это было нелегко, так как в китайском обществе нельзя было говорить «я»: это местоимение нужно было заменять словом «партия», «страна» или местоимением «мы». Связано это, по мнению ученого, с политическим строем, идеологией общества: Китай — страна с сильными коллективистскими ценностями, советская идеология тоже не поощряла выпячивание своего «я» [14]. Подобные факторы могли повлиять и на формирование традиций академического письма в России. Во-первых, Россия всегда описывалась как общество коллективистов, соответственно, говорить ученому «я», представляющему все научное сообщество, просто неприлично. Во-вторых, Россия — культура высокого контекста. Это значит, что значительная часть информации заключена в контексте коммуникации, она подразумевается, но не вербализуется. Читатель, владея необходимыми культурными кодами, должен уметь эту информацию декодировать. Именно поэтому в научных статьях российских ученых могут отсутствовать описание методов исследования, заключение и т. д.

Очевидно, что для публикации исследования в англоязычных источниках российским ученым нужно уметь «переключаться» на новую международную идентичность и оперировать концептами, характеризующими международную академическую среду: придерживаться требуемых правил оформления научной статьи, способствующих реализации ожидаемой англоязычной редакцией и читателями линейности; активно конструировать свое «я» в АД, устанавливая диалог с читателем и удерживать его внимание.

Библиографический список

Источники

1. Бычков С.С. «Хроники» раннего нового времени в рамках текстового альянса «Книжных театров» // Вестник МГТУ. 2014. № 1. С. 13–18.
2. Andrus J. Beyond texts in context: recontextualization and the co-production of texts and contexts in the legal discourse, excited utterance exception to hearsay // Discourse Society. 2011. № 22. P. 115–136.
3. Lwin M., Stanaland A., Williams J. American Symbolism in Intercultural Communication: An Animosity / Ethnocentrism Perspective on Intergroup Relations and Consumer Attitudes // Journal of Communication. 2010. № 60. P. 491–514.

Литература

4. Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель» // Вестник ИГЛУ. 2012. С. 63–69.
5. Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний. М., 2015. 176 с.
6. Чернявская В.Е. Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 80–86.
7. Bowe H., Martin K. Communication Across Cultures. Mutual Understanding in a Global World. Cambridge, 2014. 240 p.
8. Canagarajah S.A. A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. 320 p.
9. Clyne M. Cultural Differences in the Organization of Academic Discourse // Journal of Pragmatics. 1987. № 11. P. 211–247.
10. Hall E.T. Beyond Culture. NY: Anchor Books, 1976. 320 p.
11. Kaplan R. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education // Language Learning. 1966. № 16 (1–2). P. 11–25.
12. Khoutyz I.P. Engagement in Written Academic Discourse: a cross-cultural study of Russian and English research articles // International Journal of Russian Studies, 2015. № 4 (2). P. 135–160.
13. Shea K. Connecting rather than colliding: when American and Chinese rhetorical styles meet in the university classroom // English as a Second Language Faculty Publications & Research, 2011. URL: http://scholarsarchive.jwu.edu/esl_fac/1 (дата обращения: 10.09. 2015).
14. Shen F. The classroom and the wider culture: identity as a key to learning English composition // College Composition and Communication. 1989. № 40. P. 93–102.
15. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 274 p.

References

Istochiniki

1. Bichkov S.S. «Xhroniki» rannego novogo vremeni v ramkax tekstovogo al'yansa «Knizhny'x teatrov» // Vestnik MGTU. 2014. № 1. S. 13–18.
2. Andrus J. Beyond texts in context: recontextualization and the co-production of texts and contexts in the legal discourse, excited utterance exception to hearsay // Discourse Society. 2011. № 22. P. 115–136.

3. *Lwin M., Stanaland A., Williams J.* American Symbolism in Intercultural Communication: An Animosity / Ethnocentrism Perspective on Intergroup Relations and Consumer Attitudes // *Journal of Communication*. 2010. № 60. P. 491–514.

Literatura

4. *Vikulova L.G.* Izdatel'skij diskurs v sisteme obshheniya «avtor – izdatel' – chitalatel'» // *Vestnik IGLU*. 2012. S. 63–69.

5. *Xuty'z I.P.* Akademicheskij diskurs. Kul'turno-specificheskaya sistema konstruirovaniya i translyacii znaniy. M., 2015. 176 s.

6. *Chernyavskaya V.E.* Cennostny'e orientiry' nauchnoj deyatel'nosti: beskory'stie issledovatelya ili e'konomizaciya nauki? // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovo obrazovanie»*. 2014. № 3 (15). S. 80–86.

7. *Bowe H., Martin K.* Communication Across Cultures. Mutual Understanding in a Global World. Cambridge, 2014. 240 p.

8. *Canagarajah S.A.* A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. 320 p.

9. *Clyne M.* Cultural Differences in the Organization of Academic Discourse // *Journal of Pragmatics*. 1987. № 11. P. 211–247.

10. *Hall E.T.* Beyond Culture. NY: Anchor Books, 1976. 320 p.

11. *Kaplan R.* Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education // *Language Learning*. 1966. № 16 (1–2). P. 11–25.

12. *Khoutyz I.P.* Engagement in Written Academic Discourse: a cross-cultural study of Russian and English research articles // *International Journal of Russian Studies*, 2015. № 4 (2). P. 135–160.

13. *Shea K.* Connecting rather than colliding: when American and Chinese rhetorical styles meet in the university classroom // *English as a Second Language Faculty Publications & Research*. 2011 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://scholarsarchive.jwu.edu/esl_fac/1 (data obrashheniya: 10.09. 2015).

14. *Shen F.* The classroom and the wider culture: identity as a key to learning English composition // *College Composition and Communication*. 1989. № 40. P. 93–102.

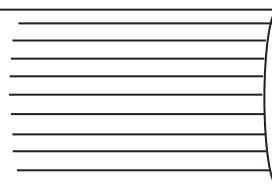
15. *Swales J.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 274 p.

I.P. Khoutyz

Linguo-cultural Traditions in Academic Discourse: Construction Specifics

The article analyzes linguo-cultural features of academic discourse using academic articles in Russian and English as an example. The conclusion is made that such aspects as reader / writer orientation, form / content orientation, and level of reader's engagement reflect sociocultural traditions of academic discourse construction.

Keywords: academic discourse; academic article; linearity; structure and language analysis.



Е.Г. Тарева

Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»?

В статье речь идет о межкультурном подходе к подготовке выпускников вузов к участию в диалоге на уровне взаимодействия представителей разных лингвосоциумов. Современный характер международного сотрудничества и межкультурной коммуникации осложняется политическими, общественными, культурными процессами, вызванными глобализацией, противопоставлением цивилизационных ценностей. Общество оказалось перед вызовами, связанными с подготовкой подрастающего поколения к непредвиденным, часто конфликтогенным, осложненным условиям международного сотрудничества и коммуникации. В статье ставится вопрос о применении межкультурного подхода как механизма «мягкой силы» в образовательных условиях вуза.

Ключевые слова: «мягкая сила»; инструменты «мягкой силы»; образование в вузе; культуросообразные подходы; межкультурный подход.

В последнее время на политической арене много говорят о кризисе межкультурности и поликультурности, провозглашенных некоторое время назад в качестве одного из доминантных принципов построения европейского мироустройства. Данный принцип предполагал мозаичность культурного пространства, где каждая культура гармонично сосуществует с другими культурами, где общеевропейская идентичность *не* «растворяет» национальную принадлежность, а делает последнюю «диалогичной», адаптивной к другим национальным ценностям. Следует с сожалением признать, что утопичность такого взгляда на взаимодействие культур подтверждена многочисленными фактами и событиями современной истории с ее порой трагическими поворотами и непредсказуемыми последствиями.

Не вторгаясь в суть упомянутых катаклизмов, лишь пунктирно обозначая их в начале рассуждений с целью актуализации заявленной проблематики, относящейся к области не политического, а социогуманитарного знания, перечислим вопросы, ответы на которые мы стремимся дать в этой статье. Образование как элемент «мягкой силы», возможно ли это? Что представляет собой идея межкультурности в контексте образования? Приобретает ли данная

идея статус подхода к обучению, формированию сознания обучающихся как инструмента «мягкой силы»? Если да, то какова его (подхода) суть? В каком образовательном контексте данный подход может эффективно действовать? Какие условия для этого должны быть созданы?

«Мягкая сила» (*soft power*) — феномен последнего десятилетия, его возникновение как антитезы «жесткой силы» (*hard power*) в научном тезаурусе и востребованность в широком спектре научного знания обусловлены осложнением ситуации в геополитическом, геоэкономическом аспектах мироустройства, кризисными явлениями глобализирующегося, отсюда, полиэтничного, поликультурного, поликонфессионального жизненного бытия человечества. Потенциальная, а в последнее время вполне реальная конфликтогенность сосуществования различных сообществ требует принятия решений в области обновления способов, инструментов обеспечения миропорядка, повышения безопасности среды обитания человеческих сообществ. На помощь приходит арсенал средств «мягкой силы», реализующийся с помощью культуры, дипломатии, науки, образования.

Канонически «мягкая сила» определяется как способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей привлекательности политического курса и эффективности политических институтов [3]. Знаменательно, что механизм действия «мягкой силы» напрямую связывается с культурой как феноменом, определяющим жизненное существование человечества: «мягкая сила» ассоциируется с культурой безопасности, стратегической культурой, общей политической культурой. Столь же близки связи «мягкой силы» и ценностей: именно благодаря ее применению происходит формирование определенных ценностей, причем как у той системы, которая эту силу применяет, так и у той, которая испытывает на себе соответствующее воздействие. Как пишет И.В. Радиков: «Важная характеристика государства, обладающего “мягкой силой”, — это создание, культивирование определенных ценностей, установок, собственной политической и экономической модели и популяризация их внутри, а также за пределами государственных границ» [5: с. 19]. При этом проводником ценностей, формируемых при помощи «мягкой силы», может выступить каждый гражданин. Именно поэтому важно воспитывать (причем целенаправленно) человека с гуманистическими личностными ориентациями, способного обеспечить свою собственную безопасность и безопасность общества, членом которого он является.

Инструментом «мягкой силы», ответственным за формирование такого человека, является *система образования*. Соответствующий ее потенциал изучается давно и весьма успешно. Более того, многие государства делают ставку на систему образования, видя в ней модель, привлекательную для потенциальных потребителей, модель, транслирующую образ жизни, ценности, установки, присущие определенному обществу. В этом случае ставится

вопрос об «экспорте» образования — явлении, которое предполагает распространение идей и идеологии, присущих определенному социуму/государству, посредством образовательных процессов и явлений, в образовательном континууме, в ходе обучения предмету, освоения специальности, в векторе определенного направления подготовки. Примером такой образовательной идеологической экспансии может служить распространение доминирующего иностранного языка (сегодня, как общепризнанно, английского), который транслирует (порой насаждает) культурные ценности и сам, по сути, такой ценностью является.

Тем самым университет сегодня по праву может считаться не только системой, нацеленной на подготовку молодого поколения к жизни в профессиональном социуме, но и площадкой для применения «мягкой силы». В этом, как представляется, особая миссия высшей школы — служить идеологическим камертоном, воздействовать на умы, помогать укреплению и (или) созданию ценностной палитры, способствующей обеспечению безопасности жизни государства и общества, а также человека в системе окружающих его факторов нестабильности и неопределенности.

Осознавая это, принципиально важно учитывать возможные риски применения образовательной системы в качестве механизма «мягкой силы». Весьма вероятны негативные эффекты, проявляющиеся в виде обострения борьбы за право определять нормативную составляющую мирового порядка в структуре образовательных стандартов и программ. Возникает среда для непродуктивной и чреватой негативными последствиями конкуренции ценностей в ходе преподавания предметного содержания. Может возникнуть (да и, пожалуй, уже возникла) ситуация, в которой ведется борьба за «умы», сражение за человека.

В таких условиях весьма важно с осторожностью использовать подходы и стратегии, которые потенциально могут вызвать негативные эффекты от применения образования в качестве инструмента «мягкой силы». В этой связи уместно остановиться на том, каким образом с течением времени развивается идея обучения иностранному языку в его (языка) взаимодействии с транслируемой им культурой, дабы оценить потенциал культуросообразных образовательных моделей как технологий «мягкой силы».

В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления обучающегося с культурой страны изучаемого языка, ее историей, социокультурными традициями, особенностями национального видения мира народом-носителем является общепризнанным в методике преподавания. Достаточно долгое время, вплоть до сегодняшнего дня, полагалось, что на занятиях должна транслироваться культура страны изучаемого языка. Тому способствуют и лингвокультурологический, и лингвострановедческий, и социокультурный подходы, в рамках которых родная культура служит *средством* постижения *иной* картины мира, средством, обеспечивающим снятие трудностей, выявление зон культурной интерференции, определения культурных лакун и пр. Студенты осваивают

безэквивалентную лексику, фоновые знания и через них знакомятся с национальными обычаями, традициями, реалиями страны изучаемого языка.

В ходе данного процесса как будто бы полагается, что свою родную культуру студенты знают досконально и не испытывают потребности в расширении соответствующей картины мира. Налицо центрация обучающих усилий исключительно на культуре иной страны, что порой приводит к присвоению студентами (чаще произвольному) идеи уникальности данной культуры, ее исключительности и даже превосходства по сравнению с культурой родной страны. Возникают условия для утверждения этноцентризма, способного привести к замещению в аксиосфере обучающегося родных ценностей иными установками, к интериоризации иного образа жизни, других ценностей. В этих условиях образование ведет к приглушению, а порой и к замене исконной культурной идентичности студента. Безусловно, такое влияние на личность, ее гражданскую позицию деструктивно. Именно таким образом способна себя проявить «мягкая сила» в ее разрушительном для личности воздействии, и именно этого следует опасаться при обеспечении воспитательного эффекта системы иноязычного образования.

Между тем идея взаимосвязи языка и культуры, столь привлекательная в системе иноязычного образования, может послужить истинным, а не мнимым инструментом воздействия на «умы» в целях формирования гражданской позиции и одновременно готовности к жизни в поликультурном и многоязычном пространстве. Речь идет об учебной ситуации, в которой обеспечивается подлинное равноправие культурных данностей, взаимно пересекающихся, диалогически взаимодействующих, дополняющих друг друга, но при этом не выпячивающих достоинства одной в ущерб другой.

Такая ситуация может быть создана при условии применения *межкультурного подхода* к обучению иностранному языку. Данный подход во многом перерабатывает традиционные устои и коренным образом меняет представления о том, как обучать иностранному языку в его взаимодействии с культурой. Происходит изменение привычного образа объекта овладения, выраженного бинарными формулами «язык ↔ страна», «язык ↔ культура», «иностраный язык ↔ родной язык», «родная культура ↔ иная культура». Такой примитивизм отношений усложняется, образуя множественные образовательные орбиты, которые пересекаясь и взаимодействуя, вовлекают все эти явления в единое пространство. В результате происходит отказ от традиционной необратимой последовательности линейной формулы, выраженной следующим образом: знакомство с фактом иной культуры → перенос его в родную культуру → сопоставление фактов двух культур → усвоение факта иного лингвосоциума. Реализуется движение обучающегося, скорее, по расширяющейся спирали, обеспечивающей цикличность следующих процессов: (1) знакомство с фактом иной культуры → (2) перенос его в родную культуру и осознание особенностей последней → (3) переоценка (постижение, осознание) факта родной культуры → (4) возврат с позиций (3)

к факту иной культуры и его переосмысление на основе сопоставления с новым знанием о родной культуре → (5) переосмысление на базе (4) факта родной культуры, но уже с позиций не своего «Я», а представителя иного лингвосоциума → (6) признание фактов двух культур как полноценных равноправных, несовпадающих и отражающих различные картины мира представителей различных лингвосоциумов.

В этой сложной когнитивной деятельности обучающийся меняет привычный для него образ восприятия окружающей действительности, но не в пользу какой-то одной культурной данности — родной или иной, а в пользу признания многополярности окружающего пространства. Важно избегать негативных оценочных умозаключений, способных привести к конфронтации представлений, конфликту ценностей, еще большему дистанцированию объективно существующих противоположностей: «Я – не Я», «свое – чужое», «мы – они». Данные противоположности оказываются во взаимном пересечении, при котором изучаемый объект (факт культуры, вербализованный иностранным языком, а значит, материализованный, пусть умозрительно, в сознании обучающегося) не единожды пропускается студентом сквозь призму своего опыта, и этот опыт оказывается «измеренным» с различных позиций, а именно: «Как мы видим их?», «Как они видят нас?», «Как мы видим себя?», «Как они видят себя?», «Могу ли я показать свой мир так, чтобы он был понятен моему иностранному собеседнику?», «Способен ли я посмотреть на свою культуру глазами иностранца?» и пр. Такая деятельность, весьма насыщенная по комплексу операций, способна сформировать тот образ своего мира и чужой/иной реальности в их диалогической взаимосвязи, который так востребован в современном мире, полном ксенофобии и националистических проявлений (подробнее о межкультурном иноязычном образовании см. [4]).

Сообразно сказанному меняется цель обучения, эксплицируемая в компетентностном формате: дидактические стратегии оказываются направлены на формирование *межкультурной коммуникативной компетенции* — способности и готовности осознавать, понимать и интерпретировать родную и иную картины мира в их взаимодействии и строить на этой основе процесс иноязычного общения с представителем другого лингвосоциума. Данная компетенция свидетельствует о том, что человек, ею обладающий, готов к жизни в сложном мире неоднозначных отношений, мире, полном непредсказуемости и неопределенности. Именно сказанным объясняется тот факт, что в федеральных государственных образовательных стандартах способность к общению на межкультурном уровне представлена как общекультурная компетенция, обязательная для освоения студентами в ходе всех без исключения направлений подготовки в высшей школе (универсальная компетенция). Значимость данной компетенции столь очевидна, что упоминание о ней встречается и в нормативных документах других образовательных уровней, например, общеобразовательной школы.

Следует принять во внимание тот факт, что применение межкультурного подхода, ведущего к формированию межкультурной компетенции, не может

не быть ограниченным определенными возрастными рамками. Во-первых, такое ограничение вызвано тем фактом, что для осуществления подлинного, а не мнимого диалога культур необходима соответствующая когнитивная «заостренность», требующая функционирования умственных операций, весьма сложных по своей природе: анализа, синтеза, абстрагирования, концентрации, безоценочности и пр., что свойственно индивидууму на стадии студенческого, а не школьного возраста. Во-вторых, для инициации межкультурного подхода нужен соответствующий уровень владения иностранным языком, который сможет обеспечить погружение в контекст аутентичных культурно насыщенных ситуаций, как правило, передаваемых посредством неадаптированных текстов. Очевидно, что таким уровнем (пороговым по общеевропейской шкале) может обладать только студент вуза. Наконец, в-третьих, студент имеет определенный жизненный опыт, систему сформированных ценностных ориентаций, чтобы иметь возможность их диалогически сопоставлять с проявлениями иной культуры.

Стоит отдельно остановиться на *образовательных технологиях*, которые способны воплотить в жизнь межкультурные образовательные стратегии. К ним по праву следует отнести технологию межкультурного комментирования, которая складывается из пошаговых операций (1) выявления сходства и (или) различий между родной и изучаемой культурами, (2) сопоставления различий и их интерпретации, (3) вербализации сделанных умозаключений в виде комментария, в котором отражается индивидуальный опыт субъекта, связанный с мировосприятием, проявляется индивидуальная картина мира. Этот комментарий может быть полезен самому студенту в целях постижения осваиваемой профессиональной области.

Интересным представляется применение приемов, способствующих актуализации надкультурного уровня общения и культурной рефлексии, обеспечивающих подключение к процессу обучения иностранному языку воспитательного, обучающего и развивающего эффектов метакультуры [2].

Не меньшим позитивным потенциалом обладает так называемое онома-сиологическое сопоставление как прием, обеспечивающий особый вектор сопоставительных действий: движение не от форм (языковых знаков изучаемого и родного языков) к выражаемым этими знаками смыслам / концептам, а от концептов к формам. В этом случае обучающийся осуществляет следующие действия: (1) измеряет универсальную для обеих культур ценность / анализирует различающиеся аксиосмыслы, (2) наблюдает за тем, как, по каким законам эти смыслы «прорастают» в двух языках и, наконец, (3) производит сопоставление языковых форм. При этом студент постоянно пребывает в состоянии поиска, он делает открытия, и именно эта деятельность способна внедрить диалог культур в его личностное пространство.

Можно привести и другие примеры продуктивных технологий, способствующих реализации диалога культур, обеспечивающих вместе с тем диалогичность

сознания и мировосприятия. Их успешность определяется приоритетной значимостью гуманитарного пространства вуза, весомостью гуманитарных дисциплин в формировании современного выпускника вуза [1]. Смысл межкультурно заостренных технологий заключается в том, чтобы акцентировать сосуществование в одном образовательном контексте двух когнитивных картин, выраженных в двуязычных (на родном и иностранном языках) бикультурных по содержанию текстах. Именно в подобных условиях межкультурный подход способен действовать в строгом соответствии с истинным смыслом механизма «мягкой силы», формируя позитивный образ обеих культур, создавая условия для их диалога на равносоставленных позициях. Именно в этой ситуации можно вести речь о формировании подлинной толерантности как качества личности, у которой не утрачена собственная национальная идентичность, но при этом имеется способность к взаимодействию с представителями различных культур и цивилизаций.

Библиографический список

Литература

1. Алмазова Н.И. Гуманитарная стратегия: от непрофильности к лидерству // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 106–112.
2. Гончарова В.А. Метакультура в контексте целей современного иноязычного образования // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 61–68.
3. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
4. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики / отв. ред. Е.Г. Тарева. М.: Логос, 2014. 232 с.
5. Радиков И.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 18–26.

References

Literatura

1. Almazova N.I. Gumanitarnaya strategiya: ot neprofil'nosti k liderstvu // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 106–112.
2. Goncharova V.A. Metakul'tura v kontekste celej sovremennogo inoyazy'chnogo obrazovaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 61–68.
3. Nai Dzh. Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike. M.: Trend, 2006. 397 s.
4. Mezhekul'turnoe inoyazy'chnoe obrazovanie: lingvodidakticheskie strategii i takiki / otv. red. E.G. Tareva. M.: Logos, 2014. 232 s.
5. Radikov I.V. «Myagkaya sila» kak sovremenny'j atribut velikoj derzhavy' // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2012. № 2. S. 18–26.

E. G. Tareva

**Teaching Language and Culture:
Is It a «Soft Power» Tool?**

The paper deals with the intercultural approach to teaching university undergraduates to take part in the dialogue at the level of interaction between members of different lingual societies. The modern character of international cooperation and cross-cultural communication is complicated by political, social, cultural processes caused by globalization and opposition of civilizational values. The society is facing new challenges associated with the preparation of the younger generation to unexpected, often conflict-prone, complicated conditions of international cooperation and communication. The paper raises the question of the application of the intercultural approach as a «soft power» mechanism in the educational environment of the university.

Keywords: «soft power»; «soft power» tools; university education; cultural approaches; intercultural approach.

О.И. Короленко

Комплимент и поздравительная речь как эпидейктические жанры академического дискурса XVII–XVIII вв.

Статья посвящена таким эпидейктическим жанрам, как комплимент и поздравительная речь. В работе проводится анализ эпидейктических жанров в академическом дискурсе на примере торжественных речей членов Французской академии в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: академический дискурс; комплимент; поздравительная речь; эпидейктический жанр.

Дискурс является продуктом профессионального взаимодействия в академической среде. Его можно охарактеризовать как институциональный, научный (дисциплинарный) и специализированный. При определении академического дискурса как институционального учитывается сфера его реализации или тип общения, выделяемый, вслед за В.И. Карасиком, «на основе социолингвистических признаков» [7: с. 250]. Институциональный дискурс — процесс взаимодействия, обмена знаниями и опытом между представителями определенной сферы деятельности общества. Следовательно, такой дискурс отражает процессы, происходящие в профессиональных кругах общества. Как отмечает И.П. Хутыз, академический дискурс представлен различными жанрами, транслирующими этапы познания, через которые проходит в обществе индивид и которые акцентируют развитие различных качеств [10: с. 70].

Академический дискурс в данной статье представлен на примере речей членов Французской академии, произнесенных ими на торжественных заседаниях в XVII–XVIII вв. В коммуникативной практике того времени установилось, что при избрании кандидату в академики полагалось произносить вступительную речь, которая носила хвалебный характер. Данную речь, произносимую в торжественной обстановке по поводу какого-либо знаменательного события, речь на случай, охарактеризуем как *эпидейктический жанр* [8: с. 339]. При обращении к вступительным речам академиков обозначенного периода выделим, что

в них обязательно присутствует похвала государству (Франция) или похвала отдельному лицу, например, кардиналу Ришелье — основателю академии, а также похвала академическому сообществу.

Вслед за Л.Г. Викуловой, отмечаем, что торжественная речь, которая обозначалась как *harangue* во французской речевой практике того времени, производилась по следующим случаям: приветствие или ответ на приветствие члена Французской академии; речь по случаю ухода из жизни академика; речь при открытии памятников культуры, носящих имя деятелей культуры; речь по случаю праздников, торжества и др. Отметим, что в торжественных вступительных речах кандидатам в академики полагалось «читать добродетель основателя». А хвала кардиналу долгое время оставалась непременной риторической частью их вступительного слова [5: с. 11; 6: с. 72]. Таким образом, создавалась коммуникативная норма, задающая нормы официального научного общения [4]. В данном контексте актуально замечание В.Е. Чернявской, что «научная деятельность существует в системе норм и конвенционально установленных ориентиров. Нормы существуют лишь там, где есть человеческие потребности и соответственно цели» [11: с. 80]. Ключевым жанром в данный период становится вступительная торжественная речь, позднее появляются такие жанры, как ответное слово, поздравительная речь, благодарственное слово, панегирик и др.

Обратимся к рассмотрению таких эпидейктических жанров речи, как *комплимент* и *поздравительная речь*. Во французской и отечественной риторической практике данные жанры эпидейктической речи понимаются по-разному. Во французской практике они объединены одним понятием *compliment*, тогда как в русской эпидейктической речи выделяют такие жанры, как *комплимент* и *поздравительная речь*. Обратимся к определению данных понятий во французской и русской лингвокультурах.

Во французской риторической традиции *compliment* — гибридный жанр, который в зависимости от ситуации может рассматриваться как *комплимент* или как *поздравительная речь*. Во французских словарях указывается на многозначность данной лексемы. В русской риторической традиции выделяют и разделяют жанры *комплимент* и *поздравление*. В частности, Л.Е. Тумина [9: с. 917] выделяет *комплимент* как жанр эпидейктического красноречия; лестное замечание, краткая похвала. В то же время Т.В. Аннушкина [3: с. 449] рассматривает этот жанр как поздравительную речь, создаваемую в ситуациях праздника или торжества, содержащую похвалу и благопожелания по поводу адресата или предмета данного торжества. Отметим, что теория поздравительной речи активно развивается и другими современными учеными, такими как В.И. Аннушкин, А.К. Михальская, Н.И. Формановская и др.

Поздравительная речь по своему содержанию определяется обстановкой, в которой произносится речь: официальной обстановкой в рамках Французской академии. Как правило, это устная, прозаическая речь-выступление. Общее количество комплиментов, произнесенных за XVII–XVIII вв., составляет 14 речей. Проанализируем некоторые из них.

Рассмотрим комплиментную речь священнослужителя Жана-Франсуа дю Белле дю Ренеля (*Jean-François du Bellay du Resnel, homme d'Eglise*). Данная речь, которую считают образцовой, была произнесена 16 декабря 1745 г. и адресована Главному контролеру финансов Франции, Жану-Батисту де Машо (*Jean-Baptiste de Machault d'Arnouville, contrôleur général des Finances, 1745–1754*). Оратор произносит данную речь по случаю избрания главного персонажа речи на официальную должность. Оратор отмечает, что назначение произнесено самим королем: «En discernement du Roi toujours heureux dans le choix des personnes (выборе людей) qu' il rend *dépositaires de son autorité* (хранителей своей власти)» [1].

Речь начинается с традиционного для данного периода обращения *Monsieur*. Композиция речи довольна проста и состоит из двух частей. В первой части оратор перечисляет качества, которыми обладает Ж.-Б. де Машо: «*la reputation que des talents également solides & brillants (таланты серьезные и блестящие) vous ont acquise dans le Conseil, & dans une place où vous avez trouvé l'art de concilier les interest du Souverain avec ceux des Peuples (искусство завоевывать уважение как Государя, так и Народа)*» [1]. Отметим, что текст поздравления персонифицирован, так как автор речи представил качества, которые характеризуют поздравляемого. Автор активно использует стратегию похвалы, что было характерно для поздравительного жанра эпидейктической речи.

Во второй части комплимента представлены пожелания будущих жизненных успехов: «*Nous espérons, MONSIEUR, que les objets importants qui vont désormais vous occuper, ne vous feront point perdre de vue une Compagnie, qui par son attention à conserver dans sa pureté le goût de la Littérature Française (сохранить чистоту в стиле французской литературы), peut se flatter de contribuer à la gloire (способствовать славе), & par conséquent à la prospérité de l'État (процветанию Государства)*» [1].

Теперь рассмотрим пример *поздравительной академической речи*. Отличие этого жанра от комплимента в том, что *комплимент* произносят в честь кого-то, а *поздравительную речь* произносят не только в честь кого-нибудь, но и по особому случаю. Общее количество поздравлений, произнесенных за XVII–XVIII вв., составляет восемь речей.

Приведем в качестве примера поздравительную речь, произнесенную Луи Жюлем Манчини-Мазарини (*Louis-Jules Mancini-Mazarini, ambassadeur et auteur dramatique français*), французским дипломатом и писателем, 28 октября 1781 г. по случаю рождения дофина, сына короля. Речь начинается с обращения автора к королю, где используется статусный вокатив *SIRE*. Отметим необычность второго статусного вокатива *MONSEIGNEUR*, адресованного новорожденному наследнику престола.

В данной речи автор использует: стратегию похвалы, стратегию самоуничижения, которые были характерны для официальных речей того времени:

– стратегия похвалы: «*La sensibilité vraie & touchante d' un grand Roi (Великого Короля), l'attendrissement général & sincère d' une grande nation (общая растроганность и истинность великой нации); voilà le rare & beau spectacle*

(редкий и красивый спектакль) que la naissance de Monseigneur Le Dauphin donne à l'Europe»; «Son nom seul fait assez connoître de *quelle joie vive & pure tous les coeurs y font pénétrés* (какая радость живая и чистая войдет во все сердца), & avec quel enthousiasme on y célèbre la parfaite félicité d' une Reine à qui sa bienfaisance & ses grâces donnoient déjà tant de droits à *notre amour* (наша любовь)» [2];

– самоуничужения: «*je rends grâces au sort qui m'a choisi pour avoir l'honneur* (я благодарю судьбу, что меня выбрали, чтобы я имел честь) de présenter en cette occasion à Votre Majesté l' hommage respectueux de l' Académie Française» [2].

Таким образом, академический дискурс XVII–XVIII вв., в период своего становления и легитимации использует ряд эпидейктических жанров, среди которых комплимент и поздравительная речь занимают видное место.

Библиографический список

Источники

1. Compliment à M. de Machault, Contrôleur Général des Finances de Jean-Baptiste de Machault (le 16 décembre 1745) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.academie-francaise.fr/compliment-m-de-machault-controleur-general-des-finances> (дата обращения: 07.02.2016).

2. Compliment fait au Roi, sur la naissance de Monseigneur le Dauphin et compliment à Monseigneur le Dauphin de Louis-Jules Mancini-Mazarini (28 octobre 1781) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academie-francaise.fr/compliment-fait-au-roi-sur-la-naissance-de-monseigneur-le-dauphin-et-compliment-monseigneur-le> (дата обращения: 07.02.2016).

Литература

3. Аннушкина Т.В. Поздравительная речь // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2012. С. 449–450.

4. Викулова Л.Г. Внешняя легитимация науки во Франции XVII века // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2015. № 2 (26) С. 106–117 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/48810250.htm> (дата обращения: 07.02.2016).

5. Викулова Л.Г. Легитимация научного знания: Французская академия // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические дидактические и ценностные аспекты: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 8–11.

6. Викулова Л.Г. Легитимация научного филологического знания (XVII век, Франция) // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с междунар. участием (М., 16–18 сент. 2015 г.) / ред. кол.: Л.Г. Викулова (отв. ред.), А.В. Щепилова, С.В. Михайлова, И.В. Макарова. М.: МГПУ: Яз. народов мира, 2015. С. 68–75.

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

8. Панов И.И. Эпидейктическая речь // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. М.: КРПА Олимп, 2005. С. 339–352.

9. Тумина Л.Е. Комплимент // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. / отв. ред. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: КРПА Олимп, 2005. С. 917–921.

10. Хутыз И.П. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 176 с.
11. Чернявская В.Е. Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 80–86.

References

Istochniki

1. Compliment à M. De Machault, Contrôleur Général des Finances de Jean-Baptiste de Machault (le 16 décembre 1745) [E'lektronny'j resurs]. – URL: <http://www.academie-francaise.fr/compliment-m-de-machault-controleur-general-des-finances> (data obrashheniya: 07.02.2016).
2. Compliment fait au Roi, sur la naissance de Monseigneur le Dauphin et compliment à Monseigneur le Dauphin de Louis-Jules Mancini-Mazarini (28 octobre 1781) [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.academie-francaise.fr/compliment-fait-au-roi-sur-la-naissance-de-monseigneur-le-dauphin-et-compliment-monseigneur-le> (data obrashheniya: 07.02.2016).

Literatura

3. Annushkina T.V. Pozdravitel'naya rech' // E'ffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovy'e kompetencii): slov.-sprav. / pod red. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo federal'nogo un-ta, 2012. S. 449–450.
4. Vikulova L.G. Vneshnyaya legitimaciya nauki vo Francii XVII veka // Nauchny'j vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. «Sovremenny'e lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya». 2015. № 2 (26). S. 106–117 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://elibrary.ru/download/48810250.htm> (data obrashheniya: 07.02.2016).
5. Vikulova L.G. Legitimaciya nauchnogo znaniya: Francuzskaya akademiya // Kommunikaciya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie didakticheskie i cennostny'e aspekty': materialy' mezhdunar. nauch. konf. SPb.: Izd-vo Politexn. un-ta, 2015. S. 8–11.
6. Vikulova L.G. Legitimaciya nauchnogo filologicheskogo znaniya (XVII vek, Franciya) // Chelovek. Yazyk. Vremya: materialy' XVII konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunar. uchastiem (M., 16–18 sent. 2015 g.) / red. kol.: L.G. Vikulova (otv. red.), A.V. Shhepilova, S.V. Mixajlova, I.V. Makarova. M.: MGPU: Yaz. narodov mira, 2015. S. 68–75.
7. Karasik V.I. Yazy'kovoju krug: lichnost', koncepty', diskurs. M.: Gnozis, 2004.
8. Panov I.I. E'pidejkticheskaya rech' // E'ffektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: slov.-sprav. M.: KRPA Olimp, 2005. S. 339–352.
9. Tumina L.E. Kompliment // E'ffektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: slov.-sprav. / otv. red. M.I. Panov, L.E. Tumina. M.: KRPA Olimp, 2005. S. 917–921.
10. Хутыз И.П. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 176 с.
11. Чернявская В.Е. Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 80–86.

O.I. Korolenko

**Compliment and Greeting Speech as Epideictic Genres of Academic Discourse
in XVII–XVIII Centuries**

The article is devoted to such epideictic genres as compliment and greeting speech. It analyses these epideictic genres in the academic discourse on the example of solemn speeches by members of the French Academy in the XVII–XVIII centuries.

Keywords: academic discourse; compliment; greeting speech; epideictic genre.

М.А. Сычева

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия как регулятивный текст предметной сферы культурное наследие

Статья посвящена вопросу функционирования регулятивного текста в предметной сфере *культурное наследие*. Анализируются особенности институционального документа конвенции ЮНЕСКО как прескриптивного жанра.

Ключевые слова: всемирное культурное наследие; конвенция ЮНЕСКО; регулятивный текст; институциональный документ.

Термин *культурное наследие* (*patrimoine culturel, cultural heritage*) широко распространен в различных сферах человеческой деятельности — культурологии, туристической и юридической сферах и др. Данное понятие является отражением созданной предыдущими поколениями материальной и духовной культуры, выдержавшей испытание временем и передаваемой последующим поколениям как нечто ценное и почитаемое. Проблема культурного наследия стала актуальной с середины XX в., так как разрушенные во время Второй мировой войны европейские памятники культуры нуждались в реконструкции и дальнейшем сохранении. Появление термина *культурное наследие* обусловлено вопросом защиты культурных памятников в Европе, в частности, во Франции. С этой целью мировая общественность в лице ООН в 1946 г. создает организацию по вопросам образования и культуры (ЮНЕСКО), в обязанности которой входит сохранение и выявление памятников культурного наследия. *Культурное наследие* — термин относительно новый, введен в официальные документы ЮНЕСКО в 1972 г. Однако предпосылки его появления относятся к XVII в.

Вопрос о достоянии страны (*patrimoine*) подробно исследовал в своей работе французский историк искусств в области архитектуры Жан-Мишель Лено [8]. Ученый отмечает, что уже в XVII в. коллекционер Франсуа Рожэ Геньер объездил всю Францию в целях сохранения памяти о Средних веках, собрав копии исторических документов, ценные рукописи, медали. К 1700 г. он же разработал перечень объектов культурного наследия и попытался создать государственную службу для защиты памятников. В XVIII в. в одном из своих докладов аббат Грегуар (1750–1831), юрист, политический деятель и революционер, также обратился к проблеме культурного наследия, подтвердив, что общественное уважение сосредоточено вокруг национальных объектов, которые не принадлежат никому, являясь в то же время собственностью

общества. В середине XIX в. во Франции появился первый список исторических памятников, нуждавшихся в охране, что стало предпосылкой создания Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в 1972 г. и Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1978 г.

По состоянию на 2015 г. в данный список включен 1031 объект, нуждающийся в охране и реставрации [3]. Деятельность этой организации предполагает наличие ряда институциональных документов прескриптивной модальности, которые оговаривают условия сохранения и регуляции списка объектов культурного наследия по всему миру. В этом институциональном документе прописаны нормы и стандарты составления такого списка, его критерии. Данный текст основывается на функционально-нормативных условиях коммуникации и стандартизирующих правилах документов [6: с. 238].

Исходным является текст Конвенции ЮНЕСКО, изначально написанный на французском языке, что способствовало активному использованию в научном обиходе термина *patrimoine* с определениями, указывающими на четыре уровня наследия: *всемирное (mondial)*, *национальное (national)*, *региональное (regional)*, *местное (local)*.

Лексема *patrimoine* восходит к латинскому слову *patrimonium*, образованному из слов «*pater*» (отец) и «*munio*», что обозначает наследство, переданное от отца, т. е. речь идет о наследстве, которое передается из поколения в поколение. Обратимся к словарю Larousse, где представлены шесть определений данного термина, ключевым из которых, на наш взгляд, является: 3. *patrimoine* — *ce qui est considéré comme l'héritage commun d'un groupe: le patrimoine culturel d'un pays* (Общественное наследие. Культурное наследие страны) [11].

Отметим, что термин *культурное наследие* носит оценочный характер. В словаре межкультурной коммуникации (*Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles*) французский исследователь Мишель Вальер определяет его как *ценное, интересное, основополагающее*: «...quelque chose de *bien, d'intéressant, d'essentiel* pour tout un chacun autant que pour la collectivité... (нечто *ценное, интересное, основополагающее* как для одного человека, так и для людей...)» [9: p. 273].

ЮНЕСКО дает следующее определение лексеме *patrimoine*, где термин носит проспективный характер: «*le patrimoine est l'héritage du passé dont nous profitons aujourd'hui et que nous transmettons aux générations à venir*» [3]. Культурное наследие – *богатство* прошлого, которое используется в настоящем и *передается будущим поколениям*.

Обратимся к определению термина *Всемирное культурное наследие*, сформулированному ЮНЕСКО: «*le patrimoine mondial, ou patrimoine de l'humanité, désigne un ensemble de biens qui présentent une valeur universelle exceptionnelle justifiant leur inscription sur une liste établie par le comité du patrimoine mondial de l'organisation des Nations unies pour l'éducation, la science et la culture*» [3]. *Всемирное наследие* — природные или созданные человеком *объекты*, приоритетными задачами по отношению к которым, по мнению ЮНЕСКО, являются их сохранение и популяризация в силу *особой культурной, исторической или экологической значимости*.

Данный термин является ключевым в институциональном документе «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (далее — Конвенция), принятом в 1972 г. [1]. Обратимся к тексту Конвенции. Это — регулятивный текст *прескриптивного характера* для 191 государства, которые ратифицировали Конвенцию на сегодняшний день. Для данных стран институциональный документ Конвенции предписывает определенные нормы сохранения объектов культурного наследия или отношения к ним мировой общественности. Авторитетность прескрипции основана на уровне организации, ее статусе. ООН — наивысший орган прескриптивности и авторитетности для стран, чьи объекты включены в Список Всемирного наследия. За соблюдением Конвенции следит Комитет всемирного наследия. Именно он решает основные вопросы и регулирует правила о внесении того или иного культурного памятника в вышеназванный список и за его дальнейшим сохранением.

Характерной особенностью текста Конвенции является то, что это документальный текст, который носит регулятивный характер. Вслед за И.Б. Руберт, указавшей на основные структурные, семантические и прагматические признаки регулятивных текстов, можно сделать вывод, что понятийным основанием регулятивности является модель поведения адресата (страны/государства, подписавшие Конвенцию) посредством предписания ему определенной нормы поведения, которая складывается из смысловых элементов «цель действия» и «способ действия». Прагматическим основанием служат отношения «прескриптор (адресант) – адресат», которые базируются на «авторитетности» прескриптора [7: с. 4]. В данном случае в роли прескриптора выступает международный институт — ЮНЕСКО. В регулятивном тексте Конвенции прослеживаются четко эксплицированные взаимоотношения Комитета как адресанта и участников-государств как адресата:

– *Il appartient à chaque Etat partie à la présente Convention d'identifier et de délimiter les différents biens situés sur son territoire et visés aux articles 1 et 2 ci-dessus* [2]. Каждому государству — стороне настоящей Конвенции — *надлежит определить и разграничить различные ценности*, расположенные на его территории и предусматриваемые вышеупомянутыми статьями [1].

– *Chacun des Etats parties à la présente convention soumet, dans toute la mesure du possible, au Comité du patrimoine mondial un inventaire des biens du patrimoine culturel et naturel* [2]. *Каждое государство* — сторона настоящей Конвенции — предоставляет по мере возможности Комитету всемирного наследия *перечень ценностей* культурного и природного наследия [1].

В данных примерах четко обозначен адресат — «каждое государство» и адресант-прескриптор в лице ЮНЕСКО, который предписывает адресату предоставить перечень ценностей Всемирного наследия и определить или разграничить различные ценности, вносимые в список.

С принятием Конвенции встал вопрос о возникновении новой терминологической системы. Одна из основных трудностей для специалистов при ее разработке связана с концептуальными различиями в разных юридических системах.

И если правила могут меняться в зависимости от конкретных условий, то термины в юридических текстах остаются неизменными, будучи тесно связанными с определенной юридической традицией [5: с. 96]. Особенность правовых текстов состоит в том, что они имеют однозначность прочтения, т. е. для каждого текста должна быть характерна такая точность изложения информации, которая не допускала бы различных толкований для необходимого функционирования юридических текстов [4: с. 12]. Остановимся подробнее на функциональности текста Конвенции, в котором мы выделили две функции:

1) **информационную:**

- Aux fins de la présente Convention sont considérés comme «*patrimoine culturel*»: les monuments: œuvres architecturales, de sculpture ou de peinture monumentales, éléments ou structures de caractère archéologique, inscriptions, grottes et groupes d'éléments, qui ont *une valeur universelle exceptionnelle* du point de vue de l'histoire, de l'art ou de la science [1]. В настоящей Конвенции под *культурным наследием* понимаются: памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, а также надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют *выдающуюся универсальную ценность* с точки зрения истории, искусства или науки [2].

В вышеприведенном примере дается определение, какие именно объекты могут относиться к сфере культурного наследия.

- Il est institué auprès de l'Organisation des Nations Unies pour l'éducation, la science et la culture, un *Comité intergouvernemental de la protection du patrimoine culturel et naturel* de valeur universelle exceptionnelle dénommé «le Comité du patrimoine mondial». *Il est composé de 15 Etats parties à la convention* [1]. При Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры учреждается *Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия* всеобщего выдающегося значения, называемый Комитетом всемирного наследия. *Он состоит из 15 государств — сторон Конвенции* [2].

В документе Конвенции четко оговаривается структура, регулирующая взаимоотношения между государствами касательно объектов культурного наследия.

- *Le Comité peut à tout moment inviter à ses réunions des organismes publics ou privés, ainsi que des personnes privées, pour les consulter sur des questions particulières* [1]. *Комитет может в любое время приглашать на свои заседания общественные или частные организации, а также частных лиц для консультаций* по отдельным вопросам [2].

В вышеприведенном примере сообщается о непосредственной деятельности Комитета всемирного наследия.

Информационная функция регулятивного текста определяет нейтральную модальность, отражающую стремление адресанта только информировать

адресата. Следует отметить, что кроме данной функции, речевые действия информирования не несут в себе другой функциональной нагрузки и тем самым не оказывают никакого влияния на адресата;

2) **предписывающую:**

- Chacun des Etats parties à la présente Convention reconnaît que *l'obligation d'assurer* l'identification, la protection, la conservation, la mise en valeur et la transmission aux générations futures du patrimoine culturel et naturel [2]. Государства-стороны *обязуются* поэтому в соответствии с положениями настоящей Конвенции оказывать *содействие* признанию, охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия [1].

В вышеприведенном примере прослеживается предписывающая тональность, выраженная существительным *l'obligation* (обязательство), которое имеет прескриптивную модальность.

- L'élection des membres du Comité *doit assurer* une représentation équitable des différentes régions et cultures du monde [2]. Выборы членов Комитета *должны обеспечивать* справедливое представительство различных районов и культур мира [1].

В данном примере прескриптивная модальность выражена глаголом *devoir* (*быть должным*), несущим в себе предписывающий смысл.

- L'inscription d'un bien sur la liste du patrimoine mondial ne peut se faire qu'avec le consentement de l'Etat intéressé [2]. Внесение ценностей в Список Всемирного наследия *не может быть произведено* без согласия заинтересованного государства-участника [1].

В вышеприведенном примере прескрипция осуществляется при помощи ограничительной конструкции *ne ...que* (*только*) и модального глагола *pouvoir* (*мочь*).

Проанализировав Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, мы выявили, что ключевым для данного документа является термин «культурное наследие». Конвенция представляет собой регулятивный текст прескриптивного характера.

Библиографический список

Источники

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия / ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия / ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-fr.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).
3. Организация Объединенных Наций: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org> (дата обращения: 12.11.2015).

Литература

4. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2011. 20 с.

5. Куракина С.Н. Особенности формирования новой терминологической системы права ЕС // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 94–100.

6. Кушнерук С.П. Документная лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 256 с.

7. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов (Структурные, семантические, прагматические аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. СПб., 1996. 42 с.

8. Leniaud J. L'utopie française: Essai sur le patrimoine // Paperback: 1992. 180 p.

9. Valière M. Patrimoine culturelle // Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles. Paris: Armand Colin, 2010. P. 273–274.

Справочные и информационные издания

10. Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles / sous la dir. de G. Ferréol, G. Jucquois. Paris: Armand Colin, 2010. 354 p.

11. Larousse. Dictionnaires de français. Grande encyclopédie Larousse [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/patrimoine/58700> (дата обращения: 12.11.2015).

References

Istochniki

1. Konvencija ob ohrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodno naslediya / UNESCO // URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-fr.pdf> (data obrashheniya: 12.11.2015).

2. Konvencija ob ohrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodno naslediya / UNESCO [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (data obrashheniya: 12.11.2015).

3. Organizaciya Ob''edinyonny'x Nacij: sajт [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://whc.unesco.org> (data obrashheniya: 12.11.2015).

Literatura

4. Krapivkina O.A. Lingvisticheskij status ob''ekta v yuridicheskom diskurse (na materiale anglijskogo i russkogo yazy'kov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Irkutsk, 2011. 20 s.

5. Kurakina S.N. Osobennosti formirovaniya novoj terminologicheskoj sistemy' prava ES // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovo obrazovanie». 2013. № 1 (11). S. 94–100.

6. Kuchneruk S.P. Dokumentnaya lingvistika: ucheb. posobie. 3-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2010. 256 s.

7. Rubert I.B. Stanovlenie i razvitie anglijskix reguljativny'x tekstov (Strukturny'e, semanticheskie, pragmaticheskie aspekty'): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. SPb., 1996. 42 s.

8. Leniaud J. L'utopie française: Essai sur le patrimoine // Paperback: 1992. 180 p.

9. Valière M. Patrimoine culturelle // Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles. Paris: Armand Colin, 2010. P. 273–274.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles / sous la dir. de G. Ferréol, G. Jucquois. Paris: Armand Colin, 2010. 354 p.

11. *Larousse*. Dictionnaires de français. Grande encyclopédie Larousse [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/patrimoine/58700> (data obrasheniya: 12.11.2015).

M.A. Sycheva

**Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage
as Regulatory Text of the Substantive Scope of Cultural Heritage**

The article is devoted to functioning of the regulatory text in the substantive scope of cultural heritage. The UNESCO Convention is treated as a prescriptive genre and peculiarities of the institutional document are analyzed.

Keywords: global cultural heritage; UNESCO Convention; regulatory text; institutional document.

С.А. Крючкова

Художественное осмысление «нового» героя в рассказах П. Романова

Статья посвящена изучению типа «нового» героя в рассказах 1920-х гг. П. Романова, особенностей индивидуально-авторского мировидения, связанных с апелляцией к вечным бытийным ценностям, с поиском позитивных жизненных начал в национальной духовно-нравственной традиции.

Ключевые слова: П. Романов; малые жанры; тип «нового человека»; национальная ментальность; вечные ценности.

В истории русской литературы советского периода есть скромные имена писателей, официально не «запрещенные», но незаметно исчезнувшие с горизонта отечественной словесности. К их числу принадлежит П.С. Романов (1884–1938), чьи сатирические рассказы, комедия «Землетрясение», незаконченная многотомная эпопея «Русь» в 1920–1930-е гг. воспринимались критикой неоднозначно.

События начала XX в. породили множество вопросов, волновавших творческую интеллигенцию: отношение к революции, взаимоотношения политики и нравственности, технической цивилизации, судьбы культуры в эпоху революционной ломки, ограничения и подавления личности в новых условиях и др. Одним из животрепещущих стал вопрос о смене поколений, о том, каким будет человек новой формации.

Литература пыталась осмыслить эти проблемы, но особенно волновал воображение писателей образ *нового человека*, который рождается в результате разрыва с предшествующей культурой, преодолевает исторические, нравственные и религиозные ценности, отвергнутые революцией.

На протяжении всей истории литературы писатели остро чувствовали зарождающиеся социальные и исторические изменения. Нельзя утверждать, что тема «нового» героя появляется лишь в XX в. и является следствием исторических реалий того времени. Стоит обратиться к классике русской литературы и вспомнить «маленького человека» А.С. Пушкина, размышления над судьбой этого героя в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Нельзя обойти стороной и творчество И.С. Тургенева и его сильный, благодаря иносказательности и метафоричности слова¹, образ Базарова, появившийся в русской литературе как нельзя кстати. Что касается литературы

¹ См. об этом: Лоскутникова М.Б. Иносказательность слова и иносказательность образа: к вопросу о становлении стиля в творчестве И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2010. № 2(5). С. 36–46.

XX в., то здесь тема «нового» героя приобретает множество совершенно разнообразных трактовок, что обусловлено закономерностью развития исторического процесса. Появившиеся разнообразные литературные группировки и течения по-своему осмысливали эту тему.

Не остался в стороне и П. Романов. Проблема возникновения новой нравственности привлекает пристальное внимание писателя и раскрывается в его рассказах 1920-х гг. Цель данного исследования — выявление своеобразия художественного осмысления П. Романовым «нового» героя эпохи. «Романов как крупный художник создал свою, новую форму — небольшой рассказ, миниатюру, где автор совсем не виден, где голоса персонажей воссоздают и человеческие характеры, и современную им эпоху» [4: с. 10]. Именно эту особенность мы и попытаемся проследить в его творчестве.

Зоркий взгляд писателя и его проникновенное мироощущение подмечают многие исследователи; например, С. Никоненко отмечал: «Стремясь осуществить принципы своей «художественной науки о человеке», он в своих произведениях показывал обыкновенного, среднего человека в новых обстоятельствах, обусловленных новым строем; и эти новые непривычные обстоятельства, а часто и новое социальное положение позволяли вскрыть глубинные, сущностные черты народного характера, обнажить человеческую душу» [3: с. 11].

Самыми яркими произведениями, в которых вопросы нравственности современного героя решаются Романовым наиболее емко, являются два рассказа: «Без черемухи» (1925) и «Большая семья» (1926), составляющие своеобразную дилогию. Оба они написаны на актуальную для того времени тему юношеских чувств, ранней любви. Революционные перемены отразились на всех сферах жизни, в среде молодежи вызревала «новая» «пролетарская» нравственность, которая была далека от идеалов прошлого, возникали «...упрощенные теории насильственной перестройки человеческого сознания» [5: с. 5]. Современная молодежь хотела брать от жизни все, не страшась последствий. У Романова вызывала тревогу открыто пропагандируемая «свободная любовь». Писатель чувствовал губительность этой идеи, неизбежно приводящей к утрате традиционных нравственных ценностей.

Анализируемые нами произведения отличаются от коротких сатирических рассказов писателя, они проникнуты особым лиризмом и вместе с тем драматизмом. Обличительный пафос в них даже усиливается, несмотря на отсутствие комического эффекта, свойственного малой прозе писателя.

В рассказе «Без черемухи» речь идет о романе двух молодых людей, студентов. Повествование ведется от лица героини и представляет собой письмо девушки к подруге. Такая форма позволяет автору наиболее проникновенно и психологически убедительно раскрыть ее внутренний мир.

Рассказ построен на противопоставлении героев: молодого человека, живущего плотскими потребностями и отрекшегося от чувств, и девушки, ищущей любви и красоты в окружающем мире и среди людей. Это противопоставление

выражается на разных уровнях текста. Главным образом-символом, передающим глубину непонимания между молодыми людьми, становится черемуха. Он возникает уже в начале рассказа, в диалоге героев:

— Без черемухи не можешь?

— Нет, не могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи.

— А я всегда без черемухи, и ничего, недурно выходит, — сказал он, как-то неприятно засмеявшись [1: с. 316].

Черемуха традиционно считается символом нежности, чистоты, любви. Девушка — носительница этих ценностей, тогда как молодой человек их отрицает. Примечательно, что когда она решается прийти к нему домой, то видит «...темный подъезд старого каменного дома, откуда пахнуло, после теплого, точно гретого воздуха майской ночи, еще зимним холодом непрогретых стен» [1: с. 318]. Создается оппозиция: холод серого подъезда, в котором живет юноша, и теплая весенняя ночь. Героиня как будто попадает в мертвое царство, где нет места любви, доброте, красоте — всему тому, что составляет основу ее самой. Их противостояние достигает кульминации в его квартире, где героиню ужасает беспорядок: «...грязная неубранная посуда, бутылки из-под масла, яичная скорлупа, жестяные чайники» [1: с. 319]. Стоит заметить, что у героини тут же возникает желание навести порядок, в этом проявляются ее гармоничность и вместе с тем отголоски ее представления о том, что человека можно изменить, исправить.

В противопоставлении герою, утратившему нравственные ценности, духовность девушки проступает еще ярче. Образ смятой черемухи, который возникает в начале и в финале рассказа, а значит, поставлен автором в сильную позицию, проецируется на девушку, ее чувства, переживания. Это героиня грубо «смята» молодым человеком, живущим «без черемухи». Словосочетание, брошенное героем в разговоре, становится символом новой жизни без любви, без надежды и чистоты — всего того, что воплощается в образе черемухи. А героиня рассказа символизирует надежды на возрождение духовности, чистоты души, веры в то, что в человеке никогда не померкнут добрые чувства.

Подобная авторская позиция представлена и в другом рассказе — «Большая семья», который стал продолжением рассказа «Без черемухи». Он повествует о дальнейшей судьбе героини: о ее попытке найти поддержку матери в трудной ситуации. Но мещанское скудоумие той не позволяет ей принять беременную дочь, и девушка находит новую «семью» среди товарищей по университету.

Название рассказа приобретает символическое значение. Словосочетание «большая семья» переосмысливается: героиня отрекается от родного семейства и становится частью семьи студенческой, общечеловеческой. Сама семантика слова «семья» изменяется, и акцент переносится с кровных уз на идеологическую, духовную общность. Это один из часто используемых П. Романовым приемов: игра с многозначным словом, подмена ожидаемого смысла другим.

В рассказе «Большая семья» так же, как и в предыдущем, сталкиваются разные типы мировосприятия, но на этот раз чистая душа противостоит старым, закоряклым догмам. И вновь авторская позиция угадывается на уровне деталей, символично-ассоциативных связей. Так, рассказ начинается с описания героиней поездки в деревню после расставания с возлюбленным. Она едет домой в надежде, что после всех испытаний в городе дома она обретет поддержку матери. Пейзаж, открывающийся взору героини, близок к идиллическому: мир свеж и ярк. Но он лишь отражение чувств девушки, которая ожидает от приезда в деревню только хорошее. Она пересаживается из «душного вагона» (символ «душной» Москвы) в телегу, и ее окружает свежее утро с бесконечными просторами полей. Но в доме матери идиллическая картина начинает разрушаться: во дворе «...валялось старое ведро без дна и виднелись разлитые от порога мыльные помои» [1: с. 325]. Романов упоминает «старую рябину», «старые, заплатанные и подпертые колыями заборы», «старое ведро», мать в «старенькой юбочке» — все детали указывают на затхлость, старость, грязь. Становится понятно, что и мать является частью «старого» мира, органична с ним, как органична для героя рассказа «Без черемухи» неряшливая жизнь. Автор изображает грязь как метафизическое свойство русской жизни, от которого никак не избавиться. Мать не может понять свою юную дочь, для нее случившаяся с ней история — банальная житейская ситуация, и, следуя мещанским законам, она советует дочери избавиться от ребенка.

П. Романов откликается на современность, порицая свершающиеся изменения, говорит об общечеловеческом, бытийном, тем самым связывая свое творчество с русской национальной культурой и лучшими литературными традициями. Размышления его о человеке приобретают онтологический характер. Мещанская мораль узколоба, поверхностна и жестока. Примером служит история с собакой Цыганкой, чьих щенков мать заставила утопить брата героини. Мальчик, узнав о рождении щенят, радостно закричал: «У Цыганки родились *дету!*» [1: с. 326]. Но для матери не существует понимания сакральности жизни, для нее что щенки, что дети, поэтому и поступать с ними можно схожим образом. Героиня уподобляется несчастной, беспомощно забившейся в угол собаке: «Она забила в угол конуры, покрыв щенят своим телом, и смотрела на подхлотившего брата такими глазами, которых я никогда не забуду» [1: с. 327]; «я забила в угол, точно прикрывая собой то, что уже жило во мне» [1: с. 328]. Параллельное построение фрагментов позволяет понять отношение матери к собственной дочери и ее ребенку, показывает беспомощность героини перед старым укладом и подчеркивает разницу в восприятии двух женщин: девушка ценит жизнь в любом ее проявлении, ощущает полное единение с ней, мать, напротив, готова отречься от нарождающейся жизни ради устаревших догм.

То же противопоставление ожиданий и реальности возникает и по приезде молодой женщины в город. Но именно здесь, в Москве, где раньше она чувствовала себя одинокой, героиня вдруг осознает всю важность случившегося с ней: незамужняя, собирающаяся родить ребенка, она становится

частью зарождающегося будущего. Именно в Москве девушка находит новую семью — узнает, что окружающие не только не осуждают ее, но и с большим трепетом относятся к ее положению.

Автор ценит в студенчестве способность сохранять нравственную чистоту. В рассказе неоднократно отмечается, что повсюду идет ремонт. Поначалу героиня отрицательно относится к нему — ее раздражают шум и пыль. Но эта деталь свидетельствует об очищении героев, дает надежду на то, что всё старое, обветшалое и нечистое наконец-то останется в прошлом. Ремонт означает и то, что люди способны меняться: если в рассказе «Без черемухи» студенты относятся пренебрежительно к окружающей их обстановке, нисколько не заботятся о порядке и чистоте, то в рассказе «Большая семья» ремонт символизирует обновление и пересмотр взглядов на жизнь.

Ребенок, которого ожидает героиня, приобретает некий символический смысл — это зарождение новой жизни, возрождение исконной духовности, нравственности, народной мудрости, ведь образ матери и ребенка уходит корнями в глубокую древность и имеет надвременной и философский смысл.

Для понимания концепции нового человека в картине мира Пантелеймона Романова важно рассмотреть встречу героини с отцом ее ребенка. В начале сцены возникает мотив полноты жизни и уверенности в будущем: «И у меня было настоящее радостной полноты, я чувствовала себя как бы живой участницей в этом весеннем празднике природы и жизни, когда смотрела на своего маленького, как он в беспричинной радости трепыхался своими ручонками, навстречу свету и солнцу» [1: с. 330]. Обращение к образу природы передает душевное состояние героини. Весна символизирует новый этап в жизни девушки, изменение ее собственного отношения к жизни. Героиня вновь ощущает гармонию с природой, и в этом единстве сила, позволяющая ей быть увереннее молодого человека. Она ведет себя с ним как со старым знакомым: «...я слушала его с оживленной улыбкой, с какою слушают своего хорошего знакомого, которого не видели много лет и рады узнать, что у него все хорошо» [1: с. 331]. В отличие от юноши, растерянного, не находящего слов, она тверда и спокойна. Интересно заметить, что в рассказе «Без черемухи» герой характеризуется как сильный, уверенный в себе человек: «И он как бы боялся в их глазах не оправдать свое положение вожака» [1: с. 315]. Но во втором рассказе он из вожака превращается в человека слабого, не знающего, как поступить в сложившейся ситуации. Человек «без черемухи» оказался побежденным, Романов развенчивает своего героя и отказывает ему в праве называться «новым человеком» эпохи. Не случайно героиня в диалоге с ним мимоходом упоминает черемуху — в ее жизнь возвращается та самая цветущая черемуха, об утрате которой она сожалела в начале истории. И именно поэтому свое письмо героиня заканчивает словами: «...ощущаю необъяснимую крепость жизни в себе, внутреннюю полноту и свободу» [1: с. 335]. В рассказе «Большая семья» запечатлено представление автора о типе «нового человека», воплощенном в образе юной девушки, нашедшей в себе силы переступить через мещанское невежество и продолжать жить, радуясь самому факту жизни.

Рассмотренные произведения П. Романова предлагают яркое индивидуально-авторское осмысление одной из ведущих проблем молодой советской литературы: проблемы подмены духовных ценностей материальными, измельчания ценностных ориентиров. Но, безусловно, они вызывают интерес и как пример художественного осмысления социально-нравственной проблематики своего времени с позиции вечных ценностей, которые являются основой национальной, народной ментальности. Это обуславливает несомненную способность произведений П. Романова вести диалог «в большом времени» [2: с. 328].

Библиографический список

Источники

1. Романов П. Без черемухи: повесть, рассказы. М.: Правда, 1990. 464 с.

Литература

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Иск-во, 1979. 423 с.
3. Никоненко С. «...о менее праздничном, но более человеческом» // П. Романов. Избр. произв. М.: Худ. лит., 1988. С. 3–14.
4. Сушилина И. Дорогой своей подлинной жизни... // П. Романов. Яблоневого цвет: повесть и рассказы. М.: Сов. Россия, 1991. С. 3–10.
5. Шнейберг Л.Я. От Горького до Солженицына / Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков. М.: Высш. шк., 1995. 560 с.
6. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. Писатель, 1988. 416 с.

References

Istochniki

1. Romanov P. Bez cheryomuxi: povest', rasskazy'. M.: Pravda, 1990. 464 s.

Literatura

2. Baxtin M.M. E'stetika slovesnogo tvorchestva / sost. S.G. Bocharov, primech. S.S. Averinceva i S.G. Bocharova. M.: Isk-vo, 1979. 423 s.
3. Nikonenko S. «...o menee prazdnichnom, no bolee chelovecheskom» // P. Romanov. Izbr. proizv. M.: Xud. lit., 1988. S. 3–14.
4. Sushilina I. Dorogoj svoej podlinnoj zhizni... // P. Romanov. Yablonevy'j cvet: povest' i rasskazy'. M.: Sov. Rossiya, 1991. S. 3–10.
5. Shnejberg L.Ya. Ot Gor'kogo do Solzheniczy'na / L.Ya. Shnejberg, I.V. Kondakov. M.: Vy'ssh. shk., 1995. 560 s.
6. E'pshtejn M.N. Paradoks'y novizny': o literaturnom razvitii XIX–XX vekov. M.: Sov. pisatel', 1988. 416 s.

S.A. Kryuchkova

Artistic Perception of the «New» Hero in Stories by P. Romanov

This article contemplates the type of «a new hero» in the 1920s' stories by Pan-teleimon Romanov, peculiarities of the author's individual world-view, appealing to eternal ontological values and search for positive vital sources in the spiritual and ethic tradition.

Keywords: P. Romanov; small genres; type of «a new man»; the national mentality; the eternal values.

**Междисциплинарные связи
в реализации межкультурного подхода
к обучению иностранным языкам:
информационно-аналитический обзор
материалов Первой международной
научно-практической конференции
«Диалог культур. Культура диалога:
в поисках передовых социогуманитарных
практик» (Москва, 14–16 апреля 2016 г.)**

Международная научно-практическая конференция в Московском городском педагогическом университете, прошедшая в апреле 2016 г., была посвящена многостороннему рассмотрению базового понятия межкультурной коммуникации *диалог культур* в его неразрывной связи с понятием *культура диалога*. Эвристическое видение темы конференции получило интегральное междисциплинарное звучание в 130 докладах и направило внимание на социогуманитарный характер практик обучения языкам и культурам в очерченном под таким углом зрения образовательном пространстве [8].

Первая встреча исследователей (более 250 участников), представлявших различные научные школы и университетские центры по междисциплинарным проблемам гуманитарного знания (эпистемология, аксиология, филология, лингвистика, лингводидактика, культурология, лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика, теория коммуникации, переводоведение), проходила на базе Института иностранных языков МГПУ. Организация такого рода междисциплинарной конференции в рамках профильного вуза основана на том, что гуманитарии стремятся обобщить и трансформировать накопленный опыт, предлагая передовые образовательные технологии как ключевые при обеспечении эффективности обучения иностранным языкам, а также в более широкой сфере гуманитарного образования.

По результатам конференции вышел сборник материалов, где 125 авторов рассматривают актуальные проблемы межкультурной коммуникации, роль и содержание междисциплинарных связей в гуманитарной сфере диалога культур и культуры диалога с позиций современной научной парадигмы. Представлены образовательные практики, направленные на реализацию межкультурного подхода к обучению иностранным языкам, формированию составляющих иноязычной компетенции [2: с. 73–77], профессионально-методической подготовке учителей иностранного языка [14: с. 337–343].

Основываясь на идее соответствия образа науки состоянию культуры и цивилизации и актуальным вызовам времени, Е.Г. Тарева обосновывает положение о том, что развитие межкультурного подхода в гуманитарной сфере и, в частности, в сфере иностранных языков, определяется динамикой современного мира, с присущей ему сменой геополитических парадигм, сложным, бифуркационным характером современных процессов заявляющей о себе информационной геополитической парадигмы. Сформировавшиеся вызовы времени значимы для социогуманитарной области научного знания, которая развивается в соответствии со сменой доминант в геополитическом пространстве. Современная межкультурная образовательная идеология предполагает «освоение обеих культурных данностей — и родной, и иной — в их равнозначном статусе, в их взаимном пересечении и интеграции. Обучающая стратегия при этом заключается в учете обязательного взаимодействия контактирующих языковых и концептуальных систем участников коммуникации. <...> Как генеральная инновационная идея, новая обучающая стратегия предполагает создание инновационных технологий ее воплощения на практике» [18: с. 561–562].

При разработке передовых образовательных практик, соответствующих современному состоянию общества, возрастает необходимость учета фактора личностной идентичности человека и способов ее гармонизации в рамках осознания границ *свой – чужой*. В докладе Л.В. Уховой «Русский язык как фактор гармонизации межнациональных отношений» [19: с. 568–572] устанавливается важность формирования ассоциативного концептуального поля в целях воспитания толерантности, достигаемого прежде всего через содержание «круга чтения» обучающегося на родном языке.

Об отличии ситуации диалога культур народов, территориально удаленных друг от друга, от той, которая формируется на одной территории, где функционирует единый государственный язык, говорится в докладе Э.М. Рянской. Отмечается важность изучения иноязычного материала, имеющего большую познавательную ценность для формирования основ взаимодействия культур в условиях многонационального государства [16].

Эпистемологическую значимость имеет анализ диалога языков и культур в лингвистической традиции эпохи Возрождения [15: с. 378–384], философского дискурса, а также дискурса о культуре как форм культурного диалога, в которых отражаются определенные концептуальные картины мира. Так, в докладе Т.Ю. Загрязкиной в русле концептологии раскрывается положение

о том, что дискурс о культуре — это диалог между научными школами разных стран, имеющими свои традиции, идеальные образы, референтные тексты, в которых выдвигается и обосновывается своеобразная терминология. Словарь сферы *культура* на материале франкоязычных языков и культур складывается из таких терминов, как *места культуры, места памяти, места перехода, места знания, места творчества* [10: с. 210–214].

Признание культуроориентированных подходов к обучению иностранным языкам сталкивается с проблемой его реализации на практике, прежде всего при создании и использовании учебной литературы [7: с. 139–144]. В докладе А.В. Щепиловой «Тактика реализации межкультурного подхода: цели, документы, практики» на основе критического анализа серии учебников французских издательств устанавливается следующая тенденция: значимость межкультурного подхода прогрессивно растет от отдельных педагогических приемов к *intercultural* как принципу обучения и далее к фундаментальному элементу образования, обеспечивающему достижение цели — воспитание личности в духе поликультурализма [20: с. 604–610].

Методология анализа межкультурного диалога обогащается практикой использования когнитивного, кросс-культурного, коммуникативного анализа, используемого во многих докладах. В этом плане важна, по мнению В.И. Карасика, разработка категории имплицитности в диалоге культур на основе принципа прагматизма в межкультурной коммуникации [11: с. 231], а также дальнейшее развитие аспектов теории стереотипов, языкового сознания и национальных менталитетов в русле данной проблематики.

В ряду современных образовательных социогуманитарных практик были рассмотрены: коммуникация в пространстве музея [4: с. 109–114]; медиadiaлог культур в XXI в. [9: с. 204–210]; *слэм* как современная форма социального диалога поэта и улицы [12: с. 247–253]; СМС как форма диалоговой культуры [17: с. 503–506]; диалог издателя и потенциального читателя, опосредованный книготорговым каталогом [3: с. 104–109]; «мягкая» модальность при обучении языку для специальных целей в сфере медицины [1: с. 10–13]; сравнительный анализ этнообразов художественных произведений и их киноадаптаций [5: с. 115–119]; другие формы и способы прямой, непрямой, дистанцированной, опосредованной или виртуальной диалоговой коммуникации.

Проблемы межкультурной коммуникации касаются и многих социолингвистических аспектов ее реализации, в том числе изучаются языковая политика различных государств с точки зрения отражения картины мира и другие аспекты, существенные на уровне международных контактов [13: с. 286–292]. Важное место занимают темы, касающиеся диалоговой сущности перевода, учета коннотативных значимостей знака, феноменов прецедентности и лакунарности [6: с. 130–134].

Перевод является важнейшим инструментом реализации межкультурного диалога, что определяет все более высокие требования к формированию

межкультурной компетентности современного переводчика. Рассматривая современные технологии перевода, исследователи исходят из его диалоговой сущности, учета коннотативных значимостей знака, феноменов прецедентности и лакунарности [6: с. 130–134].

В целом работа конференции продемонстрировала продуктивность научного общения, в ходе которого ставятся актуальные междисциплинарные проблемы и предлагаются варианты их решения. Ход и результаты конференции показывают важность поддержания российских традиций в организации научных форумов и одновременно необходимость внедрения новых форматов представления знания в соответствии с современными запросами образования и общества.

Библиографический список

Литература

1. *Абакарова Н.Г.* Некоторые аспекты обучения российских врачей культуре диалога в сфере медицинской франкоязычной коммуникации // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 10–13.

2. *Бубнова Г.И.* Чтение вслух как инструмент оценивания устной иноязычной компетенции // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 73–78.

3. *Викулова Л.Г., Макарова И.В.* Книготорговый каталог в диалоге издателя и потенциального читателя: к вопросу о культуре чтения // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 104–109.

4. *Водяницкая А.А.* Коммуникативное пространство современного музея: диалог со зрителем и волонтером // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 109–114.

5. *Вострикова О.В.* Английские этностереотипы в детективном цикле о Пуаро А. Кристи и его британской киноадаптации 1989–2013 гг. // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 115–119.

6. *Гавриленко Н.Н.* Межкультурная коммуникативная компетентность переводчика // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 130–134.

7. *Герасимова С.А.* Учебник иностранного языка как площадка диалога культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных

практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 139–144.

8. Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. 620 с.

9. *Желтухина М.Р.* Меди диалог культур в XXI веке: вчера – сегодня – завтра // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 204–210.

10. *Загряжкина Т.Ю.* Термины культуры в диалоге научных школ и культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 210–215.

11. *Карасик В.И.* Имплицитность в диалоге культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 231–240.

12. *Клейменова Н.М.* Слэм как современная форма социального диалога поэта и улицы // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 247–253.

13. *Крупченко А.К.* Отражение языковой картины мира в языковой политике государств // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 286–292.

14. *Леонтьева Т.П.* Профессионально-методическая подготовка учителей иностранного языка: поиск новых путей // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 337–343.

15. *Михайлова Е.Н.* Диалог культур в лингвистической традиции эпохи Возрождения // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 378–384.

16. *Рянская Э.М.* Национально-специфические компоненты культур как фактор языкового многообразия // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 481–485.

17. *Сластникова Т.В.* СМС как новая форма диалоговой культуры в коммуникативном пространстве // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых

социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 503–506.

18. *Тарева Е.Г.* Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 558–563.

19. *Ухова Л.В.* Русский язык как фактор гармонизации межнациональных отношений // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 568–574.

20. *Щетникова А.В.* Тактика реализации межкультурного подхода: цели, документы, практики // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. С. 604–612.

References

Literatura

1. *Abakarova N.G.* Nekotory'e aspekty' obucheniya rossijskix vrachej kul'ture dialoga v sfere medicinskoj frankoyazy'čnoj kommunikacii // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 10–13.

2. *Bubnova G.I.* Chtenie vslux kak instrument ocenivaniya ustnorechevoj inoyazy'čnoj kompetencii // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 73–78.

3. *Vikulova L.G., Makarova I.V.* Knigotorgovy'j katalog v dialoge izdatelya i potencial'nogo chitatelya: k voprosu o kul'ture chteniya // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 104–109.

4. *Vodyaniczskaya A.A.* Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo muzeya: dialog so zritelem i volonterom // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 109–114.

5. *Vostrikova O.V.* Anglijskie e'tnostereotypy' v detektivnom cikle o Puaro A. Kristi i ego britanskoj kinoadaptacii 1989–2013 gg. // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 115–119.

6. *Gavrilenko N.N.* Mezhekul'turnaya kommunikativnaya kompetentnost' perevodchika // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 130–134.
7. *Gerasimova S.A.* Uchebnik inostrannogo yazy'ka kak ploshhadka dialoga kul'tur // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 139–144.
8. Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. 620 s.
9. *Zheltuxina M.R.* Mediadialog kul'tur v XXI veke: vchera – segodnya – zavtra // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 204–210.
10. *Zagryazkina T.Yu.* Terminy' kul'tury' v dialoge nauchny'x shkol i kul'tur // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 210–215.
11. *Karasik V.I.* Implicitnost' v dialoge kul'tur // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 231–240.
12. *Klejmenova N.M.* Sle'm kak sovremennaya forma social'nogo dialoga poe'ta i uliczny' // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 247–253.
13. *Krupchenko A.K.* Otrazhenie yazy'kovoj kartiny' mira v yazy'kovoj politike gosudarstv // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 286–292.
14. *Leont'eva T.P.* Professional'no-metodicheskaya podgotovka uchitelej inostrannogo yazy'ka: poisk novy'x putej // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 337–343.
15. *Mixajlova E.N.* Dialog kul'tur v lingvisticheskoj tradicii e'poxi Vozrozhdeniya // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 378–384.
16. *Ryanskaya E.M.* Nacional'no-specificheskie komponenty' kul'tur kak faktor yazy'kovogo mnogoobraziya // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x

sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 481–485.

17. *Slastnikova T.V.* SMS kak novaya forma dialogovoj kul'tury' v kommunikativnom prostranstve // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 503–506.

18. *Tareva E.G.* Mezhkul'turnaya obrazovatel'naya ideologiya v e'poxu geopoliticheskix transformacij // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 558–563.

19. *Uxova L.V.* Russkij yazy'k kak faktor garmonizacii mezhnacional'ny'x otnoshenij // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 568–574.

20. *Shhepilova A.V.* Taktika realizacii mezhkul'turnogo podxoda: celi, dokumenty', praktiki // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira, 2016. S. 604–612.

Е.Ф. Серебрянникова

Научно-практическая конференция «Травелог: рецепция и интерпретация»

Научно-практическая конференция, организованная кафедрой русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, состоялась 25 марта 2016 г. В ней приняли участие очные и заочные докладчики из Москвы, Твери, Перми, Иванова, Покрова, Ташкента, Еревана, Нидерландов, США.

Почему травелоги, а не путешествия? Травелог — это жанр или особый род литературы, некая нарративная практика? Почему издаются сборники, пишутся монографические исследования, защищаются диссертации, посвященные травелогу? Ответить на эти вопросы и была призвана конференция «Травелог: рецепция и интерпретация».

Современные тревел-штудии сходятся в том, что травелоги прошлого отличны от нынешних, со временем их рецепция меняется. Н. Эйдельман в своей знаменитой книге «Быть может за хребтом Кавказа...» сравнивает старинные путешествия и путешественников с современными. Первая утрата-приобретение, по словам Эйдельмана, это скорость: «При всем при этом выигрыш скорости — проигрыш радости» (Эйдельман Н.Я. «Быть может за хребтом Кавказа...». М.: Наука, 1990. С. 22). «Вторая утраченная радость — уникальность: прошли те, сравнительно недавние времена, когда рассказы о Кавказе, Средней Азии, Сибири звучали как ныне — об Огненной Земле или океанских впадинах. “Быть может за хребтом Кавказа...” — мечтал Лермонтов. Строки были рассчитаны в основном на тех, кто никогда не был и не будет за хребтом Кавказа, ибо это — бог знает где!» (Там же. С. 23).

Каждая литературная эпоха, охватывающая не только вековые промежутки, но и куда меньшие — десятилетние, формирует свои особенности травелогов.

Галина Тиме, один из авторов сборника «Беглые взгляды», исследующая практику культурного освоения пространства, отмечает, что в Древней Руси с путешествиями на Запад ассоциировалось инакомыслие и невозвращение, т. е. сознательная эмиграция (Тиме Г.А. Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сб. ст. / пер. с нем. Г.А. Тиме. М.: НЛЮ, 2010. С. 235–246).

Немецкий исследователь К. Штэдтке выстраивает эволюционный путь русского травелога: до конца XVII в. это было описание паломнических хождений по странам христианского Востока и в Иерусалим, где преобладали официальные отчеты (статейные списки) русских дипломатов о путешествиях по странам Западной Европы. В Петровскую эпоху популярными становятся

путешествия в Европу в образовательных целях. К концу XVIII в. описания путешествий входят в репертуар для чтения светской публики. С середины XIX в. развлекательное путешествие становится стилем жизни имущих слоев общества (см.: *Штедтке К.* Путешествие минералога и геохимика В.И. Вернадского // *Беглые взгляды...* Указ. изд. С. 381). В частности, рассматривая «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского, К. Штедтке говорит, что впечатления путешественника получали статус инвентаризованного знания о мире.

И наконец, путешествия XX и XXI вв.: что характерно для них? Откуда жажда фиксировать пережитое в пути? И откуда желание исследовать травелогии? По мнению А. Эткинды, «у каждой культуры есть образ Другого, выполняющий свою роль в игре сил и значений, которые определяют ее восприятие себя. Простейшей из схем является различие между ассимиляцией, когда культура стремится отождествить себя и Другого, и диссимиляцией, когда культура их различает и противопоставляет. <...> Каждый травелог находит свой, всегда неустойчивый и рискованный, баланс между двумя силами: диссимилятивные тропы вызывают у читателя недоверие, ассимилятивные тропы вызывают скуку» (*Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: НЛЮ, 2001. С. 7–8). При этом, добавляет ученый, «...различия всегда интереснее сходств; в надежде на другую жизнь люди и отправляются, по своей воле или нет, в далекие края» (Там же. С. 8).

В структуре конференции были выделены две группы травелогов, но не географически векторных, а скорее, рецептивных. Данная классификация позволила сделать акцент еще на одной характерной черте травелогов.

Название первой сессии конференции дала строчка из стихотворения О.Э. Мандельштама «Как живет в Эривани синица?». Здесь прозвучали доклады, в которых были рассмотрены травелогии с выраженной познавательной интенцией. Таковы доклады о «Письмах русского путешественника», где освещены немецкий вектор путешествия Н.М. Карамзина и английский, сопряженный с поисками национальной идентичности. В сообщении Г.И. Романовой «Современная рецепция “Писем русского путешественника” Н.М. Карамзина» рассмотрен жанровый синтез карамзинского путешествия: черт эпистолярного романа, сентиментального путешествия, травелога. Анализируя маршрут путешествия, докладчик пришел к выводу о том, что ряд немецкоязычных философов и литераторов, которых посетил герой книги, объединяет характерная общая черта: непосредственное отношение к России (рождение, образование либо проживание на ее территориях). Э.Д. Меленевская рассмотрела участие Н.М. Карамзина в формировании самоопределения русских на материале статьи Э.Г. Кросса «Российская перцепция Англии и русская национальная идентичность на грани XVIII–XIX веков» в свете англо-русских контактов и, в частности, путевых впечатлений.

В докладе А.Ю. Сорочана озвучены основные перспективы исследования книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» в контексте литературы путешествий,

определены базовые направления, в которых может продолжаться работа с текстом Гончарова. Особое внимание уделено журнальным публикациям современников писателя, проведены параллели с другими путевыми текстами, которые могли повлиять на создателя «Фрегата “Паллады”», что позволило раскрыть неоднозначность классического травелога и продемонстрировать сосуществование «символических репрезентаций» и «действий и взаимодействий» в текстах середины XIX в.

Доклад *А.Д. Казимирчук* был посвящен изучению русской ориенталистской литературы, которая стала первичным источником и основой колониальной антропологической школы XIX в. в России. Материалом доклада стали травелоги и очерки, посвященные путешествиям в Среднюю Азию Н.Н. Каразина и В.В. Верещагина.

Сообщение *И. Кутейниковой* «Человек и природа. Диковины Конго» было построено на рецепции альбома фотографий, отражающего страсть к охоте и коллекционированию чучел животных в тот период, когда Конго было «личным владением» бельгийского короля Леопольда II. Анализируя дискурс начала XX в., докладчица сделала акцент на колониальном характере фотографирования, вошедшего в культурный арсенал экспансии и выраженного как бесспорная власть.

Жизненный путь армянской танцовщицы, актрисы, писательницы и литературоведа Армен Оганян (1887–1976) был представлен в докладе *А. Бахчиняна* и *В. Матиосяна*. В течение своей долгой жизни Оганян, динамичная, неординарная женщина, много путешествовала по миру и оставила свой значительный след в культуре разных народов.

О поездке В. Гиляровского в Малороссию и его открытиях, связанных с биографией Н.В. Гоголя, сообщил *Г.К. Ольховой*. Работа Гиляровского, по словам докладчика, раскрывает возможности жанра в сохранении исторического контекста.

О своеобразии стихов В.С. Высоцкого и присутствию в них, по мнению *П.П. Ткачевой*, элементов травелога сообщено в докладе, посвященном стихам «Я из дела ушел...».

В ключе постколониальных и постсоветских штудий *Э.Ф. Шафранской* представлены образы «советскости» в травелоге «Тоска по Армении» Ю. Карабчиевского, подмеченные рассказчиком во время его путешествия по Армении: городской ландшафт, социальные институты, ментальность горожан, — и шире — некие «пароли», выявляющие отношение к советскому режиму.

Вторая сессия конференции была озаглавлена «В поисках Земли обетованной», она объединила доклады о травелогах, задуманных и состоявшихся как поиск, открытие и описание идеального места.

В.Н. Колбасин сделал сообщение о парижском мифе, существующем в русской культуре с XVIII в. Миф о Париже — это миф о городе непрерывно-го праздника. Такое видение Парижа выражено Н.М. Карамзиным в «Письмах

русского путешественника». В XX в. это наблюдение закрепилось в творчестве В. Некрасова. Связь травелогов Некрасова — «Первое знакомство», «Месяц во Франции», «Из парижских тетрадей», «Праздник, который всегда и со мной» — с первым русским парижским травелогом Карамзина возникает, по словам докладчика, через ощущение свободы перемещений, общения, встреч.

В докладе *Н.В. Михаленко* рассмотрены особенности жанровой структуры «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А.В. Чаянова. Наряду с использованием формообразующих элементов травелога (описание устройства страны будущего), в основе содержания романа обнаружена метаутопическая модель, показывающая амбивалентность утопического идеала. Страна Советов, как и прогрессивная крестьянская страна, строится на основе деспотии, искусственного отбора. Если в Советской России 1920-х гг. это классовая дискриминация, то в стране будущего — генетический отбор, «терапия неудавшихся жизней».

Путешествиям героев А.П. Платонова и Б. Пильняка в страну «Колхозия» был посвящен доклад *И.И. Матвеевой*. В центре сообщения — необычность жанра «Че-Че-О» — произведения, названного авторами «областными организационно-философскими очерками». Созданные по итогам поездки в Центрально-Черноземную область в 1928 г., они соединили путевые заметки, исторический экскурс в прошлое Воронежского края, лирико-философские размышления, сатиру и конкретные предложения по улучшению работы в стране.

В докладе *А.И. Смирновой* проанализирован мотив путешествия в прозе Г. Газданова: в ранних рассказах «Превращение» и «Черные лебеди», в романах «История одного путешествия» и «Ночные дороги». Выявлен метафизический смысл странствия как модуса духовного самоуглубления и самосовершенствования. Интенсивная внутренняя жизнь газдановского героя: его мечты, иллюзии, сны, воспоминания о прошлом, духовные странствия — замещают реальность и преображают ее.

Официозно-устрашающему образу заграницы посвящен доклад *А.Ю. Чайниковой*. На материале песни В.С. Высоцкого «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме» показано двойственное отношение к иностранцам и Западу, сложившееся в СССР к 1970-м гг. С одной стороны, Запад воспринимался как враждебное пространство, с другой — как лучший мир, к которому советские граждане всеми силами стремились. Заграничная командировка героя песни рассмотрена с мифологической точки зрения.

В докладе *И.И. Мурзак* «Путешествие в “потерянный рай”: современная русская литературная карта» рассмотрены мотивы, побудившие к эмиграции русских писателей в разные периоды отечественной истории. Была представлена современная литературная карта Нью-Йорка как центра культурной жизни эмиграции. Рассмотрена метафора «потерянного рая» в контексте концептов «свобода» и «независимость».

Поискам литературными героями своей идентичности — через путешест-

вие в родовую память (на примере прозы Д. Рубиной, А. Волоса, Т. Пулатова) посвящен доклад *Т.М. Пономаревой*; роману «Улисс из Багдада» современного французского писателя Э.-Э. Шмитта, его персонажу — восточному мигранту в Европу, который наперекор традиционным ценностям желает жить там, куда ведет его мечта, подальше от тоталитарной и жестокой родины, — доклад *Ю.У. Матеновой*; книге «Следы на воде» К. Марголис, разрушающей набор стереотипных представлений о Венеции, — доклад *О.Ф. Ладохиной*; особенностям воплощения венецианской темы в кулинарном травелоге «Моя Венеция» А. Бильжо — доклад *О.В. Соболевой*; всемирно значимому для всех культур месту паломничества — Иерусалиму, городу мечты, городу-идеалу из травелога А. Иличевского «Город заката», — доклад *Н.А. Томиловой*.

Конференция завершилась докладом *Ф.Ф. Сафарчиевой*, в котором была рассмотрена жанровая специфика травелога. Докладчица сфокусировала внимание на синкретичности травелога и его маргинальности, порождающих множество жанровых трактовок тревел-текстов, что привело к теоретической путанице вокруг этого понятия. В качестве одного из продуктивных и перспективных вариантов решения проблемы предложен метажанровый подход к исследованию феномена травелога.

По итогам конференции подготовлен сборник статей «Травелоги: рецепция и интерпретация» (СПб.: Свое издательство, 2016). На обложке сборника — пустыня Сахара и летящий по ней, как по городскому асфальту, туарег. Для него этот «полет» вполне будничным, он даже на ходу чистит зубы, специальной палочкой. Экзотический туарег и невиданная зубная щетка воспринимаются зрителем, живущим в других ландшафтах, почти как инопланетный сюжет. Так увидел это фотограф Д. Сапаров, концептуальный путешественник, не по случаю, а по убеждению превративший свою жизнь в беспрестанный травелог.

Э.Ф. Шафранская



ЮБИЛЕИ

Поздравляем с юбилеем Альфию Исламовну Смирнову

Коллектив Института гуманитарных наук, кафедра русской литературы и редколлегия журнала «Вестник МГПУ» поздравляют с юбилеем ученого, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской литературы Альфию Исламовну Смирнову!

Альфия Исламовна — известный исследователь русской литературы XX в. Круг ее научных интересов разнообразен и включает в себя поэтику литературы русского зарубежья, философию и мифопоэтику натурфилософской прозы второй половины XX в., онтологические проблемы современной русской литературы. В перечень ее научных и учебно-методических работ, включающий свыше 240 наименований, входят труды, посвященные творчеству И.А. Бунина, Г.И. Газданова, В.П. Астафьева, Ч.Т. Айтматова, В.Г. Распутина, В.М. Шукшина, Б.П. Екимова, А.А. Кима и др.

Одним из главных в научной деятельности Альфии Исламовны и ее учеников стало комплексное исследование художественной натурфилософии в русской литературе, которое благодаря ее усилиям привело к созданию целого научного направления. Под ее научным руководством были подготовлены и успешно защищены 16 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук и одна докторская диссертация.

Альфия Исламовна входит в состав международной научной лаборатории «Animal Studies — Trzecia Kultura»: Человек и другие формы жизни (животное) в контексте пост- и трансгуманизма в Силезском университете (Польша); член редакционного совета научного журнала «Acta Zoophilologica» Института восточнославянской филологии того же университета. Альфия Исламовна неоднократно организовывала научные конференции, посвященные изучению философии и эстетики природы в художественной литературе. Преподаватели кафедры русской литературы опубликовали и готовят к печати научные статьи по итогам организованных ею научных мероприятий: семинара с международным участием «Природные стихии и явления в русской литературе и фольклоре» (2013), межвузовской конференции «Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре» (2016), прошедших в Институте гуманитарных наук МГПУ.

Авторский коллектив из числа преподавателей кафедры, который организовала и возглавила Альфия Исламовна, подготовил учебное пособие в двух книгах «Русская литература и культура в полиэтнической среде и междисциплинарном контексте современного образования: Избранные лекции для магистрантов» (М.: МГПУ, 2016).

В течение ряда лет Альфия Исламовна успешно руководила работой лаборатории НИИСО в МГПУ, в 2012–2013 гг. была главным научным сотрудником лаборатории «Модернизация гуманитарного образования в мегаполисе». С 2013 г. А.И. Смирнова возглавляет кафедру русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ, являясь опытным высокопрофессиональным руководителем, обеспечивающим подготовку студентов на самом высоком учебно-методическом уровне, а также координацию учебного процесса в ИГН.

Под ее руководством кафедра проводит большую работу на международном уровне: преподаватели кафедры участвуют в научных конференциях и сотрудничают с университетами Литвы, Польши, Чехии, Италии и других стран.

Альфия Исламовна является редактором и соавтором коллективного учебного пособия по литературе русского зарубежья, изданного в Турции (Gazi: Kitabevi) в 2014 г.; имеет многочисленные научные публикации в зарубежных изданиях Австрии, Италии, Испании, Индии, Греции, Китая, Турции, Польши, Чехии и др., входит в состав международного консультационного совета в международном журнале российских исследований (International Journal of Russian Studies); является заместителем главного редактора научного журнала «Вестник МГПУ», серии «Филология. Теория языка. Языковое образование».

В 2015/16 уч. г. совместно с Институтом системных проектов преподавателями кафедр русской литературы и русского языка ИГН под руководством А.И. Смирновой успешно выполнено Государственное задание, имеющее практическое значение в контексте разработки новых средств формирования и оценивания метапредметных компетенций обучающихся при их подготовке к написанию итогового сочинения в школе.

В 2000 г. А.И. Смирнова была награждена Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации за большой вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов. Имеет памятный знак МГПУ «За заслуги перед университетом» (2015 г.). В 2016 г. ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Альфия Исламовна входит в состав диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности 10.01.01 — русская литература: Д 850.007.07 (МГПУ) и Д 212.203.23 (РУДН); по специальности 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (музыка): Д 850.007.04 (МГПУ).

Поздравляем уважаемую Альфию Исламовну с юбилеем, желаем ей крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

*Коллеги и коллектив кафедры русской литературы
Института гуманитарных наук*

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2016, № 3 (23)

Алексеев Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ИГН МГПУ; доцент кафедры теории и истории языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

E-mail: alsalva@narod.ru

Афанасьева Ольга Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Баранова Ксения Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ksenia1973@mail.ru

Васильева Светлана Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Волгоградского государственного университета

E-mail: sseliger@mail.ru

Громова Алла Витальевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и фольклора ИГН МГПУ.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Желтухина Марина Ростиславовна — доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, заведующая научно-исследовательской лабораторией «Дискурсивная лингвистика», директор Центра коммуникативных технологий.

E-mail: zzmр@mail.ru

Короленко Ольга Игоревна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgakfr@mail.ru

Крючкова Светлана Алексеевна — аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

E-mail: svetlana.aly@gmail.com

Михайлушкина Ольга Александровна — преподаватель кафедры русского языка Волгоградского государственного технического университета;

соискатель кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: lapin-milush@ya.ru

Прокопенкова Валерия Владимировна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: lera_prokop@mail.ru

Серебренникова Евгения Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, медиакоммуникаций и иностранных языков Иркутского государственного университета.

E-mail: serebr_ef_76@mail.ru

Симкина Виктория Сергеевна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: viktorija_simkina@mail.ru

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Строганов Михаил Викторович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славянского искусствознания Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры).

E-mail: mistro@rambler.ru.

Сычева Мария Александровна — учитель французского языка многопрофильного технического лицея № 1501.

E-mail: maria372@yandex.ru

Тарева Елена Генриховна — доктор педагогических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по магистратуре, заведующая кафедрой французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Хутыз Ирина Павловна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой прикладной лингвистики и новых информационных технологий факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета.

E-mail: ir_khoutyz@hotmail.com

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: tchesno@bk.ru

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Шильникова Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Волгоградского государственного университета.

E-mail: glossa2@rambler.ru

Шубина Эльвира Леонидовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России.

E-mail: elvira.shubina@mail.ru

AUTHORS

of «MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2016, № 3 (23)

Alekseev Alexander Valeryevich — PhD (Philology), docent, associate professor of the Russian Language department, Institute of Humanities, MCU; associate professor of Department of language theory and history, Saint Tikhon's Orthodox University.

E-mail: alsalva@narod.ru

Afanasyeva Olga Vasilyevna — Doctor of Philology, full professor, head of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Baranova Ksenia Mikhailovna — Doctor of Philology, docent, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ksenia1973@mail.ru

Vasilyeva Svetlana Sergeevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Department of Journalism and Media Communications, Volgograd State University

E-mail: sseliger@mail.ru

Gromova Alla Vitalyevna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Zheltukhina Marina Rostislavovna — Doctor of Philology, full professor, member of Russian Natural Sciences Academy; professor of English Philology department, Volgograd State Socio-Pedagogical University; head of Scientific and research Laboratory «Discourse Linguistics»; director of Center for Communicative Technologies.

E-mail: zzmr@mail.ru

Korolenko Olga Igorevna — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: olgakfr@mail.ru

Kryuchkova Svetlana Alexeevna — postgraduate of Russian and Foreign Philology department, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

E-mail: svetlana.aly@gmail.com

Mikhajlushkina Olga Alexandrovna — associate professor of Russian Language department, Volgograd State Socio-Pedagogical University; postgraduate of English Philology department, Volgograd State Socio-Pedagogical University.

E-mail: lapin-milush@ya.ru

Prokopenkova Valeria Vladimirovna — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: lera_prokop@mail.ru

Serebrennikova Evgeniya Fedorovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Romance and Germanic Philology department, Institute of Philology, Media Communications and Foreign Languages, Irkutsk State University.

E-mail: serebr_ef_76@mail.ru

Simkina Viktoria Sergeevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: viktorija_simkina@mail.ru

Smirnova Alfia Islamovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Stroganov Mikhail Viktorovich — Doctor of Philology, full professor, professor of General and Slavonic Art Studies department, Moscow state university of design and technology (Institute of slavonic culture).

E-mail: mistro@rambler.ru.

Sycheva Maria Aleksandronva — French teacher, Multidisciplinary technical Lyceum № 1501.

E-mail: maria372@yandex.ru

Tareva Elena Genrikhovna — Doctor of Pedagogy, full professor, assistant director of Master's degree postgraduate studies of Institute of Foreign Languages, MCU; head of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Khoutyz Irina Pavlovna — Doctor of Philology, docent, head of Applied Linguistics and Information Technology department, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kuban State University.

E-mail: ir_khoutyz@hotmail.com.

Chesnokova Tatiana Grigoryevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: tchesno@bk.ru

Shafranskaya Eleonora Fedorovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Shilnikova Olga Gennadyevna — Doctor of Philology, docent, associate professor of Department of Journalism and Media Communications, Volgograd State University.

E-mail: glossa2@rambler.ru

Shubina Elvira Leonidovna — Doctor of Philology, docent, professor of German department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO — University) of Ministry of Foreign Affairs of Russia.

E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещаются аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указываются автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpru.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казенный пер., 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpru.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 3 (23), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 12.09.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.